

Научно-исследовательский центр имени П.А. Румянцева «Мысль»
Московский финансово-юридический университет МФЮА

ПРОБЛЕМЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 18

THE PROBLEMS OF CONNECTIONS BETWEEN REGIONS

№ 18

Москва - Калининград

2022

П78

Проблемы межрегиональных связей = Problems of connections between regions: научный журнал / Научно-исследовательский центр имени П. А. Румянцева «Мысль», Московский финансово-юридический университет МФЮА, Калининград: Аксиос, 2022 — Вып. 18 В. И. Кулаков [и др.]; сост. и ред. В. А. Шахов. — Москва; Калининград, 2022. — 72 с. - 500 экз. ISSN 2414-57344

УДК 08(082)

ББК 1.41жа54

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Забелин А. Г., ректор АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА», доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации; Забелин О.А., первый проректор АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА», кандидат технических наук, доцент; Филиппов В. Н., первый заместитель директора Калининградского филиала АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»; Галыга В. В., заместитель директора института инженерной педагогики и гуманитарной подготовки Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота, кандидат исторических наук, профессор; Капитальчук И. П., проректор по научно-инновационной работе Приднестровского государственного университета им. Т. Г. Шевченко, кандидат географических наук, доцент, член-корреспондент Российской академии естественных наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Шахов В. А., доктор культурологии, доцент, председатель правления Научно-исследовательского центра им. П. А. Румянцева «Мысль», заслуженный работник культуры РФ (РЕДАКТОР); Кулаков В. И., доктор исторических наук, начальник Балтийской экспедиции Российского института археологии РАН; Берестнев Г. И., доктор филологических наук, профессор Балтийского федерального университета им. И. Канта; Минаева О. А., кандидат экономических наук, проректор по организационной работе АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»; Пекина А. М., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, Почетный работник сферы образования Российской Федерации.

Научные статьи журнала включаются в базу данных
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых статей.
Ответственность за достоверность информации, изложенной в статьях, несут авторы.

Перепечатка материалов, опубликованных в журнале «Проблемы межрегиональных связей»,
допускается только с письменного разрешения редакции.

Настоящий журнал подготовлен в рамках этнокультурной программы
«Развитие межнационального и межконфессионального согласия и мира».

Учредители

Региональная общественная организация «Общество культуры Принеманья»;
Аккредитованное образовательное частное учреждение высшего образования
«Московский финансово-юридический университет МФЮА».

ISSN 2414-5734

№ 17 / 2022

Издаётся с 2000 г.

Выходит 4 раза в год

Составитель: Шахов В.А.
Компьютерный набор, верстка: Астапкович Е.В.

Отпечатано с оригинал-макета в ООО «АКСИОС».

Россия, Калининград, ул. Генерал-лейтенанта Озерова, 17б. Подписано в печать 29.05.2022. Зак. 124. Тираж 500 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

Исторические науки

1. Кулаков В.И., Шахов В.А.
Современное историко-культурное осмысление событий Тильзитского Мира 5
2. Гуров И.Д.
Феномен чуждесбыя в российской истории и культуре 11
3. Новиков А.С.
Декабристы – участники наполеоновских войн на земле Восточной Пруссии 20

Экономические науки

4. Кочин М.С.
Проблемы формирования финансовой грамотности населения в сфере финансового обеспечения 24

Педагогические науки

5. Скрыпник В.П.
Практико-ориентированный подход в образовательных технологиях 27

Культурологические науки

6. Пекина А.М.
Волонтерство как социальный тренд студенческой жизни 31
7. Чекулаева Ю.В., Купец Л.А.
Образ Ирландии в музыкальном творчестве Стэнфорда 35
8. Комарова И.И.
Концепты «толерантность» и «терпимость» в контексте обеспечения национальной культурной безопасности России 40
9. Шахов В.А., Яшина С.Л., Иванова М.И.
Проблемы этнокультурной общности юго-восточной Балтии 46
10. Четверикова Н.А., Шахов В.А., Наринян А.А.
Историко-культурный подход к исследованию Пруссии 52
11. Тен В.О., Шахов В.А.
Историко-культурный феномен народов Юго-Восточной Прибалтики в диахроническом измерении 57
12. Дубровская Е.Ю.
Арктический травелог: пространство строительства мурманской магистрали и перемены 1917 года в беломорской Карелии на Кольском Севере 61
13. Николаева Л.Ю.
Русские диаспоры в Центральной Азии: поиск идентичности 67

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гуров Игорь Дмитриевич – историк, философ. Калининград, Россия

Дубровская Елена Юрьевна – кандидат исторических наук, Старший научный сотрудник сектора истории. Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН), Петрозаводск, Россия /ldubrovskaya@inbox.ru

Иванова Марианна Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков», ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет», Россия / marianna.ivanova@klgtu.ru

Комарова Ирина Ивановна – кандидат культурологии, доцент Калининградского филиала Московского финансово-юридического университета МФЮА, Россия / irdii@mail.ru

Кочин Михаил Сергеевич – кандидат экономических наук, доцент, АНООВО «Калининградский институт управления», Россия

Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, начальник Балтийской экспедиции института археологии РАН, г. Калининград, Россия / drkulakov@mail.ru

Купец Любовь Абрамовна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории музыки ФГБОУ ВО «Петрозаводская государственная консерватория имени А.К. Глазунова», Республика Карелия, Россия / lkupets@yandex.ru

Наринян Арам Анатольевич – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии, БГАРФ, ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет, г. Калининград, Россия / aram.narinian@mail.ru

Николаева Лариса Юрьевна – доктор философских наук, профессор, БГАРФ, ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет, г. Калининград, Россия / rug1949@mail.ru

Новиков Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории. Калининградский областной историко-художественный музей, Россия / novic-80@ Rambler.ru

Пекина Анна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, Почетный работник сферы образования Российской Федерации, Россия / annamp23@yandex.ru

Скрыпник Владимир Павлович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры организации перевозок, БГАРФ, ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет, г. Калининград, Россия / skrypnik.vp@bgarf.ru

Тен Виктория Ольгердовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков», ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет», Россия / vita_ten@mail.ru

Чекулаева Юлия Владимировна – студентка ФГБОУ ВО «Петрозаводская государственная консерватория имени А.К. Глазунова», Республика Карелия, Россия / ula.dav@yandex.ru

Четверикова Надежда Александровна – доктор философских наук, профессор, профессор Выборгского филиала Российского педагогического университета имени А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия / chetverikova.nadezhda@bk.ru

Шахов Вячеслав Александрович – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры философии и культурологии, БГАРФ, ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет», г. Калининград, Россия / shakhov1952@yandex.ru

Яшина Светлана Львовна – кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и культурологии, БГАРФ, ФГБОУ ВО «Калининградский государственный технический университет, г. Калининград, Россия / ysl58@mail.ru

Современное историко-культурное осмысление событий Тильзитского Мира

Modern historical and cultural understanding of the events of the Tilsit World

В статье дана культурологическая оценка событий, происходивших в 2007 году в городе Советске (Бывшем Тильзите) в рамках масштабных мероприятий, посвящённых 200-летию подписания Тильзитского Мира в 1807 году императорами Александром I, Наполеоном Бонапартом и королём Пруссии Фридрихом Вильгельмом III. Показано, что этот мирный договор явился венцом грандиозных баталий на полях Пруссии. Представлены результаты анализа научно-практической составляющей юбилейных мероприятий в виде международного научного форума, наметившего ориентиры для научной рефлексии о будущем взаимоотношения между мировыми цивилизациями.

The article gives a culturological assessment of the events that took place in 2007 in the city of Sovetsk (formerly Tilsit) as part of large-scale events dedicated to the 200th anniversary of the signing of the Tilsit Peace in 1807 by Emperors Alexander I, Napoleon Bonaparte and King of Prussia Friedrich Wilhelm III. It is shown that this peace treaty was the crown of grandiose battles on the fields of Prussia. The results of the scientific and practical component of the anniversary events in the form of an international scientific forum, which outlined guidelines for scientific reflection on the future of the relationship between world civilizations, are studied.

Ключевые слова и фразы: Тильзитский мир, Александр I, Наполеон Бонапарт, Фридрих Вильгельм III, мирный договор, Пруссия, Калининградская область, город Советск, эдукология, патриотическое воспитание.

Keywords and phrases: Tilsit Peace, Alexander I, Napoleon Bonaparte, Friedrich Wilhelm III, peace treaty, Prussia, Kaliningrad region, the city of Sovetsk, educology, patriotic education.

Владимир КУЛАКОВ, Вячеслав ШАХОВ
Vladimir Kulakov, Vyacheslav SHAKHOV

Института археологии РАН Калининград-Москва, Россия
Калининградский государственный технический университет, Россия

Institute of archaeology RAS Kaliningrad-Moscow, Russia
Kaliningrad state technical university, Russia

В 2022 году исполняется 215 лет Тильзитскому миру, ставшему важной вехой в истории европейской дипломатии. Мирный договор, подписанный у живописных берегов реки Неман властителями Франции и России, наиболее сильных держав нашего континента в начале XIX в., является первым примером конструктивного межгосударственного диалога. Этот диалог не только поставил преграду (хотя и временную) на пути эскалации наполеоновской агрессии, но и фактически спас от исчезновения с политической карты Европы одного из ее государств — Королевства Пруссии. Таким образом, Тильзитский мир является парадигмой для процесса урегулирования различных, подчас противоположных по своей направленности политических и военных устремлений, процесса, ориентированного на создания условий развития не только стран-гигантов (в том числе Российской Империи Александра I), но и стран, попавших, благодаря особенностям своего развития, в трудное положение. Таких ситуаций более чем достаточно не только в европейской истории, но и

в нашей не всегда радостной современности. Косово и Ирак, иранская ядерная проблема и последствия принудительного развала СССР — все эти вопросы надо решать с учетом позитивной реакции всех участвующих сторон. Образцом такого решения давно признан Тильзитский мир. Еще одним аспектом Тильзитского мира как историко-культурного феномена является его региональное значение. Для Калининградской области России, сменившей в 1946 г. на политической карте Европы имперскую провинцию Восточная Пруссия, являются актуальными те исторические события, которые произошли на ее территории в различные исторические периоды. Одним из важнейших среди них является Тильзитский мир. Осознание различных аспектов этого феномена, определение его роли в развитии науки, культуры, туристической и рекреационной индустрии Калининградской области, составило лей-

Рис. 1. Мемориальная доска Императору Александру I в г. Советске на доме №6 по ул. Гагарина.

мотив международной научной конференции, прошедшей в г. Советске с 6 по 8 июля 2007 г. В докладах, на ней прозвучавших, подводились итоги работы над различными историко-культурными аспектами, в разной степени связанными с тематикой конференции «Тильзитский мир — прообраз Европейского Дома». Прекрасная возможность окунуться в творческую и дискуссионную атмосферу этой незабываемой встречи ученых различных стран Европы и современной России подчеркнула историческую значимость этого научного форума.

Как же ранее сказано, в 2007 году отмечалось 200-летие подписания Тильзитского мира, который стал значительным вкладом в мировую историю. Тильзитский мир, заключенный императорами Александром I, Наполеоном и королем Пруссии Фридрихом Вильгельмом III, явился венцом грандиозных баталий на полях сражений под Прейсиш-Эйлау (г. Багратионовск) и Фридландом (г. Правдинск).

Традиция создания в новой России мемориальных памятников в честь подвигов русских войск в Наполеоновских войнах (вывода победы русского оружия в Отечественной войне 1812 г. в отдельный ряд памятников) восходит к совсем недавнему времени. В 2002 году, во время празднования 450-летия города Советска (до 1946 г. Тильзита), с государственными и воинскими почестями на доме № 6 по ул. Гагарина была открыта мемориальная доска, посвященная Им-

ператору Александру I, проживавшему в этом доме во время переговоров с Наполеоном. Так было инициировано подлинно народное движение по увековечению памяти русских государственных деятелей и военачальников, участвовавших в войне 1806 - 1807 гг. и в последующем созидавших Тильзитский мир, историческое значение которого существенно значительней породившей его военной кампании. Этот патриотический порыв отнюдь не завершился установкой мемориальной доски Александру I, но продолжился масштабными проектами по созданию «Галереи Русских» или инициированной журналистом из г. Советска Александром Ждановым кампанией в прессе, призывающей к увековечению памяти великого сына России — воина и поэта, героя Отечественной войны 1812 года Дениса Давыдова, участника Тильзитских событий.

Увековечить подвиги русских воинов в кампании 1806 — 1807 гг. призвали делегаты на VII международной научно-исторической конференции «Эйлау 1807 года. Восточная Пруссия в эпоху наполеоновских войн» (9 февраля 2007 года, г. Багратионовск). Речь шла о сооружении в г. Советске памятника Александру I Благословенному. Ангел — гений России, вознесшийся на Александрийском Столпе на Дворцовой площади Санкт-Петербурга, лишь символически отождествляется с Благословенным Императором, спасителем Отечества и Европы в славных антинаполеоновских

200 лет Тильзитскому миру 1807-2007

6-июля

- Международная конференция "Тильзитский мир - прообраз Европейского дома"
- Открытие кинофестиваля о наполеоновской эпохе

7-июля

- Выставка-конкурс художников "Мост"
- Международный конкурс "Королева Луиза"
- Открытие 4 мемориальных досок
- Парад "По древним улицам Тильзита"
- Театрализованное представление "Война и мир"
- Посещение бивуаков реконструкторов

8-июля

- Фестиваль национальных культур "Мост дружбы"
- "Марш российских полков" - Концертная программа духовых оркестров
- Реконструкция подписания Тильзитского мира: встреча императоров на реке Неман, звуко-свето-лазерное шоу "Тильзитская баллада"
- Пиротехническая фантазия "200 залпов юбилейного фейерверка"

06-07-08 июля 2007

г. Советск, Музей истории города

ул. Победы, 34 - тел. (8 40161) 34-638

(при поддержке администрации города Советска и Правительства Калининградской области)

08-09-10 июня 2007

Lidzbark Warmiński, LDK

200 лет сражению при Гейльсберге

PROJEKT SOBORNOSTNO FINANCIRANETECHNIPROJEKCIJUM CO-OSOBEN
PROJECT PART-FINANCED BY THE EUROPEAN UNION

NEIGHBOURHOOD PROGRAMME

Рис. 2. Программа международных мероприятий, посвященных 200-летию Тильзитского мира.

походах. Напомним, что по русской традиции водружать памятники не только прижизненные, но и во втором поколении, за исключением строительства храмов во имя небесного покровителя Отца нации, считалось неэтичным. Политизированность трактовки деяний этого великого государственного деятеля России в последующие годы общеизвестна, ибо она положила менее похвальную традицию замалчивания деяний предков в угоду «злобе дня».

Трудно переоценить выдающуюся роль Александра I – вдохновителя исторической миссии России по спасению Европы от бонапартизма. Наполеоновские войны – несиловой инструмент разрешения межгосударственных конфликтов и попытка раздела мировой экономики. Ибо Наполеон I был не только руководителем войск враждебных в те годы нашей стране сил, но и первым в Новой Истории идеологом войны за мировое господство, идеологом Бонапартизма – тоталитарной модели государственного управления, омрачившей затем весь XX век. Кроме существенного ущерба, нанесенного русским оружием ранее непобедимому военному гению Наполеона в Восточной Пруссии, события франко-пруско-русской кампании 1806-1807 гг. стали важной вехой в истории России и в развитии русской военной доктрины, примером бесмертного мужества русских солдат. Отметим, что на земле Восточной Пруссии впервые русские и прусские войска действовали как союзники, что особенно проявилось в сражении под Прейсиш-Эйлау (7-8 февраля 1807 г.), остановившем продвижение войск Наполеона на Россию и продемонстрировавшем миру героизм русских солдат. В сражениях и боях 1806-1807 годов участвовали и приобретали боевой опыт сотни будущих героев Отечественной войны.

А подписание мирного договора в Тильзите – значительный вклад русской дипломатии в становление модели международных отношений новейшего времени. Необходимо признать и выдающиеся личные заслуги в этих событиях Императора Александра I. Тильзитский Мир стал историческим примером политического компромисса, спасшего Восточную Пруссию от полного уничтожения. Он дал Европе шанс на многие десятилетия стабилизировать мир, установить равновесие сил и интересов. Принципы, заложенные в документах Тильзитского мира, практически предвосхитили Устав Организации Объединенных Наций. Такая оценка кампании, принесшей славу русскому оружию, была дана как современниками – от Талейрана до Чарторыйского, – так и большинством историков и политиков последующих веков, вплоть до Тарле и генерала де Голля.

Свой вклад в анализ Тильзитского мира внесли и авторы научного журнала «Проблемы межрегиональных связей», выступавшие на международной научно-практической конференции «Тильзитский мир – прообраз Европейского Дома», проводимой в рамках международного проекта «Война и мир» при поддержке Министерства культуры области, администрации

Советского городского округа, Калининградского института туризма – филиала Российской международной академии туризма, региональной общественной организации «Общество культуры Принеманья» (см. [1,2]).

Особое внимание ныне привлекают заложенные по итогам кампании 1806-1807 гг. фундаментальные положения мирного сосуществования европейских государств – к сожалению, не доведенные до практического осуществления, как и все, что было связано с событиями тех лет. Общее мнение участников было таково: «Тильзитский мирный договор 1807 года – один из ключевых моментов истории Наполеоновских войн. Он вышел на авансцену истории благодаря тому, что стал ярчайшим примером внешнеполитического компромисса, вместе с тем он полон внутренних противоречий. От этого мира не выиграла ни одна из сторон-участниц: ни Франция, для которой мир стал недолговечным; ни Россия, в которой он вызвал критику со стороны дворянства; ни Пруссия, оказавшаяся фактически в подчинении Франции и потерявшая при этом половину территории. В силу всего этого Тильзитский мир долгое время давал пищу для самых разноплановых его толкований – в зависимости от времени и поставленных целей» [3].

Существует некая мистика истории: события прошлого не уходят в Лету, а продолжают жить и влиять на мироощущение потомков – за исключением тех случаев, когда потомки добровольно отвергают свое прошлое, становясь своего рода «манкуртами». Современное развитие Калининградской области в условиях уникальной геополитической обстановки ведёт к переоценке многих социальных и экономических концепций. В их числе находятся проблемы сохранения и использования культурного и природного наследия в целях воспитания новых поколений россиян в духе патриотизма, включая любовь к русской истории, к своей малой родине.

Одним из конкретных путей этого развития экологии является внедрение методов патриотического воспитания в активные направления рекреации, в том числе и в туризм. Использование объектов культурного и природного наследия в целях развития туризма, научно-образовательной сферы, возрождения традиционных производств, ремесел и технологий может определить будущий экономический потенциал нашего региона, специфику его связей с другими регионами России и зарубежья, становится ведущим в формировании хозяйственного потенциала, доходной части городских бюджетов.

Сегодня все сложнее верить, что характер человека обусловлен лишь его национальностью. Местность, в которой человек живёт, не менее формирует его. Греческий постулат о «гражданстве полиса» не лишён содержания и в наши дни, в постиндустриальном обществе. Последние 15 лет жители «полиса» Советска увлеченно выстраивают свой новый образ города – крепнущего и стремящегося к процветанию. Как

Рис. 3. Открытие международной конференции.

отмечают многие туристы, в Советске прежде всего в глаза бросается не только идеальная чистота улиц и площадей, но и доброжелательность, приветливость горожан.

Одна из важнейших проблем, вставших пред Россией в начале XXI века, — воспитание в различных слоях нашего общества позитивных идей патриотизма. Как неоднократно отмечалось в официальных документах Правительства РФ, патриотизм — неперенный атрибут жизни граждан современной России, обязательная составляющая часть позитивного процесса возрождения величия нашей Родины, как в глазах её обитателей, так и за границами России.

Результативная, но до сих пор практически не востребованная форма воспитания патриотизма, — образовательный туризм, ориентированный на предметное знакомство туристов различных социальных и возрастных групп в маршрутах, пролегающих по мес-

там, связанных с важными для отечественной истории событиями. В Калининградской области этих мест не меньше, если не больше, нежели в центре России. Данное положение не нуждается в подтверждении, однако раскрыть этот бесценный потенциал патриотически ориентированного туризма пока должным образом не удавалось. Главной причиной этого является отсутствие доступной информации о маршрутах, связанных с воспитанием устойчивых норм патриотизма. К сожалению, этот важнейший компонент человеческого характера пострадал в годы перестройки, поэтому *пункты исторических ландшафтов и памятников истории и культуры, связанные со славными моментами истории Отчества, послужат отличной основой для воспитания (возрождения) этого чувства.*

Оптимальной тематикой для познавательного туризма с патриотической направленностью являются объекты осмотра (и, пожалуй, даже исследования),

Рис. 4. Первый зам. министра культуры Калининградской области Попов А.Г. и кандидат культурологии Комарова И.И. ведут конференцию.

Рис. 5. Модераторы конференции: кандидат культурологии, засл. работник культуры РФ В.А. Шахов и директор музея истории г. Советска Г.И. Игнатов.

связанные с русской воинской славой. То, что русской кровью политы многие поля Пруссии на протяжении двух последних столетий общеизвестно, и эти объекты достойны возрожденной памяти о себе. Вернейший путь для этого — познавательный туризм. Начало реализации этого направления туризма в Калининградской области было положено совместной деятельностью Калининградского отделения кафедры ЮНЕСКО Российской международной академии туризма по культурному туризму в целях мира и развития, поддержанного Министерством культуры Калининградской области. Были созданы и осуществлены научно-педагогические проекты развития культурного туризма в целях мира. Значительным конкретным этапом этого проекта стало издание серии буклетов с разработанными в ходе его реализации туристическими маршрутами, объединенными общей темой «Маршрутами (дорогами) Русской Армии». Стартовым изданием этой серии стал туристский буклет «Маршрутами русской армии 1807 года», вышедший в свет в год 200-летнего юбилея Тильзитского мира. Серия была продолжена в феврале 2009 года вторым буклетом: «По дорогам Русской армии в Семилетнюю войну — 1756-1763 гг.». Сегодня при поддержке правительства Калининградской области увидели свет буклеты «Маршрутами Русской Армии 1914 г.» и «Маршрутами Красной Армии 1945 г.»

Проведение в Советске мероприятий, посвященных 200-летию военной кампании 1806-1807 годов и подписанию Тильзитского мира, стало еще одним примером того, насколько мемориальные празднества содействуют сохранению и приумножению ситуации мирной стабильности в регионе Балтии и качественно активизируют трансграничные коммуникации как в этой зоне, так и во всей Европе. Привлечение внимания мировой общественности к сохранению уникальных памятников материальной культуры, ландшафтов исторических городов области на примере восстановления уникальных памятников истории и культуры служит импульсом кардинальных изменений в сфере охраны культурного наследия в Балтийском регионе.

Остановимся несколько детальней на этом комплексе юбилейных мероприятий, который без лишней скромности можно назвать эталонным для программ патриотического воспитания населения региона. Основная тематика юбилейной программы связана с решением стратегических проблем уникального Калининградского эксклава. Одной из важнейших для этого мотиваций является все усиливающееся внимание к идеям объединенной Европы, содержащимся в документах Тильзитского мира, поскольку в них просматриваются параллели современной жизни России, Франции, Германии, Литвы, Латвии, Польши.

Важно отметить, что проведение научно-практических, образовательных, просветительских, культурно-зрелищных и других мероприятий способствовало:

- дальнейшему вхождению русских, живущих в Балтийском регионе в европейскую культуру;

- достижению более высокого научного уровня теории и практики бесконфликтного существования различных этносов на одной территории;

- патриотическому воспитанию нового российско-го поколения на земле Тильзитского мира.

Одним из мероприятий, посвященных 200-летию со дня подписания Тильзитского Мира и стимулирующих дальнейшую просветительскую работу и патриотическое воспитание, стала программа, разработанная при содействии «команды» Губернатора Калининградской области Г. Бооса (под «командой» в данном случае понимается глубоко эшелонированное, вплоть до творческих сотрудников музеев, турфирм и школ сообщество гуманитарной интеллигенции и административных работников области). Международная научно-практическая конференция «Тильзитский мир — прообраз Европейского дома» прошла в г. Советске 6-8 июля 2007 г. Это был незаурядный процесс «разового юбилея», поэтому двухлетняя подготовка этого ключевого для русской хронологии Янтарного Края, по оценке специалистов, увенчалась успехом и составит серьезную научную базу для дальнейших фундаментальных исследований уникальной исторической эпохи. В программе юбилейных мероприятий активно участвовали российские, литовские, польские и немецкие специалисты в области культуры, краеведения и истории, каждый из которых стремился дать правдивую оценку событий, произошедших 200 лет тому назад.

Знаково, что открытие международной научно-практической конференции на земле исторической Пруссии началось с концерта муниципального оркестра русских народных инструментов г. Советска под управлением Юрия Никулина. Столь же знаковым было вручение всем творческим и VIP-участникам юбилейных документов и памятных знаков с изображением российского и французского флагов и герба Тильзита.

Собравшихся на правах принимающей стороны приветствовал глава городского округа В. Светлов, обративший внимание на необходимость объективной оценки исторического события, и в настоящее время столь важного для истории этого края, включая его польскую и литовские части. В выступлении первого заместителя министра культуры Правительства Калининградской области А. Г. Попова подчеркивалось, что праздник стал итогом двухлетней работы при поддержке регионального Правительства, что сегодня на первый план выступают культурологические аспекты исторических событий, и в этом плане любой доклад, прочитанный на конференции, интересен и ценен. А. Попов подчеркнул, что, несмотря на то, что программа праздника в целом разнообразна и обширна, во главу угла празднования юбилея Тильзитского мира ставится именно научно-практическая его составляющая. И итоги деятельности конференции останутся для последующего изучения и использования в программах учебных заведений всех ступеней. «Главный же итог

конференции можно сформулировать уже сразу: нам важно сохранять мир. Пусть, в первую очередь, он, мир, будет в ваших сердцах. И еще нам важно продолжить это общение и в дальнейшем», - такими словами завершил свое выступление А. Попов.

О практических акциях по созданию и внедрению международных проектов сотрудничества с советчанами, в том числе в рамках проекта «Война и мир», рассказал заместитель мэра польского города Лидзбарк Януш Муха. Более подробно о работе над проектом (с 2005 года), финансируемым Европейским союзом, рассказала координатор проекта с польской стороны Иоланта Адамчик, директор лидзбаркского Дома культуры, которая немало добрых слов высказала в адрес работников музея истории города Советска.

Интересным было и сообщение директора музея истории г. Советска Г.И. Игнатова о том, как появилось название конференции. В 1807 г. во Франции была выпущена памятная медаль, посвященная Тильзитскому миру. На одной ее стороне были изображены императоры Франции, России и Пруссии, а на другой – Дионисий, бог плодородия, с домом в руках, который воспринимался как объединяющее начало для этих трех государств. Иными словами, Тильзитский мир уже современниками был воспринят как попытка создания общего европейского дома, как прообраз этого дома. В настоящее время такое восприятие получает все большую поддержку в научных кругах.

В течение последующих двух дней участники конференции читали доклады, доказывали свою точку зрения, обсуждали различные идеи и мнения, выдвигали гипотезы, представляли новый взгляд на произошедшие события 200 лет назад.

Разговор получился серьезным, предметным и весьма поучительным не только для современников, но и для будущих поколений, которым предстоит встречать 300-летнюю годовщину Тильзитского мира.

Библиографические ссылки

1. Тильзитский мир – прообраз Европейского Дома. Сб. докл. и тезисов сообщ. Калининград. – 2007. – 200 с.
2. Адамов Б. Кровавое предисловие Наполенова вторжения в Россию // Проблемы межрегиональных связей». - № 5. - 2007. - С. 8 - 12.
3. Игнатов Г.И. Тильзитский мир – завершающий этап кампании 1086-1807 гг. // Проблемы межрегиональных связей. - №5. - 2007. - С12-17.

References

1. Til'zitskij mir – proobraz Evropejskogo Doma. Sb. dokl., i tezisov soobshh. Kaliningrad, 2007 – 200 s.
2. Adamov B. Krovavoe predislovie Napolenova vtorzheniya v Rossiyu // Problemy` mezhregional`ny`x svyazej». - № 5. – 2007. - S. 8 - 12.
3. Ignatov G.I. Til'zitskij mir – zavershayushhij e`tap kampanii 1086-1807 gg. // Problemy` mezhregional`ny`x svyazej. - №5.- 2007.- S12-17.

Феномен чужебесия в Российской истории и культуре

The phenomenon of foreignness in Russian History and culture

В статье раскрывается сущность точек бифуркации в историко-культурной динамике Российской культуры, подверженной «чужебесию», т.е. «бешеной любовью к чужим вещам и народам и чрезмерное доверие к чужеземцам в разные периоды истории страны». Показано, что феномен «чужебесия» существовал на Руси долговременно и прошёл несколько этапов.

The article reveals the essence of the bifurcation points in the historical and cultural dynamics of Russian culture, which is subject to «foreignness», i.e. «frenzied love for foreign things and peoples and excessive trust in foreigners in different periods of the country's history. It is shown that the phenomenon of «foreignness» existed in Russia for a long time and went through several stages.

Ключевые слова и фразы: чужебесие, ксеномания, утопизм, революционный максимализм, окаянство, самозванство, еретичество, раскол, изоляционизм.

Keywords and phrases: eotherness, xenomania, utopianism, revolutionary maximalism, damnation, imposture, hereticism, schism, isolationism.

Игорь ГУРОВ

Igor Gurov

В XX веке Россия пережила несколько революций (в 1905 – 1907, 1917 – 1920 и 1991 – 1993 гг.), которые нанесли тяжелейший удар по её общему развитию, привели к колоссальным человеческим жертвам и даже к частичному разрушению государства. Но ещё русский философ Г. Г. Шпет утверждал, что «Революция есть не только казуальное следствие и результат, но также осуществление замысла. Этот замысел выносила, лелеяла, сама себя на нём воспитывала наша интеллигенция XIX века...»

Как оказалось, для основной части нашей интеллигенции, вне зависимости от того, какие сиюминутные лозунги она формально провозглашала, оказался присущ особый внутренний радикализм, часто ведущий к трагическим последствиям всю страну. В основе этого радикализма лежали три застарелых духовных болезни: максимализм, утопизм и чужебесие.

Определение максимализма дал ещё в начале XX века Николай Бердяев: «Максималист – революционер, который почитает себя спасителем мира и его единственным судьей... Максималист видит источник зла вне себя, в других людях, во вчерашних силах, в тех или иных слоях общества и так страстно желает произнести суд над этим злом, что в себе зла уже не способен увидеть, как бы он ни был смиренен по внешности. Максимализм потому глубоко противоположен христианству, что все люди, исповедующие максимализм, полагают мир лежащим во зле, а себя – спасителями мира, пребывающими вне зла».

Вторая болезнь наших радикалов, часто прикрываемая громкими либеральными фразами, – утопизм, то есть попытки осуществить то, что осуществить невозможно в силу изначальной противоестественности задуманного идеального проекта. «Ересь уто-

пизма» была подробно описана в одноимённой статье С.Л. Франком, согласно которому «существо утопизма состоит в замысле построить совершенно новый (математически правильный и разумный) мир, через принудительное утверждение в нём праведного порядка». То же самое происходило и на постсоветском пространстве в 1990-е годы: коль вчера не получилось с построением правильного «социалистического рая», так сегодня будем навязывать строительство рая либерально-капиталистического, не смотря на то, что в природе такого общества в идеальном виде никогда не существовало. Утописты никогда не считаются с реальным состоянием общества, они не желают замечать естественного живого, грешного и своевольного человека, который живёт и думает не так, как хотелось бы очередным радикальным пророкам. Вот почему, пытаясь принудительными мерами и законами уничтожить то, что они принимают за зло (например, исторически сложившееся использование русского языка в некоторых регионах новых государств ближнего зарубежья), утописты начинают насиловать человеческую природу и создают только множество болезненных и отравляющих жизнь противоречий, заведомо программирующих возникновение длительных жестоких конфликтов.

И, наконец, третья болезнь – «чужебесие», которую русский писатель хорватского происхождения Юрий Крижанич в середине XVII-го века определял, как «бешеную любовь к чужим вещам и народам и чрезмерное доверие к чужеземцам». А в начале XX-го века даже такой достаточно либеральный философ как Н.А. Бердяев упрекал русскую интеллигенцию в том, что «всё западное было воспринято ею в самой крайней форме и превращено не только в примитивную метафизику, но и в особую религию, заменяющую ей все прежние религии». Это преклонение перед некритично воспринятой иностранщиной, вместо того, чтобы сначала исправляться самим, и за счёт своего собственного

внутреннего очищения (катарсиса) и развития становиться достойными участниками мирового сообщества, вызывало закономерное возмущение и у Ф.М. Достоевского. Он указывал, что «чем больше мы в угоду европейцам презираем нашу национальность... и подобоострастно исповедовали им наши «европейские» взгляды и убеждения... тем больше они презирали нас самих». Впрочем, у болезни «чужебесия» есть и другая сторона, объяснение которой дал сербский писатель Иво Андрич: «Неудовлетворённые собой и обстоятельствами в своей стране, мы часто хвалим другие страны и народы, создавая из них недостижимые образцы. При этом, мы преувеличиваем, восхваляя их больше, чем они того заслуживают, и, приписывая им достоинства, и особенности, которых у них нет. Так что всё, о чём мы говорим, менее соответствует подлинному облику данной страны, но является скорее идеализированной картиной нашей отчизны, такой, какой мы бы хотели её видеть».

Феномен чужебесия появился на Руси не в один день и за время своего формирования прошёл несколько этапов.

Окаянство

Первая стадия этой духовной болезни уходит своими корнями в далёкий XI век, когда после смерти великого князя Владимира Крестителя его старший сын (от жены - гречанки или чешки) Святополк, князь Туровский, проявил самые отрицательные человеческие качества: властолюбие, жестокость, вероломство и братоубийство. В 1015 году он захватил власть в Киеве и устроил в стране кровавую четырехлетнюю усобицу, которая продолжалась до 1018 года. Он хотел перебить всех наследников отца своего, чтобы захватить всю власть и с этой целью «треклятый окаянный» Святополк призвал к себе помощников - «сообщников злодеяния и зачинщиков всей неправды». Летопись называет их «лютыми братоненавистниками и безжалостными кровопийцами».

Для утверждения своего господства над Русью он убил 3 своих младших братьев, в том числе русских святых страстотерпцев Бориса и Глеба, а после первого поражения в битве с войском Ярослава Мудрого привёл в Киев интервентов — «безбожных печенегов» и ляхов во главе со своим тестем — польским князем Болеславом I Храбрым, получившим за это «червеньские города» в западной Волыни. Лишившись позднее поддержки внешних интервентов, в 1019 году армия Святополка была разбита в битве на реке Альте, а сам он получил тяжелое ранение и погиб во время бегства где-то в Карпатах. Как повествует летопись: «Святополк, неизвестно от кого бегая, позорной смертью скончался...»

За эти преступления за Святополком на века закрепилось унижительное прозвище Окаянный — проклятый, грешный, отверженный, нечистый, а сам он стал символом предательства, вероломства и братоубийства. Сам термин окаянный обычно выводят от сло-

ва *окаяти* - проклясть, осудить, и *каяти* - порицать, наказывать. К сожалению, братоубийственная усобица с попытками привлечь зарубежных доброхотов для решения междукняжеских конфликтов наблюдалась на Руси вплоть до 17 века.

Еретичество (ересь «жидовомудрствующих»)

Ересь «жидовомудрствующих» - еретическое движение, получившее распространение в Новгороде и в Москве в 80-ых годах 15 века (отсюда другое название *московско-новгородская ересь*) и действовавшее в виде закрытых обществ. Учение, по сути, представляло собой синкретическую мешанину из элементов иконоборчества, иудаизма, манихейства и средневекового рационализма. Ересь эта имела некоторое сходство с иудаизмом, за что и получила название *ереси жидовствующих*, а также стала называться *ересью стригольников*. В этом лжеучении отрицали авторитет Церкви, монашество, Св. Троицу, отвергали многие догматы Православия и Церковные Таинства, почитание икон и мощей. Впервые ересь была обнаружена в 1484г. в Новгороде и проявлялась в религиозном кощунстве, осквернении общепринятых святынь и отречении от веры. Конфликт начался с того, что новгородскому архиепископу Геннадию стало известно о том, что немцовский игумен Захария воспрещал в своём монастыре причащаться своим постриженникам. В 1487 году поступил донос на двух новгородских священников Григория и Герасима, которые в пьяном виде «порутились святым иконам». Вскрылись и другие случаи глумления над святынями: «ја что паки безыменних, ино и числа нет, кое резаны, а не вестъ», а также факты распространения сексуальных извращений среди еретиков. Осквернение икон в Новгороде оказалось делом распространённым. А занесена ересь была давно, ещё в 1470 году, неким жидовином Схарией (Захарий бен Арон Га-Коген), прибывшим в Новгород в качестве лекаря в окружении луцкого князя Михаила Олельковича. Первым он склонил к «жидовству» попа Дионисия, а тот привёл к нему другого новгородского иерея Алексея. Дело вербовщиков пошло успешно, и из Литвы прибыли ещё два иудея: Иосиф Шмойло-Скаровей и Моисей Хануш. А уже впоследствии Алексей и Дионисий склонили к «жидовству» Алексея зятя Ивана Максимова, его отца и многих других, как священников, так и простых мирян. К ереси оказался причастен и дьяк Посольского Приказа Фёдор Курицын, один из влиятельнейших политиков в окружении великого князя, распространявший учение о «самовластии души», и митрополит Зосима. Лишь на соборе 1504 года ересь была разгромлена окончательно. Собор постановил предать казни через сожжение в деревянных клетях главных еретиков: Ивана-Волка Курицына (Федор Курицын к тому времени умер), Дмитрия Коноплева и Ивана Максимова. Остальных разослали по монастырям. В борьбе против «жидовомудрствующих» единым фронтом выступили конфликтовавшие друг с другом по ряду вопросов нестяжатели и иосиф-

ляне, что позволило сохранить в неприкосновенности духовные основы для формирования единого Российского государства.

Самозванство

Самозванец - человек, выдающий себя за лицо, которым он не является, обычно в корыстных (мошеничестве) или политических целях.

Самозванство получило распространение в России в начале XVII века, и было связано с феноменом трёх Лжедмитриев, выдававших себя за погибшего царевича Дмитрия Ивановича, и являвшихся проводниками иностранных интересов, и, в первую очередь, с фигурой обманщика и авантюриста бывшего дьяка Чудова монастыря Григория (Юшки) Богдановича Отрепьева (около 1580 - 1606 гг.) Лжедмитрия I, прозванного в народе «расстригой» и обвинявшегося в воровстве, богоотступничестве и чернокнижии. В феврале 1602 года этот бывший дьяк выехал в Польшу, где францисканские монахи обратили его в католичество. В 1603 году он объявил себя царевичем Дмитрием, в 1604 г. при помощи иезуитов с отрядом польских наёмников вторгся в Россию и в июне 1605 г. захватил московский престол. Придя к власти, Лжедмитрий I организовал «Тайную канцелярию», состоявшую исключительно из поляков, ввел в царский дворец иноплеменников и иноверцев – католиков и протестантов, а также учредил при своей особе иностранную гвардию, которая должна была обеспечивать его личную безопасность, отстранив русскую царскую охрану. По странным причинам самозванец не ходил в баню. Один из его «прожектов» предлагал сместить с государственных постов всех русских бояр и передать их должности иностранцам. Лжедмитрий I старался ввести в России абсолютное самодержавие и в то же время уравнивал в правах с русским православным населением пришлых католиков и протестантов. В мае 1606 г. был убит в результате боярского заговора, после чего всю страну окончательно поглотила Смута, продолжавшаяся до победы народного ополчения под руководством гражданина Минина и князя Пожарского в 1612 году.

Собственно чужебесие (ксеномания)

Окончательное формирование феномена чужебесия происходит в середине XVII века. Наиболее характерным примером проявления чужебесия стало поведение подьячего Посольского приказа Григория Карповича Котошихина (около 1630 – 1668). Котошихин - русский перебежчик, с 1663 года выдававший за мзду шведским эмиссарам в Москве секретные сведения и по заказу графа Магнуса Гавриила Дельгарди написавший в Швеции скандальное сочинение «О России в царствование Алексея Михайловича», позднее сменивший православную веру на лютеранство и казнённый шведами за убийство в пьяном виде хозяина своего дома. Описывая Россию в своём заказном сочинении, он изображал её государей, как правителей «правивших государством своим в ярости и во злобе сильной, тиранским обычаем», а её народ - как со-

общество невежественных и безнравственных людей. По утверждению Котошихина, «искони в российской земле лукавый дьявол всеял плевелы свои: если человек хотя бы мало придёт в славу, и в честь, и в богатство, то возненавидеть его могут»). Излагая сведения из своей практической деятельности в Посольском приказе, он давал крайне субъективное изображение разных сторон московской действительности, целенаправленно стремясь очернять всё русское и восхвалять всё западное [1, с.162, 166].

Первым же сформулировал понятие чужебесия в 60-ых гг. XVII века замечательный русско-хорватский мыслитель, предтеча славянофильства Юрий Крижанич (1617 – 1683 гг.), в своей книге «Политика».

«Ничто не может быть более губительным для страны и народа, - предупреждал Ю. Крижанич, - нежели пренебрежение своими благими порядками, обычаями, законами, языком и присвоение чужих порядков и чужого языка, и желание стать другим народом». И добавлял: «Однако зло, проистекающее из-за несовершенства языка и из-за неудобства... всего нашего образа жизни, не так ещё велико. Гораздо большая беда происходит по причине, которую я называю ксеноманией или чужебесием, то есть из-за того, что мы дивимся всяким чужим вещам, и их ценим, хвалим и возносим, а свой собственный образ жизни презираем, уничижаем, отвергаем. Потому-то мы и принимаем всяких чужеземцев и дивимся их красивому облику, звучному языку и привольному, а скорее распущенному образу жизни и даём им такую власть в наших странах, что они поедают всё наше богатство и, в конце концов, ездят на нас самих, как хотят...» [2, с. 170]

Особо подчеркивал Крижанич склонность некоторых иностранных путешественников и политиков к ругани и оговорам в отношении Руси и славян в целом, приводя в качестве примера сочинения голыштинского и датских послов Олеария и фон Ульфельда. «Наши пороки, несовершенства и природные недостатки они преувеличивают и говорят в десять раз больше, чем есть на самом деле, а где нет греха, там его придумывают и лгут. И пишут о нас также оскорбительные лживые истории...» «Ни один народ на свете не потерпел такого позора от чужеземцев, какой потерпели мы из-за того, что дали себя победить одними лишь речами без всякого оружия...», - утверждал он.

В то же время Крижанич не только критиковал преклонение славянских народов перед мнением иностранцев и перед чужеземными вещами, но и предлагал очень разборчиво относиться к решению этой проблемы: «Итак, поскольку без общения с чужеземцами мы жить не можем и от них и много хорошего получаем и много больших зол терпим, нам следует вспомнить о той заповеди, в которой говорится: «Кто подлинное добро отличает, хорошо поступает». Так и мы должны отличать добро от зла: то есть брать от чужеземцев то подлинное (а не поддельное) добро, что они дают, и самим его добиваться, а зло должны всеми способами

от себя отвращать и отметать» [2, с. 218]

Таким образом, уже в допетровской Руси формируются два взгляда, две позиции в отношении к собственной стране и к процессам, в ней происходящим: самобытная, патриотическая и созидательная, и пораженческая, потребительско-презрительная, уничижительная, зачаточно-западническая, энергично насаждаемая путем культурной и идеологической экспансии, особенно возросшая в связи с изобретением книгопечатания и зарождением средств массовой пропаганды и обретшая своё воплощение в виде «чужебесия».

С позиций западноевропейских элит Русь уже тогда оценивалась как страна отсталая, невежественная, а её самобытность трактовалась западными политиками и их немногочисленными русскими последователями как недоразвитость. Российский публицист О.А. Платонов писал об этом феномене следующим образом: «Эпизодически с XIV – XVII веков, нарастая в XVIII веке и приобретая угрожающий характер в XIX веке, рядом с традиционной народной культурой, народными основами жизни и хозяйствования возникает идущее сверху движение за их отрицание. Сначала незначительная, а затем и преобладающая часть высшего правящего слоя России начинает предпочитать народным основам жизни заимствованные преимущественно из Западной Европы формы и представления...» [3].

Соблазны раскол:

между чужебесием и изоляционизмом

В XVII веке Россия оказалась не только ввергнута в Смуту, но и пережила еще несколько кризисных явлений, на которые, помимо внутренних причин, в прямой или опосредованной форме влияли и внешние факторы. Протоиерей о. Александр [Шмеман] дает следующую характеристику той эпохе: «Две главные темы определяют жизнь Русской Церкви в семнадцатом веке. Это — встреча с «Западом» через «Киевское» Православие с одной стороны, и раскол старообрядцев — с другой. Обе имеют огромное историческое значение» [4, с. 371].

Раскол, охвативший с 1653 года Русскую Православную Церковь, имел вполне конкретные причины. С воцарением на престоле молодого государя Алексея Михайловича, в его окружении складывается кружок т.н. «ревнителей благочестия», готовящих осуществление религиозных преобразований, призванных возродить «чистоту» Православного вероучения. Реализовать эти настроения должен был архимандрит Новоспасского монастыря Никон (в миру - Никита Минин), в 1652 году возведенный в сан патриарха Московского и уже в следующем году приступивший к реформам. Новый патриарх ставил задачу оживления религиозно-церковной жизни в Московском государстве, улучшения нравственности населения и духовенства, введения просвещения, а также реализацию идеи обрядовой унификации церковного бого-

служения как средства достижения полного единства всех Православных церквей. [5]. В том же 1653 году в последний раз созывается Земский Собор, который как представительская форма окончательно выполнил свое назначение: власть царя стала самодержавной, то есть абсолютной в рамках духовной и исторической традиции [6].

В то же время в Москве резко «усиливается Киевское влияние, и наблюдается наплыв в Россию западных людей» [4, с. 375]. Выступившие против богослужебных реформ патриарха Никона, вожди формирующихся старообрядцев, под влиянием внешних и внутренних факторов перессорились. Действовавшие в течение ряда лет вместе «ревнители благочестия» протопопы Иван [Неронов], Аввакум [Петров] и Даниил [Костромской] решили, что в итоге России грозит отпадение от православной веры. К сожалению, на процесс реализации давно назревших и в целом правильных церковных реформ, утвержденных на соборе в 1656 году, наложили свой негативный отпечаток тяжелый и крайне субъективный характер патриарха Никона и провокаторские действия некоторых его помощников — религиозного перебежчика и авантюриста Арсения Грека, трижды менявшего вероисповедание и какое-то время успевшего побывать даже мусульманином, и воспитанника римской иезуитской школы митрополита Газского Паисия Лигарида, состоявшего на денежном содержании папского престола и ежегодно посылавшего свои донесения в ватиканскую Конгрегацию Пропаганды. Именно под влиянием Паисия Лигарида церковный собор святителей России и Православного Востока 13 мая 1667 года предал проклятию дониконовские обряды и осудил всех, кто не исполнял новые обряды и не почитал новоисправленные богослужебные книги. Лица, не признавшие решение собора, оказались вне церкви. Это был последний акт, зафиксировавший назревавший раскол между приверженцами старой веры — старообрядцами и сторонниками церковной реформы, осуществленной патриархом Никоном. Вот почему некоторые современные историки, сочувствующие старообрядчеству, считают церковный раскол крупнейшей «идеологической диверсией» XVII века.

В свою очередь, вожди старообрядчества стали обвинять патриарха Никона, а вместе с ним и светскую власть в том, что «Забыли они писанное, что не следует вдруг вводить иностранные обычаи, чины, председательства, отличия, почести, звания, неслыханные в своем отечестве, а также перемену в одежде, обуви, пище и питье, и в совет о государевых делах не пущать иноземцев, потому что от перемен и необычных дел в государстве бывают большие и страшные смуты. Не для того не следует принимать иноземцев, чтобы отнимать у них честь или чтоб их ненавидеть, но для того, чтобы по совету иноземцев не произошли в государстве перемены по обычаям и делам их страны, перемены несогласные с нуждами государственными...» [7, с. 61]. Протопоп Аввакум, например, призывал до

конца стоять «за чистоту и непорочность» Руси. Однако, вполне обоснованно протестуя против не всегда продуманных богослужебных нововведений и резких методов их введения, старообрядцы впадали в противоположную крайность, проповедуя взамен ретроградство, закрытость и абсолютный изоляционизм. Как писал известный исследователь старообрядчества С.А. Зеньковский «начали умножаться случаи совершенно неправильного толкования веры и отход от авторитета иерархии» [8, с.155]. Отрицание церковного единства и беспредельное своеволие наиболее ярких руководителей старого обряда уже в скором времени привели их последователей к раздроблению на 90 «согласий», которые вели между собой непрерывную борьбу. Даже в знаменитой пустозерской ссылке неистовый протопоп Аввакум [Петров] постоянно ругался с другим сидельцем — диаконом Фёдором по самым разным богословским вопросам. И уж совсем, чудовищным выглядят одобрительные отзывы протопопы Аввакума об «огненном крещении» — преступных призывах к массовым самосожжениям. Узнав о первых «гарях», Аввакум одобрил их как «второе, неоскверняемое крещение» [9, с. 165]. Своей духовной дочери — знаменитой боярыне Феодосии Морозовой неистовый протопоп писал: «Держайте, всенадежным упованием таки размахав, да и в пламя! Наавось, диавол, еже мое тело, до души моей дела тебе нет» [10].

В другом послании Аввакум не менее яростно обрушивался с угрозами в адрес своих противников: «Я еще даст Бог прежде суда твоего Христова взявше Никона разобью ему рыло... Да и глаза те ему выколупаю, да и толкну ево взащей. А царя Алексея велю Христу на суде поставить. Того мне надобно шелепами медянными попарить» [11]. По понятным причинам, такие политические призывы не могли остаться безнаказанными и после многолетних попыток утихомирить бунтующего против властей протопопы в апреле 1682 года уже при царе Федоре Алексеевиче он был казнен вместе с тремя другими старообрядческими вождями «за великие на царский дом хулы» [11, с. 118].

Как писал один из исследователей истории Русской Православной Церкви Г.Г. Прошин: «Раскол стал фактом. Но с самого начала это религиозное движение раздробилось на множество течений, которые со временем уже ничем, кроме неприятия официальных установок «никонианства», не были связаны между собой. Многие из этих «вер» и толков враждовали между собой едва ли не больше, чем с государственной патриаршей, а затем синодальной церковью. «Что ни деревня, то особый толк.» Таким образом, недостаточно трактовать старообрядчество как религиозное течение, придерживавшееся дониконовских «старых» обрядов. Обряды и догматика часто возникали спонтанно, никакого культового фундамента из прошлого у ряда общин не оказалось, да и быть не могло» [9, с. 143].

Наконец, именно на почве старообрядчества появилось распространение еще одно течение, берущее

свои истоки в европейской Реформации с ее жесточайшими безумиями, и нашедшее благодатную почву в переживавшей духовный кризис России XVII века — т.н. капитоновщина. Апокалипсическая ересь вологодского монаха Капитона Даниловского, известная также как движение «лесных старцев», зарождается в 1630-е годы.

В 1634 году бывший послушник, а затем монах скита Преображения Христова Капитон оставил прежнюю обитель и основал свой собственный мужской скит в Колесникове у села Данилово и женский, по соседству, - в Морозове. В своих обителях «капитоны» практиковали запредельно строгий пост (полное голодание по средам, пятницам и субботам), состоящие поклоны, короткий сон, жизнь в пустынном лесу, ношение тяжелых вериг и легкой одежда зимой, имеющие целью «подавить плоть», заглушить в своем теле соблазны пищи, пола и любых жизненных удовольствий. Взбунтовавшийся инок стремился превратить всю страну в один крайне аскетический монастырь, ожидающий Страшного Суда [8, с. 153].

На первых порах царские власти, не подозревавшие о возникновении ереси, санкционируют существование скитов и соответствующим указом позволяют им пользоваться окружающими земельными угодьями. Однако, некоторое время спустя, заметив, что практика аскетизма у обособившегося «старца» намного превосходит обычные границы монастырской жизни, отношение к Капитону и его последователям резко изменяется. В 1639 году патриарх Иосиф приказал закрыть обе обители, проживающих в них монахов поставить под наблюдение соседнего монастыря, а самого упорного старца-аскета посадить «на исправление» в Ярославский монастырь Христа Спасителя под надзор особо строгого монаха [8, с. 147]. Однако Капитон, предупрежденный кем-то из почитателей, своевременно скрылся, заслужив впоследствии среди старообрядцев сомнительную славу «первого за веру стоятеля».

Уйдя из Колесниковского скита, Капитон, ставший одним из первых церковных расколуучителей, продолжал свои жуткие подвиги в непроходимых лесах Заволжья, к северу от Ярославля и Костромы. Изумерский аскетизм Капитона возмущал даже его современников из числа священников и монахов. «Мня же бо о себе велика подвижника и совершенна постника», - отмечал со слов знавших его современников митрополит Игнатий. «Воздержен в посте, вериги на себе носил каменные, плита создади, а другая спереди, по полтора пуда в обеих: и всего весу три пуда. Петля ему бе пояс, а крюк в потолке, а обе железны, то ему постеля: прицепил крюк в петлю повисе спати...», - описывает его образ жизни известный старообрядец Евфросиний [8, с.148].

Аскетический фанатизм не исчерпывал особенностей учения Капитона. Сначала Капитон старался не получать благословения от священников, злоупотреблявших «вином», затем «начал погордевати священ-

ным чином» и, наконец, совсем перестал подходить под благословение. В конце концов, он даже перестал ходить в православную церковь и принимать причастие. Придумывая всевозможные предлоги для собственного своеволия, Капитон критиковал поклонение некоторым иконам, например, иконе Христа в ризах архиерея и Богородице в царских одеждах. Он также совсем не признавал новых икон, написанных, как ему казалось, под «западным» влиянием и изображавших Христа более реалистичным.

В 1651 году новый царский указ отмечает, что Капитон жил на реке Шоче, в 40-60 верстах от Данилова. Избежав очередного грозящего ему ареста, Капитон перебирается еще дальше на юг, в дремучие Вязниковские леса, недалеко от нынешнего города Иванова, где он продолжал свою проповедь вплоть до своей смерти и приобрел немало учеников, которые, в свою очередь, продолжали его дело уже по всей России.

Среди следовавших капитоновской ереси «всепрекрасных отцов» «чудного и дивного воздержания» особенно выделялся «великий и премудрый Вавила». По словам старообрядческого писателя Семена Денисова этот Вавила «был рода иноземческа, веры люторской». Это не значит, что он обязательно был лютеранином, так как русские XVII века часто называли всех протестантов «люторами». Он отличался значительно большей эрудицией, чем другие «отцы» того времени, «все художественные науки прошед» - изучил грамматику, риторику, логику, богословие и другие науки в «славней парижстей академии», т.е. в парижской Сорбонне, и хорошо знал греческий, латинский, немецкий, еврейский и славянский языки. По данным Денисова, Вавила приехал в Россию при царе Михаиле Федоровиче и тоже уже «осеян был всепреславными благочестия лучами» и из «бездревнего люторского вреднословия изшед», приняв «православие» в т.н. капитоновской редакции. Ставши православным, он решил «от мирского мятежа и многосуетности отлучиться» и стал строгим монахом: «железы свои силы изволительно смирил, вериги тяжелые на себя положив, железами же чресла свои опоясав» [8, с. 151].

Так как появление Вавилы в рядах «капитонов» относится к царствованию Михаила Федоровича (1613-1645 гг.), то есть к самому началу деятельности Капитона, то у ряда российских историков, например, у А. П. Щапова, еще в XIX веке возникал вопрос: не был ли этот «премудрый Вавила» ответствен за те явно имеющие радикально-протестантский привкус особенности «учения Капитонова», которые, развились в практике старца в более поздний период его деятельности и за которые уже в 1639 году Русская Православная Церковь пыталась отправить его «на исправление».

К сожалению, кроме короткого рассказа о Вавиле, который известен из «Винограда Российского», и отрывка протокола его допроса, история не сохранила о нем почти никаких известий. Сам же С. Денисов, частично придерживавшийся как раз «капитоновского направления раскола», не захотел оставить каких-либо

более основательных свидетельств о возможном влиянии этого бывшего «парижстей академии» студента на значительную часть беспоповского старообрядчества.

Неизвестны причины, которые привели француза-протестанта — современника кардинала Ришелье, в заволжские леса. Но именно там, по мнению писателя Д. Жукова, Вавила Лютор, «вериги тяжкие на себя положив», довел до крайности взгляды своего учителя Капитона и проповедовал впоследствии массовые самоожжения — деяния, несовместимые с догматами даже самых аскетических религий [7, с. 28 - 29]. Впрочем, учитывая кровавое поведение сектантов из знаменитой «Мюнстерской коммуны», а также революционных экспериментов европейских анабаптистов и более ранних тайных альбигойских сект, вряд ли стоит удивляться жутким последствиям распространения радикальных ересей в России. Вавила Лютор, как и остальные «лесные старцы», готовился к скорому концу света, который ожидался ими в 1666 году. Пропаганда разрушительных протестантских идей под видом возвращения к «истинному христианству» являлась своего рода очередным вариантом идеологической провокации с целью экспорта внешней «революции» в виде разжигания и распространения духовной смуты в условиях беспокойного «бунташного века». Тем более не следует забывать и о том, что все революции и крупные военные конфликты XV-XVII веков, как правило, были облачены именно в религиозные одеяния.

Колония «лесных старцев», образовавшаяся в лесах под Вязниками под руководством учеников покойного Капитона, «перепоясанного железным поясом» «дивного Леонида», «всепречудного Якова», «всепрекрасного Прохора», Василя Волосатого и француза Вавилы проповедовала уже не укрощение плоти, а самоубийство голодом — т.н. «самоуморение». Изуверы-морильщики сотнями запирали людей в избах, обрекая их на голодную смерть и шли «проповедовать» свои жуткие теории дальше. К 1665 году они стали призывать православных крестьян запирается в овинах и сжигаться. Десять последующих лет весь Русский Север, а затем и Сибирь были охвачены массовыми «гарями» [7, с. 121]. Лишь стрелецкой экспедиции полковника Лопухина удалось арестовать большую часть руководителей капитоновской секты, успевшей, впрочем, заразить своими изуверскими идеями значительную часть старообрядческого движения. Эпидемия самоубийств должна распространяться. Только в Тоболе с «чернецом Данилой» сожгли себя 1700 человек.

Таким образом, к началу 1660-х годов «капитоновская вера» — ересь, протестантская по своему ближайшему происхождению и духовному родству, а по более дальнему, но общему манихейскому корню, — богомильская, — породила одно из наиболее массовых движений в расколе — беспоповщину.

К началу 1670-х годов до московских властей дошли первые сведения о массовых гарях и уморениях,

а к середине 1680-х годов самоистребление приняло характер массовой психической эпидемии, с которой правительство пыталось бороться с помощью военных команд. За 10 лет (с 1676 по 1686 год) в этих массовых жертвоприношениях погибло более 20 000 человек. И хотя с начала XVIII века случаи самоистребления стали наблюдаться реже, они все-таки не прекращались до самого начала XX века.

Грекофилы и латинствующие

После разгрома старообрядческого движения и фактического перехода его сторонников к подпольной деятельности, в России наблюдается резкий подъем западных влияний и ответные попытки противодействия им. В некоторой степени это нашло отражение в разгоревшейся полемике грекофилов и латинствующих.

Противоборствующие тенденции в развитии русского общества связываются в XVII в. не только с противостоянием сторонников и противников церковных реформ: никониан и старообрядцев, но также с полемикой грекофилов и латинствующих.

К первым обычно относят Епифания Славинецкого (1600-1675), переводчика, гимнографа, богослова, инока Ефимия [Чудовского] (умер в 1705 году), братьев — греков Иоанникия (1633-1717) и Софрония Лихудовых (1652-1730) и поэта Кариона Истомина, первоначально примыкавшего к «латинствующим», — автора декламации о пользе наук, училищ и мудрости философской. Все они, по мнению академика А.М. Панченко, придерживались ориентации на византийскую православную культуру. Во 2-й половине XVII века грекофильство стало самым влиятельным направлением в нашей стране и выступило как официальная идеология Русской Православной Церкви, поддерживаемая царской властью.

Противоположное официальному московскому патриотизму западническое направление формируется в светских столичных кругах почти сразу после окончания Смуты и изгнания иноземных захватчиков. Это были т.н. первые «русские европейцы» из числа светских грамотеев, мечтающих об экспорте иностранных учреждений и обычаев и рассматривавших себя в качестве фигур, ущемленных государственным строем постоянно усилившегося Московского Царства. Либеральный русский философ-эмигрант Г. Федотов дает следующую характеристику своим духовным предшественникам: «...Не привлекательны первые «интеллигенты», первые идейные отщепенцы русской земли. Что характеризует их всех, так это поверхность и нестойкость, подчас моральная дряблость. Чужая культура, неизбежно воспринимаемая внешне и отрицательно, разлагала личность, да и оказывалась всего соблазнительнее для людей слабых, хотя и одаренных, на их несчастье, острым умом. От царя Дмитрия (Лжедмитрия) к князю Ивану Андреевичу Хворостину, отступившему от православия в Польше и уверявшему, что «в Москве народ глуп», «в Москве не с кем жить»,

— к Котошихину, из Швеции поносившему ненавистный ему московский быт, — через весь XVII век тянется тонкая цепь еретиков и отступников, наряду с осторожными поклонниками Запада, Матвеевыми, Голицыными, Ордин-Нащокиными...» Сын руководителя Посольского Приказа при царе Алексее Михайловиче, В.А. Ордин-Нащокин, сбежавший в Польшу, тоже принадлежит к числу первых западников. В своем исследовании «Обзор русской культуры» проф. В. А. Рязановский дает князю И. Хворостину следующую характеристику: «...Князь И. А. Хворостинин, воевода, происходивший из старинного и славного рода (сын известного опричника и потомок Рюриковичей), в молодости получил латинское образование, увлекался католическими идеями, а позднее впал в религиозное вольнодумство и развил в себе презрение ко всем порядкам Московского государства. Его за вольнодумство дважды ссылали в монастырь, лишили дворянства. Он раскаялся и был прощён, умер в 1625 г. Человек умный и озлобленный, Хворостинин оставил после себя записки («Словеса дней и царей»), содержавшие его рассуждения о современности». «Это был своеобразный русский вольнодумец на католической подкладке, — характеризует Хворостинина В. Ключевский, — проникшийся глубокой антипатией к византийско-церковной чужеродной обрядности и ко всей русской жизни, ею пропитанной, — отдаленный предок Чаадаева» [12].

Конечно «латинствующие» москвичи ни в коей мере не были такими явными идейными русофобами как шведский агент и изменник Г. Котошихин. Они скорее идеализировали и приветствовали европейские культурные и технические достижения, добиваясь скорейшего перенесения их на российскую почву.

Главой латинского направления, призывавшего к усилению европеизации русской культуры, выступил Симеон Полоцкий (1629-1680), в миру Самуил Ситнианович-Петровский, талантливый поэт и мыслитель белорусского происхождения.

Выпускник Киево-Могилянской академии Симеон, хорошо владевший латынью, был приглашен летом 1653 года в Москву в качестве переводчика для Паисия Лигарида, не знавшего русского языка, при его спорах с патриархом Никоном, и остался там для обучения царевича Алексея Алексеевича латинскому языку [13]. В 1667 году, по поручению церковного собора, Симеон Полоцкий написал «Жезл правления» — специальную книгу, в которой опровергались основные заблуждения старообрядцев.

Культурная ориентация западнорусских книжников-латинофилов на элементы популярных европейских теорий отражала последствия общего качества образования, полученного в коллегиумах Речи Посполитой, и несшего на себе значительный отпечаток католической схоластики. Таким образом, они становились как бы «проводниками» модных западных идей, как позитивных, так и негативных, на тогдашнее московское общество.

Латинофильский тип сознания воспринимался грекофилами как чужеродный православию. Например, Симеону Полоцкому в вину ставилось то, что, по словам патриарха Иоакима, «написа он некая писания, собирая от латинских книг, и иная же с тех же латинских книг готовая преводе», что «латинского зломудрования некия ереси» и «латинские догмы» изложены в его сочинениях «прикровенно и неудобопознанно».

Преемником главы латинствующих после смерти Симеона Полоцкого стал его ученик, выходец из семьи курского купца, участник дипломатических миссий и подъячий Тайного приказа, принявший монашество и ставший впоследствии настоятелем Заиконоспасского монастыря Сильвестр Медведев (1641-1691) — автор т.н. «Привилеи» Московской академии — проекта первого в России университета, написанного по указанию царя Федора Алексеевича [14].

В своих полемических сочинениях Медведев, выступавший за открытие в России славяно-латинских училищ, доказывал, что чисто формальное поношение всего «иноземного» в действительности тесно связано у современных ему российских «верхов» с их реальным низкопоклонством перед «иностранщиной».

После смерти Федора Алексеевича, ввязавшись в политическую борьбу за наследование московского престола и поддерживая сторонников царевны Софьи, в 1682 году Сильвестр Медведев участвовал в подделке решения о передаче ей власти при малолетних царях Иване и Петре. В результате, после отстранения Софьи от власти в августе-сентябре 1689 года он оказался в числе главных врагов нового правительства. Замешанный в заговоре Федора Шакловитого Сильвестр бежал из Москвы, но был схвачен и после двухлетнего заключения и раскрытия новых отягчающих обстоятельств участия в заговоре казнен.

На пути к Новому времени

Конечно, XVII век был очень жестоким временем. Однако не только для России, но и для всей «цивилизованной» Европы. Очень точно подметил это явление И.Л. Солоневич: «Особенных свобод в Москве, конечно, не было, да и быть не могло: было постоянное осадное положение. И вообще очень трудно было представить, как именно понимал москвич XVII века то, что плебс двадцатого века называет свободой? «Свободы печати» — не было, как не было и «печати» вообще ни в Москве, ни в других местах мира. Свободы религии было больше, чем в других местах мира: инквизиции не было, варфоломеевских ночей не устраивалось, мордва молилась своим мордовским богам, татарам было оставлено их магометанство. Но если ересь жидовствующих проникла до великокняжеского престола — то Москва подняла скандал и великому князю пришлось капитулировать. Католицизм Москва к себе не пускала, протестантские же кирхи строились свободно — по мере надобности проживавших в Москве иноземцев, однако с условием: не заниматься прозелитизмом. В Европе же в семнадцатом веке из-

за религиозных ссор сжигались сотни тысяч людей и другими способами отправлялись к праотцам миллионы. [15, с. 420].

После церковного собора 1689 года, на котором грекофилы торжествовали победу, в Москве на некоторое время утвердилось мнение о том, что приходящие из Малороссии и Белороссии ученые богословы заражены латинскою ересью, что, путешествуя за границей и довершая там свое образование, они усваивают иноземные понятия и обычаи, и «что их книги новотворенные и сами с собою не согласуются, и хотя многие из них названы сладостными именами, но все, даже и лучшие, заключают в себе душетлительную отраву латинского зломудрия и новшества».

Однако бороться с европейской культурной экспансией при возросшем научно-техническом уровне западных государств только путем запретов было бесполезно. Необходимо было не запрещать и подавлять новшества, а давать на них свои собственные аргументированные ответы. И напрасно патриарх Иакин в 1674 году уговаривал свою паству не покупать «такие листы, кои печатают немцы еретики, лютеры и кальвины, по своему проклятому мнению» [11, с. 130]. Бороться с массовым распространением «фряжских и немецких листов», ставших новым видом массового идейного воздействия, путём запретов и государственных санкций были бессмысленно.

Однако уже наступала эпоха Петровских реформ с ее радикальными преобразованиями и жестокостями, до сих пор вызывающая многочисленные споры у историков. Объясняя противоречивость в оценках петровской эпохи И.Л. Солоневич указывал: «Наши историки, рисуя петровские поездки за границу — рисуют тогдашнюю Европу в виде этаких мирных благоустроенных земель, находящихся под опекой благопечетельных и благопросвещенных правителей, воспитывающих народы свои не батожем и пытками, а мерами разумного и нравственного воздействия, — этакий сплошной саардамский парадизм...» [15, с. 438].

«Но такой Европы в природе не существовало, — продолжает Солоневич. — Вспомним европейскую обстановку петровских времен. Германия только что закончила Вестфальским миром 1648 года Тридцатилетнюю войну, в которой от военных действий, болезней и голода погибло три четверти населения страны. Вовремя Петра Европа вела 30-летнюю войну за испанское наследство, которая была прекращена из-за истощения всех участвующих стран — ибо и Германия, и Франция снова стали вымирать от голода. Маршал Вобан писал, что 1/10 часть населения Франции нищенствует, и половина находится на пороге нищеты. Дороги Европы были переполнены разбойными бандами... — людьми, которые могли снискать себе пропитание только путем разбоя и которых жандармерия вешала сотнями и тысячами тут же на дорогах — для устрашения. Во всей Европе полыхали костры инквизиции — и католической, и протестантской,

богословы обеих религий жгли ведьм. За сто лет до Петра приговором от 16 февраля 1568 года Святейшая Инквизиция осудила на смерть всех жителей Нидерландов, и герцог Альба вырезал целые нидерландские города. Нидерланды были разорены. Голодные массы на улицах рвали в клочки представителей власти — власть отвечала казнями. Тот саксонский судья Карпцоф, который казнил 20 000 человек, — это только в одной Саксонии! — а Саксония была не больше двух-трех наших губерний — помер совсем перед приездом Петра в ту Европу, которая по Ключевскому, воспитывалась без кнута и застенка — в 1666 году. Я не знаю имен наследников и подражателей судьбы Карпцофа, но эти наследники были наверняка. Сколько людей повесили, сожгли и четвертовали они? В Англии, куда Петр направил свои стопы из Саардама, при одной Елизавете было повешено и казнено около 90 000 человек. Вся Европа билась в конвульсиях войн, голода, инквизиции и эпидемий» [15, с. 439 - 440].

Однако в России уже появился слой людей, побывавших на Западе проездом, что называется, «галопом по Европам», или наслушавшихся от пленных шведов и немцев, а также заезжих поляков, голландцев и англичан рассказов о преимуществах европейской жизни. Наступивший XVIII век оставил немало таких образцов. Например, привыкший к барскому безделью харьковский дворянин Василий Каразин, человек с пылкой натурой, а в будущем — известный российский просветитель, испугавшись новых строгих порядков, введенных по части государственной службы при Павле I, в 1798 году решил сбежать за границу, но был задержан пограничной стражей в районе Ковно. На допросе Каразин заявил, что он решил бежать из России, поскольку во время обучения в Петербурге получил самые «лестные понятия о чужих землях», а в России он не найдет применения своему таланту. Он был намерен поселиться в Гамбурге среди «просвещенного общества» и «природы, искусством доведенной до совершенства», и там реализовать свою страсть к «наукам и философии» [16]. Царь Павел I, после личной встречи, пожурив легкомысленного мечтателя, простил его, и в дальнейшем Каразин стал одним из инициаторов основания Харьковского университета.

В XVIII веке утопическая мечта о «благоустроенной Европе с ее благопопечительным начальством» овладевает умами образованного русского класса. Это качество нарождающейся русской интеллигенции очень точно подметил И.А. Ильин, назвав его «удобособлазняемостью наших душ». «Неумение уважать в себе субъекта прав и обязанностей, — писал Ильин, подчеркивая отличительные свойства будущих российских либералов, — колебание между деспотизмом и пресмыканием, между самопревознесением и самоуничижением; ... больная тяга к слепому подражательному западничеству, к праздному и вредному заимствованию вздорных или ядовитых идей у других народов, неверие в творческие силы своего народа» [17].

Библиографические ссылки

1. Русское историческое повествование XVI — XVII веков. М., 1984.
2. Крижанич Ю., Политика» М., 1997.
3. Платонов О. Леворадикалы — газ. «Литературная Россия», 1991, № 8, С. 20.
4. Прот. Александр Шмеман. Исторический путь православия. М., 1993, С. 371.
5. Буганов В.И., Богданов А.П. Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви. М., 1991, С. 138.
6. Савельев А.Н.1612. Минин и Пожарский. Преодоление смуты». М., 2013, С. 34.
7. Жуков Д. А. Аввакум Петров // Русские писатели XVII века, М., 1972.
8. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века, М., 1995.
9. Прошин ГГ Черное воинство, М., 1985.
10. Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения, Иркутск, 1979, С. 164.
11. Ученова В. От вековых корней, М., 1985.
12. Башилов Б. История русского масонства» Книга 2-я. Выпуск 3-й и 4-й, С. 27-28.
13. Пушкарев Л.Н. Симеон Полоцкий // Русские писатели XVII века, М., 1972, С. 235.
14. Россия при Царевне Софье и Петре I. Записки русских людей, М., 1990, С. 17.
15. Солоневич И.Л. Народная монархия, Минск, 1998.
16. Каравашкин В.В. Кто предавал Россию, М., 2008, С. 279.
17. Ильин И.А. Наши задачи // О главном. М. 1992, т. 1, С. 132.

References

1. Russkoe istoricheskoe povestvovanie XVI — XVII vekov. M., 1984.
2. Krizhanich Yu., Politika» M., 1997.
3. Platonov O. Levoradikaly' — gaz. «Literaturnaya Rossiya», 1991, № 8, S. 20.
4. Prot. Aleksandr Shmeman. Istoricheskij put' pravoslaviya. M., 1993, S. 371.
5. Buganov V.I., Bogdanov A.P. Buntari i pravdoiskateli v Russkoy pravoslavnoj cerkvi. M., 1991, S. 138.
6. Savel'ev A.N.1612. Minin i Pozharskij. Preodolenie smuty'». M., 2013, S. 34.
7. Zhukov D. A. Avvakum Petrov // Russkie pisateli XVII veka, M., 1972.
8. Zen'kovskij S.A. Russkoe staroobryadchestvo. Duxovny'e dvizheniya semnadczatogo veka, M., 1995.
9. Proshin GG Chernoe voinstvo, M., 1985.
10. Zhitie protopopa Avvakuma, im samim napisannoe, i drugie ego sochineniya, Irkutsk, 1979, S. 164.
11. Uchenova V. Ot vekovy'x kornej, M., 1985.
12. Bashilov B. Istoriya russkogo masonstva» Kniga 2-ya. Vy`pusk 3-j i 4-j, S. 27-28.
13. Pushkarev L.N. Simeon Poloczkiy // Russkie pisateli XVII veka, M., 1972, S. 235.
14. Rossiya pri Czarevne Sof'e i Petre I. Zapiski russkix lyudej, M., 1990, S. 17.
15. Solonevich I.L. Narodnaya monarxiya, Minsk, 1998.
16. Karavashkin V.V. Kto predaval Rossiyu, M., 2008, S. 279.
17. Il'in I.A. Nashi zadachi // O glavnom. M. 1992, t. 1, S. 132.

Декабристы — участники наполеоновских войн на территории Восточной Пруссии

Decembrists — participants of the Napoleonic Wars on the territory of East Prussia

В 1807 г. на территории королевства Пруссии участвовали в боях молодые офицеры русской армии, которые позднее приняли участие в движении декабристов. Многие из них именно здесь получили свой первый боевой опыт.

В сложных условиях международной обстановки, характеризующейся бойкотом и экономическими санкциями в отношении России со стороны западных стран, калининградские кооператоры остаются верными своим традициям по обеспечению экономической безопасности области.

In 1807 on the territory of the Kingdom of Prussia participated in the fighting young officers of the Russian army, who later took part in the movement of the Decembrists. Many of them right here received their first combat experience.

Ключевые слова и фразы: декабристы, наполеоновские войны, Пруссия, Прейсиш-Эйлау, Фридланд, Тильзит.

Keywords and phrases: Decembrists, Napoleonic Wars, Prussia, Preisisch-Eylau, Friedland, Tilsit.

Александр НОВИКОВ

Alexander Novikov

*Калининградский областной
историко-художественный музей, Россия*

Kaliningrad Regional Museum of History and Art, Russia

В ходе сложных дипломатических маневров в 1806 г. была создана четвертая антифранцузская коалиция, объединившая Россию, Англию, Пруссию и Швецию. В новой военной компании приняли участие молодые офицеры, которые позднее, уже после окончания наполеоновских войн, приняли участие в деятельности тайных обществ, возникших в Российской империи, и вошли в историю как «декабристы».

После сражения под Пултуском 26 декабря 1806 г. русская армия вынуждена была отойти в Восточную Пруссию. Здесь, неподалеку от Прейсиш-Эйлау (ныне - г. Багратионовск Калининградской области) 7-8 февраля 1807 г. разыгралось крупное сражение. Адьютантом командующего русской армией, генерала Л.Л. Беннигсена состоял поручик лейб-гвардии Кавалергардского полка С.Г. Волконский, получивший свое боевое крещение под Пултуском [1, с. 104]. Позднее он писал, что битва при Прейсиш-Эйлау показала «стойкость русских войск и пыл натиска французов» [1, с. 108]. «Сражение было принято войсками, начальниками, с радостью и с желанием быть достойными русского имени — и это они доказали» [1, с. 109-110]. Как сказано в формулярном списке

С.Г. Волконского, он «был в сражении при г. Прейсиш-Эйлау, где ранен был пулею в бок и удостоен награждением золотого знака отличия за сие сражение, установленного в том же году» [цит. по: 8, с. 10]. После ранения он был опрaвлен в Кенигсберг, а затем — в Тильзит, откуда вернулся в действующую армию [1, с.

109]. Он по-прежнему находился при Л.Л. Беннигсене, причем другими адъютантами при командующем состояли его товарищи по Кавалергардскому полку поручик П.П. Лопухин и корнет Ф.Ф. Гагарин — также будущие декабристы [8, с. 11, 102].

Непосредственно в гуще событий сражения под Прейсиш-Эйлау находился подпоручик Владимирского пехотного полка П. Граббе. «На нашу долю досталась одна из колонн маршала Ожеро, которого корпус уничтожен в этом побоище — вспоминал он, — Это было в первом часу; сильная вьюга ослепляла нам глаза снегом. Вдруг стихло, и прямо против моих пушек, не более как в 30-ти шагах, мы увидели колонну французов, по-видимому, также изумленных неожиданной близостью стройного нашего фронта. Орудия мои были прежде заряжены картечью, которых у меня всего осталось по пяти на орудие, а ядер не осталось ни одного. Страшно было их действие на столь близкого неприятеля. Колонна приняла направо и кинулась на второй батальон Владимирского полка (я стоял в интервале между ним и первым батальоном). Штыки приняли их, но середина была прорвана. Я выстреливал последние свои картечи по середине и по хвосту этой же колонны, как крик артиллеристов сзади меня: «Французы!» заставил меня оглянуться. Несколько французов вскочили сзади на батарею; но скоро, вслед за ними и наши. Все были переколоты штыками; немногих только удалось мне спасти от тесаков моих артиллеристов. Лошади у орудий были переранены, все снаряды до последнего выстрелены. Штыковой бой на этой точке сражения закончился совершенным истреблением колонны. Груды тел покрывали место побоища» [3, с. 810]. За сражение при Прейсиш-Эйлау П.Х. Граббе получил «золотой крест (...) в память этого славного для России дня установленный» [3, с. 812]. В представлении к награждению было указано, что «он искусным и

храбрым действием из орудий способствовал к поражению неприятеля» [3, с. 858]. В мае 1807 г. он был награжден орденом Св. Анны 4-й степени [6, с. 58].

Этот «золотой крест» — ни что иное, как знак отличия «За победу при Прейсиш-Эйлау», учрежденный 31 августа 1807 г. Им награждались офицеры, участвовавшие в битве и представленные к награде, но не получившие за это ордена Св. Георгия или Св. Владимира [4]. Такой же крест получил и С.Г. Волконский (ранее удостоенный за сражение при Пултуске ордена Св. Владимира 4-й степени) [8, с. 10]. Позднее, вспоминая о том, что по решению военного суда был лишен своих наград, он писал, что «Прейсиш-эйлауский крестик и медаль 1812 г. — одно, о чем сожалею, ставя себе в великую честь быть соучастником в событиях, ознаменованных этими знаками отличия» [1, с. 111]. Таким образом, в его глазах награда за Прейсиш-Эйлау была равнозначна награде за участие в Отечественной войне 1812 г. и стала для него символом той компании.

В сражении под Прейсиш-Эйлау неподалеку от полка П.Х. Граббе сражались будущие декабристы — подпоручик Московского гренадерского полка И.С. Повяло-Швейковский [8, с. 13] и прапорщик Севского пехотного полка В.И. Враницкий. Последний, чех по национальности, бывший прапорщик австрийской армии, перешедший в 1804 г. на русскую службу, был в этом бою ранен в голову и руку саблей при атаке русских войск конницей Мюрата [8, с. 11, 102, 112].

Боевые действия в Пруссии вновь возобновились в мае 1807 г. После сражений под Гутштадтом и Гейльсборгом русские войска отступили к Фридланду (ныне - г. Правдинск Калининградской области), где 14 июня 1807 г. состоялось сражение, решившее ход кампании. В нем приняли участие уже упомянутые адъютанты командующего: С.Г. Волконский, П.П. Лопухин и Ф.Ф. Гагарин [8, с. 11, 102]. С.Г. Волконский и П.П. Лопухин сопровождали английского военного агента генерала Гученсона, поднявшись вместе с ним на башню ратуши Фридланда, чтобы наблюдать за действиями французских войск [1, с. 121-122] (здание ратуши не сохранилось). За участие в сражении оба были награждены — П.П. Лопухин орденом Св. Владимира 4-й степени, С.Г. Волконский — золотой шпагой с надписью «За храбрость» [8, с. 11, 106, 108].

Здесь же, при Фридланде, продолжал сражаться с французами П.Х. Граббе, испытавший всю тяжесть отступления. Мост через р. Алле был сожжен, и русским солдатам пришлось переправляться вброд. «Неприятель, несколько раз с уроном отраженный, быть может утомленный самой победой и полагавший нас без переправы, отложил, кажется, наше истребление до утра; но вы нашли брод, хотя глубокий и около полуночи перешли и соединились с разбитой армией. При этом я едва не утонул. Драгун, посадивший меня сзади на круп своей лошади, был пьян, не попал на

брод и на приготовленный подъем на берегу. В памяти осталась у меня бедная моя верховая лошадь. Вовремя сражения, когда я слез с нее, ядром прострелило его насквозь, перервав подпруги и одно путлище. Долго пролежав, она встала и, несмотря на висевшие наружу внутренности, пошла за орудиями и проводила нас до самой переправы» [3, с. 815].

Кроме них, в сражении под Фридландом участвовали и другие будущие декабристы. В послужном списке корнета Кавалергардского полка М.С. Лунина скупно отмечено «июня 2-го — при городе Фридланде» [13, с. 24]. До этого он принимал участие в сражении под Гейльсбергом и за отличие в нем был награжден орденом Св. Анны 4-й степени [13, с. 24]. Его однополчанами были братья А.Ф. и М.Ф. Орловы, также принимавшие участие в сражении [8, с. 11; 9, с. 156]. Любопытно, что после сражения эстандарт-юнкера М.Ф. Орлова командировали в Главную квартиру (ставку) французской армии, где он участвовал в подготовке переговоров в Тильзите и, по его словам, «имел случай изучить военные нравы наших неприятелей» [цит. по: 9, с. 156]. Здесь же сражались подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка С.Г. Краснокутский и прапорщик лейб-гвардии Финляндского полка М.Ф. Митьков, причем последний был награжден орденом Анны 4-й степени [8, с. 10, 106, 108].

Но даже этими именами не исчерпывается перечень будущих декабристов, участвовавших компании 1807 г. на территории современной Калининградской области. Под Прейсиш-Эйлау и Фридландом сражались А.Ф. Астафьев из Тульского мушкетерского полка; под Прейсиш-Эйлау — прапорщик Костромского пехотного полка Ф.Г. Кальм; под Фридландом — поручик лейб-гвардии Артиллерийского батальона В.А. Глинка (получивший за участие в сражении орден Св. Анны 3-й степени) и корнет лейб-гвардии Конного полка П.И. Кошкуль [8, с. 99, 102, 105-106].

Здесь любопытно сопоставить оценку состояния русской армии двумя будущими декабристами. По словам С.Г. Волконского, после Фридланда армия «горела желанием вновь вступить в бой с французами и заглавить поражение», о заключении мира никто не помышлял и поэтому «к крайнему нашему сожалению, узноано было, что заключено перемирие и что будет свидание между императором Александром и Наполеоном для трактации о мире» [1, с. 124]. Это взгляд адъютанта командующего, который судит о событиях с высоты своего положения. Гораздо более точна оценка П. Х. Граббе, младшего офицера, находящегося в гуще событий: «Отступление от Фридланда до Тильзита, хотя без сильного преследования, показало, однако, все следы последнего несчастного сражения и прежних потерь. Порядок с трудом восстановился» [3, с. 816]. Это больше соответствует действительному положению дел, поскольку после нескольких сражений компании 1807 г. русская армия действительно существенно утратила свою боеспособность. И.И. Дибич, будущий генерал-

фельдмаршал Дибич-Забалканский, в декабре 1812 г. заключивший с генералом Йорком знаменитую конвенцию в Таурогене, в июне 1807 г. командовал одним из арьергардных отрядов «для прикрытия ретирады и собрания мародеров» [2, с. 89].

В начале июля 1807 г. в Тильзите проходили мирные переговоры между двумя императорами. С.Г. Волконский, свидетель этих событий, вспоминал: «Живо еще в моей памяти представляется устройство среди вод Немана: неподвижный плот, на котором воздвигнут был род здания, довольно обширного. (...) Живо в моей памяти воззрение отплыва двух императоров, каждый с того берега, где стояли их войска, и приплыв их к этому парому, на котором решалась судьба многих властителей, многих народов. Я с берега вашего, в числе свиты Беннигсена, смотрел на поезд обоих императоров. Приплыв был их так устроен, что оба вступили на паром и встретились посреди оногo, можно сказать, одновременно, для предупреждения всяких толков» [1, с. 124].

Поскольку русские офицеры не могли свободно посещать Тильзит, С.Г. Волконский и П.П. Лопухин, «надев платье прусских крестьян, успели переехать на французский берег в виде торгующих съестными припасами и имели случай видеть Наполеона, который ежедневно в сопровождении имп[ератора] Александра и с обеими их свитами делали прогулки» [1, с. 126]. «В скором времени мы узнали, что мир заключен и нашей армии дано было распоряжение о возвращении в российские пределы. Эта весть так не была по сердцу любящим славу России, что, вспоминая, что я, живши на бивуаке, пригласивши к себе знакомого мне товарища из свиты Бенигсена, молодого барона Шпрингпортена и с горя (порусской привычке), не имея других напитков, как водку, мы выпили вдвоем три полуштофа гданьской сладкой водки и так мы опьянели, что, плюя на бивуачный огонь, удивлялись, что он от этого не гаснул» [1, с. 127].

В целом в боях на территории Восточной Пруссии приняло участие 15 будущих декабристов. Бросается в глаза их возраст — в среднем около 20-22 лет. По неполным подсчетам Б.Л. Модзалевского и А.А. Сиверса, сделанным на основании «Алфавита членам бывших злоумышленных тайных обществ.» (1827 г.), число членов декабристских организаций составляло 579 чел., из них военными были 456 чел. (79%). Правда, половина привлеченных к следствию (290 чел.) была освобождена от обвинений [6, с. 403], но показательно то, что подавляющее большинство декабристов были офицерами. Именно здесь, в сражениях кампаний 1806-1807 гг. эти молодые офицеры начали либо продолжили свою военную карьеру. Здесь они, говоря словами С.Г. Волконского, сделались привычными «к запаху неприятельского пороха, к свисту ядер, картечи и пуль, к блеску атакующих штыков и лезвий белого оружия; (...) ко всему тому, что встречается в боевой жизни» [1, с. 104]. Все они пройдут горнило сражений Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов.

Кто-то, подобно П.П. Лопухину, А.А. Астафьеву, В.А. Глинке и П.Х. Граббе, приняв участие в деятельности первых декабристских организаций, вовсе отойдет от них. В.А. Глинка станет генералом от артиллерии, главным начальником горных заводов Уральского хребта и сенатором [10, с. 271-272]. П.Х. Граббе будет арестован, но освобожден в июле 1826 г, вернется на службу, станет генерал-лейтенантом [6, с. 58], одним из самых успешных командующих войсками Кавказской линии, взявшим в 1839 г. резиденцию Шамиля — аул Ахульго [10, с. 380-387]. Разойдутся пути двух братьев Орловых, Михаила и Алексея. Первый станет членом «Ордена Русских рыцарей», «Союза Спасения» и «Союза Благоденствия», но в самом восстании участия принимать не будет. Благодаря помощи брата, принимавшего участие в подавлении восстания, он будет только сослан на время в деревню [12, с. 146]. Алексей же в 1825 г. будет командиром лейб-гвардии Конного полка, с которым примет участие в подавлении восстания 14 декабря, заслужит графский титул и с этого времени займет одно из первых мест среди приближенных Николая I. В 1844 г., через два года после смерти брата, он сменит А.Х. Бенкендорфа на посту шефа корпуса жандармов и начальника III-го отделения [12, с. 144]. Именно в сражениях 1807 г. судьбы некоторых из этих офицеров пересеклись с будущим генералом от артиллерии И.А. Сухозанетом. Под Прейсиш-Эйлау подпоручик 1-й артиллерийского полка И.А. Сухозанет был контужен картечью, а под Фридландом — смят французской кавалерией, прорвавшейся на батарею, и раненым вынесен с поля боя. За эту компанию он был отмечен орденом Св. Анны 4-й степени и золотой шпагой с надписью «За храбрость» [11, с. 563-564]. А 14 декабря 1825 г. уже начальник артиллерии Гвардейского корпуса И.А. Сухозанет стал тем самым офицером, который по приказу Николая I выдвинул на Сенатскую площадь батарею орудий, картечь которых сломала выстроенное возле памятника Петру Великому каре восставших [5, с. 371-374]. В 1826 г. будет арестован и осужден по 1-му разряду князь С.Г. Волконский — единственный генерал-майор действительной службы, принимавший активное участие в движении декабристов и награжденный за Фридланд такой же золотой шпагой с надписью «За храбрость», как и И.А. Сухозанет. После ареста он был отправлен в Санкт-Петербург к члену Следственного Комитета, начальнику Главного штаба И.И. Дибичу [7, с. 42] — тому самому, который в июне 1807 г. прикрывал отступление русской армии к Тильзиту (при этом сам И.И. Дибич не принимал участие в допросах, а фактически являлся представителем Николая I в Следственном Комитете [14, с. 112-113]).

Тильзитский мир, заключенный 7 июля 1807 г., в русском обществе был воспринят как поражение России. И многие русские офицеры, особенно молодежь, уже тогда стали задумываться над тем, что привело их родину к поражению. Безусловно, рубежным со-

бытием для становления движения декабристов стала Отечественная война 1812 г. и особенно последовавшие за ней заграничные походы, но и неудачный для России исход войны 1806-1807 гг. стал фактором объединения патриотически-настроенных офицеров. Уже осенью 1807 г. в Петербурге М.Ф. Орлов в Кавалергардском полку организовал кружок офицеров-патриотов, в состав которого вошли будущие члены тайных обществ: С.Г. Волконский, М.С. Лунин, П.П. Лопухин [8, с. 14]. А будущий член «Союза спасения» Ф.Н. Глинка, в сентябре 1806 г. временно ушедший по болезни в отставку, в 1808 г. опубликовал в «Русском вестнике» «Строфы из оды на победы под Пултуском и Прейсиш-Эйлау» [8, с. 14].

Таким образом, именно сражения на территории Пруссии в 1807 г. во многом способствовали формированию сознания молодого русского офицерства, из среды которого позднее вышли декабристы.

Библиографические ссылки

1. Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991.
2. Дибич И.И. Из очерка воспоминаний «Выписка из журнала моего во время похода в 1807-м году» // Россияне в Восточной Пруссии. Калининград, 2001. Ч. 2.
3. Из памятных записок П.Х. Грабе // Русский архив. 1875. № 5.
4. Бартошевич В. В. Наградной крест за сражение при Прейсиш-Эйлау. Интернет-ресурс: <http://medalirus.ru/stati/bartoshevich-krest-srazhenie-preisishjeilau.php>. (Дата обращения: 10.07.2015).
5. Гордин Я.А. Мятеж реформаторов. Л., 1989.
6. Декабристы. Биографический справочник. М., 1988.
7. Карош Н.Ф. Тиханская А.З. Декабрист Сергей Григорьевич Волконский и его «Записки» // Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991.
8. Павлова Л.Я. Декабристы-участники войн 1805-1814 гг. М., 1979.
9. Россияне в Восточной Пруссии. Калининград, 2001. Ч. 1.
10. Русский биографический словарь. М., 1916. Т. 5.
11. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812-1815 гг. // Российский архив. М., 1996. TVII.
12. Шикман А.П. Деятели отечественной истории. М., 1997. Кн. 2.
13. Эйдельман Н.Я. Лунин. М., 1970.
14. Эйдельман О. Следствие по делу декабристов. М., 2010.

References

1. Volkonskij S.G. Zapiski. Irkutsk, 1991.
2. Dibich I.I. Iz ocherka vospominanij «Vy`piska iz zhurnala moego vo vremya poxoda v 1807-m godu» // Rossiyanе v Vostochnoj Prussii. Kaliningrad, 2001. Ch. 2.
3. Iz pamjatny`x zapisok P.X. Grabe // Russkij arxiv. 1875. № 5.
4. Bartoshevich V. V. Nagradnoj krest za srazhenie pri Prejsish-E`jlau. Internet-resurs: <http://medalirus.ru/stati/bartoshevich-krest-srazhenie-preisishjeilau.php>. (Data obrashheniya: 10.07.2015).
5. Gordin Ya.A. Myatezh reformatorov. L., 1989.
6. Dekabristy`. Biograficheskij spravochnik. M., 1988.
7. Karosh N.F. Tixanskaya A.Z. Dekabrist Sergej Grigor`evich Volkonskij i ego «Zapiski» // Volkonskij S.G. Zapiski. Irkutsk,

Проблемы формирования финансовой грамотности населения в сфере пенсионного обеспечения

Problems of formation of financial literacy of the population in the field of person provision

Обозначены основные проблемы финансовой грамотности населения в сфере пенсионного обеспечения и направления их решения.

The main problems of financial literacy of the population in the field of pension provision and the directions of their solution are outlined.

Ключевые слова и фразы: финансовая грамотность, пенсионное обеспечение.

Keywords and phrases: financial literacy, pension provision.

Михаил КОЧИН

Mikhail Kochin

*АНООВО «Калининградский институт управления»,
Россия*

ANOVO «Kaliningrad Institute of Management», Russia

Пенсионное обеспечение является одним из наиболее важных факторов в формировании социально-экономического положения внутри страны, поскольку трудоспособное население должно полагаться на то, что пенсионных выплат будет достаточно для поддержания необходимого им уровня жизни.

В последние годы из-за сложностей в экономическом развитии страны сокращалось потребление граждан. Это негативно влияло на уровень жизни россиян, их материальное благосостояние. Несмотря на позитивные прогнозы, экономическому развитию в ближайшие годы, вероятно, будут препятствовать низкий уровень внутреннего спроса и медленный рост реальных доходов населения. Жители России, таким образом, оказываются в сложной ситуации, и для них особенно актуальным становится вопрос грамотного распоряжения финансовыми средствами для обеспечения материального благополучия. Финансовая грамотность все в большей мере становится предпосылкой материального благополучия домохозяйства, одним из важнейших навыков жизни людей.

Финансовая грамотность позволяет домохозяйствам планировать и использовать личный бюджет, принимать решения в области личных финансов исходя из своих долгосрочных интересов, избегать излишней личной задолженности, ориентироваться в сложных услугах и продуктах, предлагаемых финансовыми институтами, распознавать угрозы и снижать риски мошенничества со стороны потенциально недобросовестных участников рынка. Всё это обеспечи-

вает более высокий уровень социальной стабильности, сбалансированный рост экономики, устойчивость финансовой системы страны.

На данный момент система информирования граждан в сфере пенсионного обеспечения утверждена на законодательном уровне (Административный регламент предоставления Пенсионным фондом Российской Федерации государственной услуги по информированию граждан о предоставлении государственной социальной помощи в виде набора социальных услуг, утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты РФ от 14 января 2014 г. № 3н) и реализуется в основном в сфере предоставления социальных услуг - это касается вопросов по оформлению документов, принятия и рассмотрения жалоб, а также консультирования по пособиям и льготным выплатам. При этом от официальных представительств пенсионной системы практически не поступает информация касательно реформ и нововведений. Данная ситуация является одной из причин того, что у значительной части наших граждан имеются искаженные представления об изменениях в области пенсионного обеспечения, либо они отсутствуют вообще.

Проверка знаний в области пенсионного обеспечения россиян, как показывают различные оценки, как правило, демонстрирует низкие результаты по сравнению с другими тематическими областями финансовой грамотности [1, 2].

Дополнительным фактором необходимости повышения информированности граждан в сфере пенсионного обеспечения стали особые условия 2020 - 2022 гг., которые заставили людей задуматься о необходимости накоплений, в частности, в условиях вызванного пандемией и началом специальной военной операции на Украине длительного спада в экономике и неопределенного будущего.

Следует отметить, что последние годы характеризуются бурным ростом перевода услуг в сфере пенси-

онного обеспечения в электронный формат. Пенсионный фонд России также ведет целенаправленную работу по цифровизации государственных услуг. Доля электронных услуг в общей совокупности по данным за 2020 год составила 81,5% [3].

Внедрение электронных услуг в различных областях предоставления государственных социальных услуг способствует росту активности пользователей этих услуг. В частности, развитие электронных услуг Пенсионного фонда помимо увеличения активности их использования уверенными пользователями, позволило лицам пенсионного возраста также максимально использовать имеющиеся возможности, что демонстрируют данные по числу обращений к сервисам. Одним из наиболее популярных и востребованных сервисов стало получение информации о состоянии индивидуального лицевого счета гражданина. Высокий интерес также отмечен к пенсионному калькулятору.

Таким образом, рост активности можно связать не только с развитием наглядных и удобных сервисов, не требующих большого времени по оформлению заявок и документов, но и с повышением финансовой грамотности населения в области пенсионной сферы.

Помимо приведенных положительных моментов стоит отметить и проблемы финансовой грамотности, которые условно можно разделить на две группы.

Первая связана с организацией и обеспечением процесса обучения финансовой грамотности. В первую очередь это касается недостаточного и неполного преподавания основ финансовой грамотности в образовательных учреждениях. Проявляется это в минимизации часов отведенных на изучение дисциплин, формирующих знания и навыки в области финансовой грамотности населения, недостатком понятных и доступных обучающих программ, образовательных материалов, направленных на разные слои населения, социальные и возрастные группы. Отсутствие квалифицированных преподавателей, обладающих опытом преподавания основ финансовой грамотности с позиции практической науки, — также актуальная проблема, которая стоит на пути развития экономического образования. Все вышеприведенные факты влекут за собой дефицит или неполное развитие навыков и компетенций, которые необходимы для эффективного управления личными финансами, формирования пенсионных накоплений, осуществления осознанного выбора финансовых услуг, взаимодействия с финансовыми организациями, а также органами, организациями, которые занимаются защитой прав потребителей финансовых услуг.

Вторая группа проблем чаще всего рассматривается на уровне вопросов, лежащих в компетенциях государственного управления. Их связывают с отсутствием механизма взаимодействия государства и общества, который бы обеспечивал повышение финансовой грамотности населения, а также развитие финансового образования граждан. Кроме того, серьезные проблемы находятся в области недостаточной инфор-

мированности населения о защите прав потребителей и пенсионных прав граждан и недостаточном уровне ресурсного (финансового, квалификационно-кадрового, информационно-технологического) обеспечения необходимых программ и мероприятий.

Нехватка и недостаток знаний, отсутствие практических навыков в сфере финансовой грамотности ставят под угрозу благополучие граждан страны, организаций. Финансово образованные граждане лучше подготовлены к защите своих собственных интересов, они более полно и правильно представляют уровень своих потребностей и, как следствие, запрашивают продукты (как финансовые, так и в сфере пенсионного обеспечения), более полно удовлетворяющие их интересы и потребности, как на данный момент времени, так и в грядущей перспективе. Финансово грамотное население стимулирует поставщиков к внедрению и разработке новых финансовых продуктов, улучшению уже существующих, так же позволяют усовершенствовать уже существующую систему пенсионного обеспечения в Российской Федерации. Потребители с хорошим финансовым образованием и достойным уровнем финансовой грамотности могут смягчить резкие колебания на финансовых рынках, поскольку они менее склонны к проявлению преждевременной или слишком бурной реакции в случае изменения внешних факторов.

В качестве направлений развития финансовой грамотности в пенсионной сфере необходима системная и постоянная информационно-разъяснительная работа по всем направлениям деятельности системы пенсионного обеспечения в нашей стране. Также необходимо продолжать реализацию программы повышения пенсионной и социальной грамотности молодежи «Будущая пенсия зависит от тебя!», начатой Пенсионным фондом РФ еще в 2011 году.

Осознание необходимости обеспечения финансовой устойчивости каждого гражданина в будущем должно закладываться на ранних этапах развития личности. В школах, вузах и ссузах страны необходимо проводить учебные занятия, которые должны носить информационный и практический характер, их важность велика, поскольку современная молодежь достаточно редко задумывается о своем далеком будущем и формирует долгосрочные финансовые планы на перспективу.

Библиографические ссылки

1. Ковалев-Кривонос П.А., Кочин М.С. Повышение финансовой грамотности военных пенсионеров Калининградской области. Сборник статей по материалам XI международной научно-практической конференции. 2018. Издательство: Ассоциация научных работников «Сибирская академическая книга» (Новосибирск). 2018 - С. 43-50.
2. Кочин М.С., Филиппов В.Н. О результатах исследования уровня финансовой грамотности студентов АНООВО «Калининградский институт управления» и Калининградского филиала «Московского финансово-юридического университета (МФЮА)». Проблемы межрегиональных связей:

научный альманах / Научно-исследовательский центр имени П.А.Румянцева «Мысль», Междунар. ин-т полит. наук (Клайпеда), Московский финансово-юридический университет МФЮА; Клайпеда; Калининград: Аксиос, 2021 - Вып. 15 В.И.Кулаков [и др.]; сост. и ред. В.А.Шахов. - Москва; Клайпеда; Калининград, 2021. - 80 с., ISSN 2414-5734 – С. 28-31.

3. Сайт Пенсионного фонда России [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pfr.gov.ru/press_center/annual_report (дата обращения: 01.10.2022)

References

1. Kovalev-Krivososov P.A., Kochin M.S. Povy'shenie finansovoj gramotnosti voenny'x pensionerov Kaliningradskoj oblasti. Sbornik statej po materialam XI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2018. Izdatel'stvo: Associaciya nauchny'x rabotnikov «Sibirskaya akademicheskaya kniga» (Novosibirsk). 2018 - S. 43-50.

2. Kochin M.S., Filippov V.N. O rezul'tatax issledovaniya urovnya finansovoj gramotnosti studentov ANOOVO «Kaliningradskij institut upravleniya» i Kaliningradskogo filiala «Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta (MFYuA)». Problemy' mezhregional'ny'x svyazej: nauchny'j al'manax / Nauchno-issledovatel'skij centr imeni P.A.Rumyanceva «My'sl'», Mezhdunar. in-t polit. nauk (Klajpeda), Moskovskij finansovo-yuridicheskij universitet MFYuA; Klajpeda; Kaliningrad: Aksios, 2021 - Vy'p. 15 V.I.Kulakov [i dr.]; sost. i red. V.A.Shaxov. - Moskva; Klajpeda; Kaliningrad, 2021. - 80 s., ISSN 2414-5734 – S. 28-31.

3. Sajt Pensionnogo fonda Rossii [E'lektronny'j resurs]. – URL: https://www.pfr.gov.ru/press_center/annual_report (data obrashheniya: 01.10.2022)

Практико-ориентированный подход в образовательных технологиях

Practice-oriented approach in educational technologies

В статье рассмотрены основные моменты организации учебной практики студентов. Выявлены особенности использования практико-ориентированного подхода в организации учебной практики в морском вузе. Указана проблема, возникшая в связи с введением новых направлений подготовки морских специалистов.

The article discusses the main points of the organization of students' educational practice. The features of the use of a practice-oriented approach in the organization of educational practice at a maritime university are revealed. The problem that has arisen in connection with the introduction of new areas of training of marine specialists is indicated.

Ключевые слова и фразы: учебная практика, практико-ориентированный подход, профессиональные компетенции.

Keywords and phrases: educational practice, practice-oriented approach, professional competencies.

Владимир СКРЫПНИК

Vladimir Skrypnik

*Балтийская государственная академия
рыбопромышленного флота, ФГБОУ ВО «Калининградский
государственный технический университет», Россия*

*Baltic State Fishing Fleet Academy, Kaliningrad State
Technical University, Russia*

Научная новизна исследования определяется тем, что обосновано использование практико-ориентированного подхода в организации учебной практики в морском вузе, указана проблема, возникшая в связи с введением новых направлений подготовки морских специалистов, и разработаны педагогические условия формирования компетенций для практической деятельности курсантов в период прохождения учебной практики.

Гипотеза исследования: процесс формирования готовности курсантов к профессиональной деятельности в период учебной практики будет эффективным, если:

- цели учебной практики будут способствовать развитию профессиональной компетентности морских специалистов;

- педагогические условия соответствуют структуре целостного педагогического процесса, дополняют цели, содержание и методы практической подготовки.

Задачи исследования:

1. Выявить особенности использования практико-ориентированного подхода в организации учебной практики в морском вузе.

3. Обосновать и разработать педагогические условия формирования профессиональных и общих компетенций курсантов в период учебной практики.

4. Экспериментально проверить эффективность педагогических условий применения практико-ориентированного подхода в период учебной практики.

Теоретической и методологической основой послу-

жили результаты научных исследований отечественных и зарубежных ученых в области педагогических условий формирования мотивации к профессиональной деятельности.

Современный этап развития образования предполагает поиск эффективных педагогических теорий и практик, связанных с новым форматом реализации модели индивидуальной траектории развития студентов.

Качественная подготовка профессионалов невозможна без усиления практической составляющей. Ее организация – важная составляющая образовательной деятельности университета. Цель практики – систематизировать и закрепить теоретические знания и практические навыки, полученные в процессе обучения в университете. Она определяет теоретический уровень подготовки специалиста, оценивает его готовность к самостоятельному решению научно-производственных задач.

Перспективы развития и совершенствования практической подготовки связаны со следующими направлениями деятельности: повышение качества методического обеспечения практик; организация конкурса профессионального мастерства студентов с привлечением ведущих специалистов региона; организация стажировок преподавателей на ведущих предприятиях.

Базами учебных практик являются организации, имеющие прямые связи с высшим учебным заведением, для которых осуществляется подготовка специалистов. Это создает взаимную заинтересованность в качественном проведении данного вида учебных занятий. При целесообразном сочетании учебных целей практики и потребностей принимающей организации можно осуществлять результативную практическую подготовку, способствовать развитию у обучающихся интереса к своей профессии. В то же время эффективная организация производственной практики служит важным источником дополнительных трудовых ресурсов для предприятий.

Развитие отечественного морского рыбопромысло-

вого и транспортного флота обусловило новый подход к подготовке кадров морских специалистов. Главной задачей образовательного процесса в морском вузе является формирование реальной готовности к профессиональной деятельности. Обучение должно осуществляться в тесной взаимосвязи с жизнью [1].

Учебная практика по получению первичных профессиональных умений и навыков, в том числе первичных умений и навыков научно-исследовательской деятельности курсантов первого курса морского вуза, является важным звеном в системе подготовки бакалавров

Возможность использования полученных знаний, умений и навыков в период учебной практики способствует формированию общекультурных и профессиональных компетенций курсантов, обучающихся по направлению подготовки 26.03.01 «Управление водным транспортом и гидрографическое обеспечение судоходства» (профиль: «управление транспортными системами и логистическим сервисом на водном транспорте») [8]. С другой стороны, несмотря на успехи реформы морского профессионального образования, ее мероприятия и результаты оказались недостаточными для формирования условий качественной подготовки морских специалистов, обеспечению их конкурентоспособности на мировом рынке.

Правильная организация практик является одним из важнейших путей подготовки курсантов к профессиональной деятельности в условиях постоянно и быстро меняющихся реалий жизни, способствует углублению и расширению теоретических знаний.

Основными проблемами при организации учебной практики являются: устаревшая материально-техническая и лабораторная база вуза; низкая мотивация студентов в получении практических навыков; ограниченный выбор предприятий для организации практики; сложности в получении необходимой информации по определенным вопросам деятельности организации.

На основании анализа организации и проведения учебной практики в морском вузе мы выяснили, что в настоящее время далеко не все профильные организации и предприятия готовы заключать договоры с учебными заведениями о приеме практикантов.

В Морском институте Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота имеется положительный опыт длительного сотрудничества с ОАО «Калининградский морской торговый порт», ООО «ТрансЭксим», ГК «Содружество», другими компаниями. Совместная плодотворная работа вуза и предприятий, направленная на подготовку кадров, дает возможность обучающимся осваивать будущую профессию исходя из реалий сегодняшнего дня: для практикантов создаются рабочие места, курсанты и студенты закрепляются за опытными наставниками. Именно от этого зависит качество проведения практики, а также получение курсантами компетенций и приобретение первичного профессионального опыта,

необходимого для дальнейшего обучения на старших курсах.

Знакомство с деятельностью порта, его структурой, техническим оснащением, системой управления и технологиями погрузочно-выгрузочных и складских работ; приобретение обучающимися компетенций по основным методам работы транспортных предприятий и его подразделений; получение знаний в области натурного обследования транспортных систем; приобретение навыков сбора и обработки информации, оформления и заполнения первичной транспортной документации; возможность применять приобретенные знания, умения и навыки, демонстрировать уровень усвоения образовательной программы, «попробовать» себя в ситуациях, реально соотносимых с будущей профессиональной деятельностью, – такие задачи были поставлены руководителем практики от учебного заведения и специалистом-наставником от предприятия в ходе прохождения учебной практики [8].

Решению этих задач способствовал практико-ориентированный подход, при котором педагог-наставник в период учебной практики ставил перед курсантами задачу, решение которой требует творческого поиска, применения накопленных знаний, умения обобщать свои выводы и решения. Такой подход требует большей активности и активизирует когнитивные процессы, дает более адекватную связь, возможность увидеть результаты своих действий, изменить их в процессе деятельности, допускает вариативность поведения. В ходе прохождения учебной практики педагог-наставник переводил теоретические знания в деятельностный контекст, воссоздавал основные закономерности профессиональной деятельности, что позволило курсантам управлять развитием событий на основе самостоятельно полученных выводов и тем самым закрепить теоретические знания [7].

Практико-ориентированный подход предполагает тесную взаимосвязь теории и практики, что создает принципиально новую модель практической подготовки студентов. Это внедрение профессионально-ориентированных технологий обучения, способствующих формированию у обучающихся значимых для будущей профессиональной деятельности качеств личности, а также знаний, умений и навыков (опыта), обеспечивающих качественное выполнение профессиональных обязанностей по профилю подготовки; создание инновационных форм профессиональной занятости студентов с целью решения ими реальных научно-практических и опытно-производственных работ в соответствии с профилем обучения; создание условий для приобретения знаний, умений и опыта при изучении учебных дисциплин с целью формирования у обучающегося мотивированности и осознанной необходимости приобретения профессиональной компетенции в процессе всего времени обучения.

Настоящие результаты подтверждают, что такой подход хорошо применим при проведении учебных практик, где продолжается формирование профессио-

нальных и общих компетенций будущего выпускника, выполняются практические задания на рабочих местах тальмана и стивидора. Как мы утверждали ранее, суть этого метода состоит в том, чтобы обеспечить выполнение курсантами таких задач, в процессе решения которых они овладевали бы умениями выполнения определенных операций и в целом профессиональными компетенциями [4]. В этом аспекте исследование показало, что успешное проведение учебной практики позволяет сделать процесс познания более результативным, обеспечивает объективность при сохранении устойчивой учебной мотивации. На этом этапе эксперимента стало понятно, что дальнейшее включение этого метода при прохождении учебной практики потребует развития у участников системы образования новой компетенции, обеспечивающей необходимый уровень деятельности составляющей в обучении [5].

Наше исследование показало, что группа курсантов и студентов Морского института БГАРФ в 2022 году, которые проходили учебную практику в Калининградском морском торговом порту, непосредственно включались в производственный процесс: вели дневник практики, изучали специальную документацию, знакомились с должностными обязанностями приемо-сдатчика груза, стивидора и других специалистов. Под руководством специалиста-наставника курсанты осваивали должностные обязанности тальмана, принимали участие в приеме и сдаче экспортных, импортных и каботажных грузов, следующих в прямом, смешанном, железнодорожно-водном сообщении; работали в качестве практиканта с различными видами тары и упаковки, изучали маркировку на русском и иностранных языках, свойства грузов и правила их перевозки и перегрузки, складирования и хранения грузов; осваивали порядок, правила и методы счета грузов; правила применения складского измерительного инструмента, приспособлений, механизмов и способы их проверки пригодности к работе; знакомились с устройством грузовых помещений на судах, железнодорожного и автомобильного транспорта; изучали порядок сдачи подвижного состава в коммерческом отношении, правила пломбирования вагонов и контейнеров; изучали формы грузовых документов, нарядов на следующую работу и правила их оформления; учились планировать собственную деятельность, анализировали результаты, формировали методическое портфолио [8].

Основным результатом проведенного нами эксперимента по использованию практико-ориентированного подхода в период прохождения учебной практики стало понимание курсантами важности практических умений и навыков для профессиональной подготовки, приобретение ими компетенций, позволяющих освоить будущую профессию.

С другой стороны, в ходе исследования выделена проблема, возникшая в связи с введением новых направлений подготовки морских специалистов. Не всегда организации, с которыми заключены договоры о прохождении учебной практики, готовы предостав-

лять информацию о предприятии и обеспечить доступ к практическим материалам и процессам, в полном объеме обеспечить получение и приобретение необходимых практических навыков и приемов работы в рамках и в соответствии с ФГОС ВО, а также обеспечить выполнение требований охраны труда и техники безопасности. Естественно, надо учитывать, что ни одно предприятие не будет хорошо готовить студентов и курсантов при прохождении учебной практики, если оно не заинтересовано в подготовке кадров, т.е. быть динамично развивающимся. Подбор баз практик необходимо осуществлять с учетом оснащенности предприятий современным оборудованием и программным обеспечением, наличием квалифицированного персонала, возможностью последующего трудоустройства выпускников [8].

Мы выяснили, что предприятия до сих пор не могут точно и четко сформулировать свои запросы по кадрам, переключая тем самым процесс анализа конъюнктуры рынка труда вузам. Это приводит к тому, что высшим учебным заведениям приходится самостоятельно проводить изучение рынка труда на предмет востребованности его выпускников. Осуществлять такой мониторинг, делать прогнозы на перспективу развития потребностей в специалистах определенной отрасли одному вузу не под силу, имеющиеся возможности не позволяют вузу в полном объеме оценить потребности рынка труда в специалистах. Одним из выходов в сложившейся ситуации является формирование партнерского сотрудничества между системой высшего образования и сферой труда. Это позволит вузу направлять на практику студентов на одно и то же предприятие в течение всего периода обучения. И после окончания учебы курсанты, став дипломированными специалистами, устраиваются на работу именно на данное предприятие, где они проходили практику. Такое сотрудничество позволит модернизировать учебный процесс с учетом требований, предъявляемых рынком труда к специалистам, и тем самым повысить эффективность как самого процесса образования, так и степень успешного трудоустройства выпускников вузов.

В ходе решения поставленных задач нами были получены следующие результаты и выводы:

- выявлены особенности практико-ориентированного подхода в организации учебной практики в морском вузе;
- обоснованы и разработаны педагогические условия формирования профессиональных и общих компетенций курсантов в период учебной практики;
- экспериментально проверена эффективность педагогических условий применения подхода в организации учебной практики в морском вузе.

Результаты исследования позволяют утверждать, что при использовании практико-ориентированного подхода в период прохождения учебной практики курсантам доступен более высокий уровень познавательной деятельности, который, прежде всего, обеспечивает

глубину и осознанность усвоения знаний.

Кроме того, включение курсантов в практическую деятельность под руководством педагога-наставника помогает им овладеть элементарными приёмами самостоятельной работы.

Для решения намеченных задач использовались теоретические и эмпирические методы исследования, такие, как анализ психолого-педагогической литературы, сопоставительно-сравнительный анализ разных точек зрения по проблеме, метод обобщения и анализа передового педагогического опыта.

Библиографические ссылки

1. Национальный проект «Образование». Министерство просвещения Российской Федерации (2019). URL: <https://edu.gov.ru/national-project/>.
2. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>
3. Стратегия развития морской деятельности Российской Федерации до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2010 г. № 2205-р)
4. Соколов Е.А. Проблемно-модульное обучение [Электронный ресурс]: Учебное пособие - Москва : Вузовский учебник ; Москва : ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2012. - 392 с. - ISBN 978-5-9558-0261-9 : Б. ц. ЭБС ИНФРА-М
5. В.Скрыпник, С.Мойсеенко. Проблемно-поисковый подход к формированию учебной мотивации. Международный электронный научный журнал// «SCITECHNOLOGY», Rīga, LV-1039. Латвия. -2020.- № 26. -С.25.
6. В.Скрыпник. Педагогические приемы формирования учебной мотивации. Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: педагогические науки. № 1(55). 2021. Стр.87-90.
7. Попова Н.А. Образовательный интенсив как новый формат реализации проектного обучения. Журнал «Современная высшая школа: инновационный аспект». Т.12. № 1(47). 2020. Стр.149-156.
8. Ячина Н.П. Учебная практика: учебно-ознакомительная практика. Методическое пособие для студентов / Н.П. Ячина, А.А. Литвин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. – 60 с.

References

1. Nacional'nyj proekt «Obrazovanie». Ministerstvo prosveshheniya Rossijskoj Federacii (2019). URL: <https://edu.gov.ru/national-project/>.
2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 07.05.2018 g. № 204 «O nacional'nyx celyax i strategicheskix zadachax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda». URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>
3. Strategiya razvitiya morskoy deyatel'nosti Rossijskoj Federacii do 2030 goda (utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 8 dekabrya 2010 g. № 2205-r)
4. Sokolov E.A. Problemno-modul'noe obuchenie [Elektronnyj resurs]: Uchebnoe posobie - Moskva : Vuzovskij uchebnik ; Moskva: ООО «Nauchno-izdatel'skij centr INFRA-M», 2012. - 392 s. - ISBN 978-5-9558-0261-9 : B. cz. E'BS INFRA-M
5. V.Skryp'nik, S.Mojseenko. Problemno-poiskovyj podhod k formirovaniyu uchebnoj motivacii. Mezhdunarodny'je'lektronny'j nauchny'j zhurnal// «SCITECHNOLOGY», Rīga, LV-1039. Latviya. -2020.-№ 26. -S.25.
6. V.Skryp'nik. Pedagogicheskie priemy formirovaniya uchebnoj

motivacii. Izvestiya Baltijskoj gosudarstvennoj akademii ry'bopromy'slovogo flota: pedagogicheskie nauki. № 1(55). 2021. Str.87-90.

7. Popova N.A. Obrazovatel'ny'j intensiv kak novy'j format realizacii proektnogo obucheniya. Zhurnal «Sovremennaya vy'sshaya shkola: innovacionny'j aspekt». T.12. № 1(47). 2020. Str.149-156.

8. Yachina N.P. Uchebnaya praktika: uchebno-oznakomitel'naya praktika. Metodicheskoe posobie dlya studentov / N.P. Yachina, A.A. Litvin. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2018. – 60 s.

Развитие волонтерства в студенческой среде: опыт Петрозаводского государственного университета

Development of volunteering in the student environment: the experience of Petrozavodsk state university

Автор сравнивает два понятия «волонтер» и «благотворитель», даёт краткий социокультурный портрет студента-волонтера. В статье на основе эмпирического материала положительно оценивается современное движение по разным направлениям волонтеров в Петрозаводском государственном университете Республики Карелия. Автор особенно отмечает роль волонтеров во время пандемии 2020–2022 годов. Автор делает попытку оценить в целом гражданскую позицию студентов-волонтеров и их руководителей в современной политической ситуации.

The author compares the two concepts of «volunteer» and «philanthropist», gives a brief socio-cultural portrait of a student volunteer. Based on empirical material, the article positively assesses the modern movement of volunteers in different directions at Petrozavodsk State University of the Republic of Karelia. The author especially notes the role of volunteers during the pandemic of 2020–2022. The author makes an attempt to assess the overall civic position of student volunteers and their leaders in the current political situation.

Ключевые слова и фразы: волонтерство, благотворительность, студенчество, Петрозаводский государственный университет, В.К. Катаров.

Keywords and phrases: volunteering, charity, students, Petrozavodsk State University, V.K. Katarov.

Анна ПЕКИНА

Anna Pekina

*Петрозаводский государственный университет
Республика Карелия, Россия*

Petrozavodsk State University Republic of Karelia, Russia

Волонтерство в Российской Федерации (далее РФ) набирает обороты и становится социальным трендом. Об этом движении можно узнать из средств массовой информации и интернета. Начиная с 2018 года, который был объявлен Годом добровольца и волонтера, движение ширится и активизируется. В нём участвуют разные социальные группы населения по половозрастному и социальному признаку.

Стоит различать два разных понятия: «волонтерство» и «благотворительность». История благотворительности в России до 1917 года связана с именами крупных промышленников-меценатов, с Домом Романовых. Существенной чертой менталитета многих представителей российского «третьего сословия» (купечества - прим. автора) была идея служения своим богатством делу милосердия и просвещения. «Самое отношение предпринимателя к своему делу, - писал знаток московского купечества П.А.Бурышкин, - было несколько иным, чем на Западе. На свою деятельность смотрели не только, или не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом или судьбой [7, с.120]. В современной России одним из крупных благотворителем является

миллиардер Владимир Олегович Потанин, создавший «Благотворительный Фонд Владимира Потанина», который с 1999 года поддерживает студенчество и молодых учёных. В крайне сложное для страны время купеческое кредо «Богатство обязывает», социальная ответственность бизнеса должны стать нормой для современных предпринимателей с высоким доходом.

Таким образом, благотворителем можно назвать человека, обладающего значительными финансовыми ресурсами, как и в дореволюционной России, а, соответственно, и возможностями помогать нуждающимся. Совсем иной смысл вкладывается в понятие «волонтерство».

В русском языке «волонтерство» – это сравнительно новый термин. Хотя в Советском энциклопедическом словаре 1983 года можно прочитать: «Волонтер (франц. volontaire) добровольно поступивший на службу [10, с.241]. В советское время помощь осуществлялась, например, «тимуровцами». Соседи по коммунальным квартирам, люди в деревнях помогали друг другу: присмотреть за ребёнком, поделиться солью, съестными припасами, физически помочь в решении бытовых проблем. В студенческих общежитиях делились одеждой, подкармливали перед стипендией менее обеспеченных однокурсников, помогали в учёбе. Это не идеализация прошлого советского быта, а обращение к культуре участия, взаимовыручке, бескорыстия, что противоположно потребительской культуре, пришедшей с западными ценностями коммерциализации в отношениях. И такие практики доступны каждому, в том числе студенту, желающему безвозмездно помогать нуждающимся. Важно, что на законодательном

уровне были закреплены и уравнены в смыслах понятия «добровольчество» и «волонтерство», определен правовой статус граждан, занимающихся этой деятельностью [5, с.83].

В Петрозаводском государственном университете уже сложились (далее ПетрГУ) многолетние практики добровольческой помощи людям, накоплен богатый опыт, требующий изучения и обобщения. В этой связи предметом нашего анализа выступает именно опыт ПетрГУ в развитии волонтерства в студенческой среде. В статье речь пойдет о конкретных людях, для которых волонтерство стало неотъемлемой частью их жизни. Как известно, всегда отличалось активной жизненной позицией именно студенчество. Это связано с его коммуникабельностью, мобильностью, новаторством, молодым возрастом (17-22 года), физической выносливостью, «впитыванием» всего нового. Поддержка волонтеров со стороны государственных структур, а также профессорско-преподавательского состава ВУЗов, как правило, является частью воспитательного процесса. Такие общечеловеческие ценности, как доброта, милосердие, сострадание должны формировать «лицо» волонтера в ходе его деятельности.

Очень важным является развитие и поддержка волонтерства как инициативы «снизу». И очень часто движителями полезных дел для общества являются члены студенческой профсоюзной организации, профорги, активные и неравнодушные к чужому горю по своей натуре люди.

Приведём конкретные примеры. Так, один из выпускников физико-технического института Петрозаводского государственного университета Андрей Варшуков, ныне специалист интернет-службы «Рос-Квартал», начал свою деятельность еще в 2013 г. как волонтер «Донорского движения». Поясним, что «Донорское движение» в ПетрГУ вначале, с 2013года, было социальным проектом профкома студентов ВУЗа, а затем, с 2014г., переросло в волонтерское донорское движение. А.Варшуков в 2014 г. был признан одним из лучших волонтеров РФ. Приняв участие в конкурсе «Доброволец России» Андрей становится одним из его номинантов. Этот конкурс, который объявляется ежегодно, проводится в рамках Распоряжения Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. по Основам государственной молодежной политики РФ до 2025 г. Сам Андрей так дал оценку своей деятельности на этом поприще: «...мне пригодился опыт коммуникации с разноплановыми специалистами, знания, как создавать креатив и умение планировать. Студенты-доноры знали, что они помогают решать серьезную проблему – восполнять дефицит донорской крови. Мы ощущали значимость этого, поэтому вкладывали силы и душу» [11]. Государство стало поддерживать инициативу студентов-волонтеров. Ведь кроме стипендии, как правило, у студента нет иных доходов. Поэтому волонтеров нельзя приравнивать к благотворителям, имеющих финансовые ресурсы. Зато студенты физически и морально готовы оказывать посильную помощь нуждающимся в

ней, мобилизуясь в сжатые сроки на выполнение непростых задач.

Так, в условиях пандемии с марта 2020 года, в связи с введением ограничительных мер по всей стране, впервые общество столкнулось со многими проблемами. Прежде всего, одинокие пожилые люди, как правило, пенсионеры, оказались в изоляции в своих домах, беспомощные и в растерянности от неизвестности. Как было отмечено на одном из Учёных советов ПетрГУ, «важнейшим направлением воспитательной деятельности в 2020 году стало волонтерство. На базе ПетрГУ был открыт Региональный штаб помощи пожилым и маломобильным гражданам в рамках Всероссийской акции «Мы вместе». От ПетрГУ в работе штаба приняли участие 220 волонтеров и 128 волонтеров-медиков; 39 преподавателей и 1156 студентов медицинского института было задействовано в работе учреждений здравоохранения Карелии и Мурманской области» [13]. Вот что рассказала о волонтерской работе в проведении горячей линии, организованной Минздравом Карелии для жителей, студентка 6-го курса медицинского института ПетрГУ Оксана Кривоноженко: «Мне нравится работать волонтером на горячей линии: не только помогаешь обратившемуся человеку с вопросом, но и также вырабатываешь свои коммуникативные навыки» [2]. Конечно, наличие в структуре ПетрГУ медицинского института помогло в разработке образовательного цикла «Оказание медицинской помощи пациентам с коронавирусной инфекцией COVID-19, нуждающимся в неинвазивной искусственной вентиляции легких». Более 120 волонтеров-обучающихся (студенты и ординаторы) продолжают свою деятельность по оказанию медицинской помощи больным инфекцией COVID-19 в лечебных учреждениях г. Петрозаводска. «Эта деятельность осуществляется совместно с региональным отделением ВОД «Волонтеры-медики», в рамках всероссийского проекта #МЫВМЕСТЕ» [4].

По поручению Президента РФ Владимира Владимировича Путина Глава РК Артур Олегович Парфенчиков вручил памятные медали общероссийской акции взаимопомощи «МыВместе» и Грамоты Президента РФ лучшим добровольцам. Один из награжденных волонтеров, выпускник медицинского института ПетрГУ 2020 г., Константин Илюхин в ответном слове подчеркнул: «Все вместе мы делаем доброе дело, мы помогаем тем, кому это необходимо. Но настоящая награда – это неподдельные и искренние улыбки пожилых людей. Добрые и теплые слова, исходящие от самого сердца благодарных граждан, побуждают идти вперед и самосовершенствоваться, а, самое главное, понимать, что наш труд очень важен» [3].

Высокую награду получил и проректор ПетрГУ по воспитательной и социальной работе, кандидат технических наук, доцент института лесных горных и строительных наук Василий Кузьмич Катаров. Автор, зная его со студенческих лет, отмечает, что Василий Кузьмич уже тогда отличался организаторскими способностями, умением сплотить коллектив, четко пос-

тавить задачи и «заразить» своим личным примером окружающих для полезных и добрых дел.

В ПетрГУ ведётся большая и целенаправленная работа по воспитанию патриотизма и сохранению памяти об участниках Великой Отечественной войны. В рамках проекта «Память поколений» под руководством старшего преподавателя кафедры отечественной истории А.В. Васильевой (Джапаридзе) начата работа по реконструкции могилы художника О.П. Бородкина, так как это – объект культурного наследия регионального значения. В работах по благоустройству территории захоронения примут участие и волонтеры из числа студентов. Этот проект очень важен, так как карел Осмо Бородкин – один из художников-фронтовиков. Об этом говорилось и в докладе на секции «История культуры» под руководством автора статьи в рамках 74-ой Всероссийской (с международным участием) научной конференции обучающихся и молодых учёных.

Закономерно, что на январском 2022 г. заседании Учёного Совета ПетрГУ было отмечено следующее: «Развивается студенческое самоуправление, проектная и волонтерская деятельность, поддержка студенческих объединений и трудоустройства» [12]. Инициатором и главным вдохновителем этого движения был и остается В. К. Катаров.

ПетрГУ выступил одним из соорганизаторов и участников регионального штаба #МыВместе, в котором приняли участие свыше 200 добровольцев, 130 волонтеров-медиков. Волонтерский корпус активно помогал в организации термометрии, соблюдении санитарно-эпидемиологических требований в корпусах и общежитиях, поддержке иностранных студентов, оказавшихся в тяжелой жизненной ситуации, разгрузке поступающих в медицинские организации средств индивидуальной защиты, адаптации первокурсников. Во время сложной ситуации с лесными пожарами на базе ПетрГУ был открыт единый Центр добровольческой помощи пожарным РК. Также на базе профкома обучающихся открылся центр добровольчества «Фотон».

Работают волонтеры в ПетрГУ и при Совете ветеранов. Прежде всего, это студенты-старшекурсники или магистранты направления «Социальная работа». Для молодых людей, помимо практики, это и проверка своей готовности помогать пенсионерам-ветеранам университета, особенно тем, кто остался без помощи близких людей или в затруднительной жизненной ситуации. Конечно, для этого, помимо желания, необходимы и знания. Так, в настоящее время два человека входят в структуру «Совета ветеранов». В институте истории, политических и социальных наук ПетрГУ действует магистратура «Инновационные технологии в управлении социальной сферой», разработанная кандидатом социологических наук, доцентом кафедры социологии и социальной работы Юлией Александровной Петровской. Одна из магистрантов – Павликова Тамара Алексеевна – считает своим долгом участвовать в работе с ветеранами. Выпускница направления «Социальная работа» Мария Артиева «прошла онлайн курс началь-

ной подготовки волонтеров социальной сферы, принимала участие в региональном онлайн-форуме «Новые перспективы, открытые возможности» [9].

К помощи волонтеров в настоящее время прибегает и церковь. Так, Петрозаводская и Карельская епархия РПЦ 24.01.2022 объявила о наборе волонтеров для работы в летний период на территории Благовещенского Ионо-Яшезерского монастыря на территории РК. Надо было организовать волонтерский лагерь, чтобы подготовить келейные корпуса и башни к дальнейшим противоаварийным работам. Для подготовки лагеря московские волонтеры и куратор реставрационных работ посещали цикл лекций в школе добровольцев, организованных в рамках проекта «Общее дело» [6].

Одно из новых направлений волонтерского движения в ПетрГУ – организация поддержки детей с особенностями развития и аутизмом. Студентам, обучающимся по профилям «Изобразительное искусство и Мировая художественная культура», «Технология и дополнительное образование в области инженерно-технического творчества», «Технология и дополнительное образование в области декоративно-прикладного творчества», «Педагог-психолог дошкольного образования», «Дошкольная дефектология» были представлены видеоматериалы о деятельности волонтеров Детско-юношеского центра (ДЮЦ) г. Петрозаводска. Волонтер Алина Волошина отметила: «помогая детям, получаешь уникальный опыт и удовлетворение от того, что делаешь доброе дело. Особые дети чувствуют себя принятыми в обществе, а другие дети учатся пониманию и заботе. Это уникальная возможность для общения, творчества, физического и психического развития» [8].

На сегодняшний день в российских вузах открылись 346 волонтерских штабов в рамках общероссийской добровольческой акции #МыВместе. В работе штабов задействованы свыше 70 тыс. студентов, которые участвуют в сборе гуманитарной помощи, а также сотрудничают с военнослужащими и их семьями [1]. Это совершенно новое направление волонтерского движения в связи с изменившейся политической ситуацией, с защитой территориальной целостности Российской Федерации.

Стоит отметить, что Министерством науки и высшего образования РФ подготовлены методические рекомендации по запуску региональных штабов #МыВместе. Вузам предложены форматы участия в акции по поддержке военнослужащих и членов их семей, среди которых адресная помощь с бытовыми запросами, привлечение детей военных к участию в развивающих научных программах и культурных мероприятиях университетов, патронаж и выделение гуманитарной помощи, поддержка в рамках акции «Добрые письма» и проведение социально-значимых акций [1].

Важным направлением в связи со специальной военной операцией на Донбассе с февраля 2022 года является материальная и моральная поддержка со стороны населения. В целях оказания поддержки беженцам

с Донбасса на базе Молодёжного иннопарка ПетрГУ создан Центр гуманитарной помощи #МыВместе, работающий в тесной координации с Республиканским центром [14].

Таким образом, в Петрозаводском государственном университете к настоящему времени накоплен значительный опыт развития волонтерства в студенческой среде. Студенты – волонтеры демонстрируют свою гражданскую позицию, ответственность перед обществом, на своём примере воспитывают ровесников и школьников. Главное, что разные направления их деятельности свидетельствуют о добрых намерениях на благо как отдельных людей, так и российского общества в целом. Эта деятельность поддерживается администрацией университета. Дальнейшим направлением исследований может стать составление социально-культурного портрета студента-волонтера и определение механизмов и инструментов развития студенческого волонтерского движения.

Библиографические ссылки

1. Более 70 тыс. студентов стали волонтерами штабов #МыВместе (minobrnauki.gov.ru) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/molodezhnaya-politika/60565/> (дата обращения: 04.11.2022).
2. Волонтеры-медики// Петрозаводский университет № 12 (2573) 3 апреля 2020. С.6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://petsu.ru/files/user/b1c9952e2961925f99474e5d4c19b1af/2020.04.03.pdf> (дата обращения: 05.07.2020).
3. Глава Карелии вручил памятные медали лучшим волонтерам. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://petsu.ru/news/2020/83263/glava-karelii-vrutch> 30.06.2020 (дата обращения: 30.06.2020).
4. Мероприятия по профилактике и борьбе с COVID-19 // Петрозаводский университет № 20 (2581) 25 мая 2020. С.3 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://petsu.ru/files/user/b1c9952e2961925f99474e5d4c19b1af/2020.05.29_Lib.pdf (дата обращения: 05.07.2020).
5. Монахова О.А. Будущее благотворительности в России: Опыт Международного Фонда Шодиева/ О.А.Монахова. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 242с. – С.83.
6. Открыт набор в уникальный волонтерский лагерь в Карелии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://eparhia10.ru/news/otkryt-nabor-v-unikalnyj-volonterskij-lager-v-karelii/> (дата обращения: 01.02.2022).
7. Предпринимательство и предприниматели в России. От истоков до начала XX века – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 344с., илл. – С.120.
8. Проект «Творим вместе» - волонтеры в помощь детям с особенностями развития :: Петрозаводский государственный университет (petsu.ru) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://petsu.ru/news/2022/108741/proekt-tvorim-vmeste> (дата обращения: 13.09.2022).
9. Совет Ветеранов. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://petsu.ru/structure/1172/veterans#t20c> (дата обращения: 22.07.2022).
10. Советский энциклопедический словарь/ Гл.ред.: А.М. Прохоров. 2-е изд. – М.: «Советская энциклопедия», 1983. - 1600с., илл.- С. 241.
11. Учёба в университете помогает формированию личности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://petsu.ru/news/2020/80542/utcheba-v-universite> (дата обращения: 01.02.2022).
12. Учёный совет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://petsu.ru/news/2022/102944/utchenyi-sovet-pervo#t20c> (дата обращения: 27.01.2022).
13. Ученый совет (март)//Петрозаводский университет, № 11(2614), 2 апреля 2021, с.2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: 2 апреля 2021 г.pdf (petsu.ru) (дата обращения: 06.04.2021).
14. Ученый совет (июнь) :: Петрозаводский государственный университет (petsu.ru) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://petsu.ru/news/2022/107794/utchenyi-sovet-iyun> (дата обращения: 29.06.2022).

References

1. Bolee 70 ty's. studentov stali volonterami shtabov #My`Vmeste (minobrnauki.gov.ru) [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/molodezhnaya-politika/60565/>(data obrashheniya: 04.11.2022).
2. Volontery`-mediki// Petrozavodskij universitet №12 (2573) 3 aprelya 2020. S.6 [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://petsu.ru/files/user/b1c9952e2961925f99474e5d4c19b1af/2020.04.03.pdf> (data obrashheniya: 05.07.2020).
3. Glava Karelii vruchil pamyatny`e medali luchshim volontyoram. [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: URL: <https://petsu.ru/news/2020/83263/glava-karelii-vrutch> 30.06.2020 (data obrashheniya: 30.06.2020).
4. Meropriyatiya po profilaktike i bor`be s COVID-19 // Petrozavodskij universitet № 20 (2581) 25 maya 2020. S.3 [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: https://petsu.ru/files/user/b1c9952e2961925f99474e5d4c19b1af/2020.05.29_Lib.pdf (data obrashheniya: 05.07.2020).
5. Monaxova O.A. Budushhee blagotvoritel`nosti v Rossii: Opy`t Mezhdunarodnogo Fonda Shodieva/ O.A.Monaxova. – M.: Izdatel`stvo «Aspekt Press», 2020. – 242s. – S.83.
6. Otkry`t nabor v unikal`ny`j volontyorskij lager` v Karelii [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: <https://eparhia10.ru/news/otkryt-nabor-v-unikalnyj-volonterskij-lager-v-karelii/> (data obrashheniya: 01.02.2022).
7. Predprinimatel`stvo i predprinimateli v Rossii. Ot istokov do nachala XX veka – M.: «Rossijskaya politicheskaya e`nciklopediya» (ROSSPE`N), 1997. – 344s., ill. – S.120.
8. Proekt «Tvorim vmeste» - volontory` v pomoshh` detyam s osobennostyami razvitiya :: Petrozavodskij gosudarstvenny`j universitet (petsu.ru) [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: <https://petsu.ru/news/2022/108741/proekt-tvorim-vmeste> (data obrashheniya: 13.09.2022).
9. Sovet Veteranov. [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: <https://petsu.ru/structure/1172/veterans#t20c> (data obrashheniya: 22.07.2022).
10. Sovetskij e`nciklopedicheskij slovar`/ Gl.red.: A.M. Proxovor. 2-e izd. – M.: «Sovetskaya e`nciklopediya», 1983. - 1600s., il.- C. 241.
11. Ucheba v universite pomogaet formirovaniyu lichnosti. [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: <https://petsu.ru/news/2020/80542/utcheba-v-universite> (data obrashheniya: 01.02.2022).
12. Uchyony`j sovet. [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: <https://petsu.ru/news/2022/102944/utchenyi-sovet-pervo#t20c> (data obrashheniya 27.01.2022).
13. Ucheny`j sovet (mart)//Petrozavodskij universitet, № 11(2614), 2 aprelya 2021, s.2. [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: URL: 2 aprelya 2021 g.pdf (petsu.ru) (data obrashheniya: 06.04.2021).
14. Ucheny`j sovet (iyun`) :: Petrozavodskij gosudarstvenny`j universitet (petsu.ru) [E`lektronny`j resurs]. Rezhim dostupa: <https://petsu.ru/news/2022/107794/utchenyi-sovet-iyun> (data obrashheniya: 29.06.2022).

Образ Ирландии в вокальном творчестве Чарльза Стэнфорда

The image of Ireland in Charles Stanford's vocal music

Ирландец сэр Чарльз Вильерс Стэнфорд был одним из самых известных композиторов английской церковной музыки и оказал огромное влияние на музыкальную жизнь своей страны. Был одним из инициаторов «музыкального возрождения» в Великобритании, занимался изданием ирландской народной музыки. Музыка Стэнфорда весьма тесно смыкается с произведениями И. Брамса, с которым он поддерживал дружеские отношения. В своих вокальных произведениях на стихи Мойра О'Нил композитор активно использовал ирландские поэтические мотивы и фольклорные мелодии.

The Irishman Sir Charles Villiers Stanford was one of the most famous composers of English church music and had a huge impact on the musical life of his country. He was one of the initiators of the «musical revival» in Great Britain, he was engaged in the publication of Irish folk music. The music of Stanford is very closely connected with the works of I. Brahms, with whom he maintained friendly relations. In his vocal works based on the verses of Moira O'Neill, the composer actively used Irish poetic motifs and folklore melodies.

Ключевые слова и фразы: Чарльз Стэнфорд, Мойра О'Нил, Ирландия, Джордж Петри, Англия, ирландское возрождение, королева Виктория, Эдуард VII, фольклоризм, гэльская лига.

Keywords and phrases: Charles Stanford, Moira O'Neill, Ireland, George Petrie, England, Irish Revival, Queen Victoria, Edward VII, Folklorism, Gaelic League.

Юлия ЧЕКУЛАЕВА, Любовь КУПЕЦ
Yulia Chekulaeva, Lyubov Kupets

*Петрозаводская государственная консерватория имени
А.К. Глазунова, республика Карелия, Россия*

*Petrozavodsk Glazunov State Conservatory, Republic of
Karelia, Russia*

Композитор викторианской и эдвардианской эпохи сэр Чарльз Вильерс Стэнфорд (Charles Villiers Stanford, 1852–1924) был одним из ведущих музыкантов своего поколения и оказал глубокое влияние на развитие и историю английской музыки как исполнитель, дирижёр, композитор, педагог и писатель. Стэнфорд был плодовитым композитором, создавшим семь симфоний, восемь струнных квартетов, девять опер, более 300 песен, 30 крупномасштабных хоро-вых произведений (среди них, оратория «Три святых отрока» – The three holy children) и большое количество камерной музыки (например, сонаты для скрипки, виолончели и фортепиано, два фортепианных и три струнных квартета). Так же, он написал значительное количество произведений для органа, гимнов и песнопений для английской церкви (реквием, месса и др.). Его перу принадлежат много изданных трудов о музыке, включая три тома воспоминаний и популярный учебник по композиции. Среди главных произведений композитора: оперы «Скрытый пророк Хорассана» (The veiled prophet of Khorassan), «Саванарола» (Savanarola), «Кентерберийские паломники» (The Canterbury pilgrims), «Шамус О'Брайен» (Shamus O'Brien), «Много шума из ничего» (Much ado about nothing), музыка к «Королеве Марии» (Queen Mary) А. Теннисона и к его же «Беккету» (Becket), к «Эвмени-

дам» Эсхила и «Эдипу-царю» Софокла [2].

В 1882 в возрасте 29 лет Стэнфорд получил звание профессора Королевского колледжа музыки в Лондоне, где преподавал композицию до конца жизни. Композитор сыграл важную роль в музыкально-эстетическом развитии музыкального общества Кембриджского университета и в привлечении зарубежных музыкантов и исполнителей [1, с. 27]. Впоследствии занимал должности дирижера хора Баха в Лондоне, Филармонического общества и фестиваля Лидса.

Сегодня композитора в основном помнят за песни и религиозную музыку, а также за то влияние, которое он оказал на несколько поколений студентов-композиторов в Королевском музыкальном колледже. Среди них были такие известные имена как: сэр Артур Блисс, Фрэнк Бридж, Сэмюэл Кольридж-Тейлор, Ребекка Кларк, Айвор Герни, Густав Холст, Герберт Хауэллс, Джон Айрленд, Ральф Воан-Уильямс и Чарльз Вуд.

Стэнфорд был посвящен в рыцари в 1902 году, а в 1904 году стал первым британским композитором – членом Королевской академии художеств в Берлине. Его прах похоронен в Вестминстерском аббатстве рядом с останками Генри Перселла.

За последние два десятилетия интерес к музыке Стэнфорда возродился благодаря исполнению некоторых из его забытых произведений и увеличению количества записей. Музыка Чарльза Стэнфорда отражает романтический стиль конца XIX века, в который он ввел элементы ирландской народной песни. Несмотря на то, что композитор написал девять опер, ни одна из них не вошла в постоянный репертуар театров. Музыкальным и историческим советником Сообщества Чарльза Стэнфорда стал профессор Джереми Диббл (Jeremy Dibble из Даремского университета, который является ведущим специалистом по творчеству Стэн-

форда [6].

Известно, что Стэнфорд любил В. Шекспира, лирику елизаветинских и якобинских времен. Как его австро-немецкие предки и музыкальные кумиры (особенно композиторы-романтики Ф. Шуберт и Р. Шуман), он восхищался лирикой Г. Гейне, но был сильно привязан к писателям своего времени — А. Теннисону (английский поэт, друг Стэнфорда, любимый поэт королевы Виктории), Р. Л. Стивенсону (шотландский писатель и поэт, крупнейший представитель неоромантизма), Г. Ньюболту (английский поэт, писатель и историк, советник правительства по изучению по изучению английского языка в Англии), У. Уитмену (американский поэт и публицист, новатор свободного стиха), Д. Элиоту (настоящее имя Мэри Энн Эванс, английская писательница), Р. Бриджесу (английский поэт, после смерти получил звание поэта-лауреата) и А. П. Грейвсу (ирландский поэт, автор песен, фольклорист, литератор и антиквар). Более того, как продолжение своей близости к ирландским народным песням он чувствовал необходимость выразить ностальгическое видение Ирландии (хотя романтическое и идеализированное) словами ныне малоизвестной группы ирландских поэтов, а именно Мойры О'Нил, Джеймса Стивенсона и Уинифреда Леттса, которые писали вариантами гиберно-английского языка (или ирландский английский — это диалект английского языка, на котором говорят и пишут в Ирландии с XIX века). Результатом этого увлечения Стэнфорда стали серии циклов песен и вокальных сборников, написанных композитором как глубоко личные высказывания.

Начиная с конца XII века и вплоть до середины XVII века, Ирландия постепенно завоевывалась Англией, что не могло не отразиться на её культуре в целом. В истории Ирландии лето 1798 года считается кульминацией политического насилия, тому виной послужило Ирландское восстание, в котором участвовало более полмиллиона человек. Итогом восстания стало подписание Акта об унии 1800 года, в котором фиксировались самороспуск ирландского парламента, формальное объединение Ирландии и Британии, заседание ирландских депутатов в Лондоне.

В результате этих исторических событий в XIX веке ирландское общество разделилось на два лагеря. Первый считал, что единственный путь независимости от Великобритании — это революционная борьба, второй был за постепенные реформы Конституции и парламентские дебаты. К концу столетия выросло влияние культурного национализма, стали широко отмечать столетие восстания 1789 года. Конец XIX — начало XX века в Ирландии считается периодом бурного роста национального самосознания, который получил название Ирландское возрождение. Его начало было связано с основанными в 1891 году в Лондоне Ирландским литературным обществом Уильяма Б. Йетса и Томаса У. Роллестона, а затем в 1892 году — Национальным литературным обществом в Дуб-

лине. Исследователи считают, что «исходной целью его было восстановление национальной культуры, находившейся под угрозой исчезновения в результате политики ассимиляции ирландской нации, проводившейся на протяжении многих веков английскими колонизаторами» [3, с. 331].

Этот период был наполнен многообразными по своему характеру движениями, такими как: Гэльская лига, молодежно-спортивные, музыкальные, театральные, литературные организации. Ирландское возрождение характеризуется восстановлением национальной культуры, которая находилась под угрозой исчезновения из-за политики ассимиляции ирландской нации, проводившейся на протяжении многих веков Англией. Одной из целей Ирландского возрождения была пропаганда изучения почти исчезнувшего ирландского языка, тенденция вытеснения которого начала проявляться с конца XVII века. В XVIII веке ирландский язык был показателем бедности и ассоциировался с архаикой, сельским бытом. Фольклоризм стал одной из важнейших черт эстетики писателей Возрождения, придав их произведениям национально-романтическую окраску. В этот период «земная» ирландская литература приобрела таинственный, загадочный характер.

Источником интереса Стэнфорда к народным песням его родины было возрождение в Ирландии, начатое Ирландским археологическим обществом, Ирландским артиллерийским управлением и Ирландским кельтским обществом в 1830-х и 1840-х годах. Центральное место в этой деятельности занимал Джордж Петри (1833—1839), пейзажист, иллюстратор, редактор *Dublin Penny Journal*, директор *Ordnance Survey* и ученый. В 1851 году Петри основал «Общество сохранения и публикации древней музыки Ирландии», чтобы обнародовать свою обширную коллекцию ирландских мелодий, накопленную за многие годы, большая часть из которых была получена в результате полевых работ. Совет Общества, в котором председательствовал Петри, получил поддержку Фрэнсиса Уильяма Брэди — президента Ирландской музыкальной академии, Ф. У. Бертона — директора Национальной галереи, преподобного Чарльза Грейвса, Уильяма Стоукса, преподобного Дж. Х. Тодда (антиквар и библиограф), Юджина О'Карри и Томаса Райс Хенна двоюродного дедушки Стэнфорда. К сожалению, Обществу удалось напечатать только один том работы Петри, хотя было обещано не менее пяти томов.

Коллекция Петри, наряду с другими сборниками Бантинга и Джойса, легла в основу традиции аранжировки местных мелодий, среди которых были такие имена, как сэр Джон Стивенсон (ирландский композитор и органист), Джозеф Робинсон и Роберт Прескотт Стюарт (ирландский композитор, органист, музыкальный педагог). Подлинный энтузиазм Стэнфорда по поводу традиционной мелодии: аранжировки английских, валлийских, шотландских и особенно ирландских мелодий, особенно популярных в гостиницах

и, следовательно, привлекательных для музыкальных издателей, — побудили его опубликовать собственные аранжировки. «Песни старой Ирландии: сборник пятидесяти ирландских мелодий, неизвестных в Англии», как следует из названия, были предназначены для обращения на английский рынок, хотя они также активно продавались среди ирландских общин в Соединенных Штатах [8].

Сборник Стэнфорда «Песни старой Ирландии», вероятно, начатый в конце 1870-х или начале 1880-х годов, был завершён в августе 1882 года в Кембридже и был опубликован «Boosey» (Бузи) в следующем году. Он был посвящён Иоганнесу Брамсу «с уважением и благодарностью». Эти слова отразили то восхищение, которое испытал Стэнфорд во время знаменательного события в Кембридже, где в марте 1877 года впервые была исполнена Первая симфония Брамса. С великим немецким композитором Стэнфорда связывали дружеские отношения, и, конечно, в своих сочинениях он придерживался классическо-романтических традиций Брамса.

Слова для всех мелодий в этом сборнике были предоставлены другом детства Стэнфорда Альфредом Персевалем Грейвсом, сыном Чарльза Грейвса, ученого и выдающегося ирландского священнослужителя. А № 25 — «My Love's an Arbutus» (Моя любовь как земляничное дерево) — стала одной из самых известных ирландских песен на Британских островах.

Подлинный энтузиазм Стэнфорда по поводу фольклорных мелодий: английских, валлийских, шотландских и особенно ирландских песен, — побудили его опубликовать собственные аранжировки. Помимо его искреннего влечения к ирландским фольклорным мелодиям, которое проявилось в шести сборниках: «Песни старой Ирландии» (1883), «Бларни — баллады» (1889), «Ирландские песни и баллады» (1893), «Восстановленные ирландские мелодии Мура» Op 60 (1895), «Песни Эрин» Op 76 (1901) и «Коллекция Петри» (1902), Стэнфорд также выразил свои чувства, связанные с родиной, в серии песенных циклов и сборников. Их начало датируется 1901 годом — появлением «Ирландской идиллии» (соч. 77) и завершается в 1920 шестью песнями из «Глен Антрим» (соч. 174). Текст в обоих случаях был взят из чрезвычайно популярного сборника стихов «Песни долин Антрима», опубликованного в 1901 году Мойрой О'Нил [4, с. 256].

Мойра О'Нил (Moirá O'Neill) — это псевдоним Агнес Шекспир Хиггинсон (Agnes Shakespeare Higginson), популярной ирландско-канадской поэтессы, которая написала баллады и другие стихи, вдохновленные графством Антрим. Ее стихи начали появляться в журнале *Blackwood's Magazine* с 1892 года. В 1893 она опубликовала детскую книгу «Странствующий эльф» (в которой тонко противопоставляет ирландских и английских персонажей), а в 1894 году — короткий роман «Пасхальные каникулы». Оба произведения были весьма успешными.

Как и другие авторы во время возрождения ир-

ландской литературы, Мойра О'Нил использовала искусственный «ирландский» диалект, который с тех пор вышел из моды. Однако, по мнению исследователей, она писала стихи как «женщина из долины на диалекте долины и главным образом для удовольствия других жителей долины» [9]. В свое время эти стихи были широко популярны, даже любимы особенно читателями—эмигрантами, и вызывали восхищение у критиков. Так в 1916 году Эрнест Бойд в литературном возрождении Ирландии называл их настоящей крестьянской поэзией [9].

5 июня 1895 года в Кушндане она вышла замуж за Уолтера Клармонта Скрина (Walter Clarmont Skrine) из поместья Уорли (Сомерсет), и в течение пяти или шести лет они жили на его ранчо в Альберте (Канада). Находясь в Канаде (тогда части Британской империи), она выразила свою тоску по Ирландии и особенно по морю в стихах о стране и людях, которые жили у Кушндана. Ее тексты сначала были опубликованы в *Blackwood's*, но затем двадцать пять из них были собраны в цикл «Песни долины Антрима» (*Songs of the Glens of Antrim*, 1901). В 1921 году Мойра опубликовала следующий сборник стихов «Другие песни долины Антрима» (*More Songs of the Glens of Antrim*). Из его первого сборника композитор Чарльз Стэнфорд выбрал шесть стихотворений для своего песенного цикла «Ирландская идиллия», изданного в 1901 году и посвященного баритону Гарри Планкету Грину. Этот цикл включает в себя одну из самых известных песен Стэнфорда «Сказочное озеро» (*The Fairy Lough*).

Помимо своих романов и стихов Мойра также писала эссе и обзоры для журнала *Blackwood's Magazine* по таким темам как диалект Гленса, о Шекспире, Данте и Уильяме Коббетте. В 1933 году был выпущен сборник ее стихов, который также содержал переводы с итальянского.

Темы произведений Мойры О'Нил всегда имели ирландские мотивы и конкретные объекты: озера и горы, флору и фауну, названия городов, приметы сельской жизни, а также тему изгнания и возвращения. Так, к примеру: Сожжение Браблы, обрушившееся на холм возле Миллтауна; ряд домов за заливом Кушндан; река Фойл; «исчезающее озеро» Лагарима на севере Ирландии; даже яркие птички кронштепы, обитающие на озере, — все это фигурирует в ее стихотворениях.

Председатель Ольстерского исторического кружка Крис Сперр (Chris Spurr), комментируя достижения Мойры О'Нил, утверждал: «У Мойры О'Нил был особый голос, нашедший выражение в чувствительной поэзии, содержащей множество запоминающихся лирических образов» [10]. Она была высоко оценена другими поэтами, критиками и писателями. В своей книге «Похвала Ольстеру» Ричард Хейворд, снявший «Скалу Дьявола» в Кушндане в 1937 году, считал, что «ее песни долин Антрима внесли огромный вклад в ирландскую литературу. Хотя Мойра около шести лет жила в Канаде, а позже на юге Ирландии, «Songs of

the Glens of Antrim» всегда занимала особое место в ее сердце, и церковь, которую она посещала, остается важным памятником архитектуры» [10].

Стихи О'Нил, англо-ирландские по чувствительности, отражающие сложные культурные, социальные и политические чувства, вызвали как лесть, так и осуждение со стороны критиков. Некоторые, такие как Дуглас Хайд (первый президент Ирландии), считали, что необходимо читать англо-ирландскую литературу хотя бы для того, чтобы понять, как культура Ирландии может быть де-англицизирована. Ирландская литература 1931 года, в которую входили У. Б. Йейтс (ирландский англоязычный поэт, драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе 1923 года) и Изабелла Огаста леди Грегори (ирландская писательница, драматург и собирательница фольклора), считалась принципиально чуждой ирландскому обществу. И наоборот, Томас МакДонах, подписавший «Провозглашение Ирландской республики», констатировал в своей книге «Литература в Ирландии: исследования ирландского и англо-ирландского языка» (1916), что англоязычная ирландская литература имела место в ирландской культурной самобытности, отличное от ее английской кухни. Более того, МакДонах утверждал, что использование гиберно-английского языка, которому его недоброжелатели часто дают уничижительную характеристику, было ярким признаком этой идентичности и ее мира [8].

В свое время «Песни о долинах Антрима» О'Нил были чрезвычайно популярны и высоко оценены Эрнестом Бойдом в «Ирландском литературном возрождении» (1916) особенно за понимание О'Нил локализованной речи и диалекта Антрима. Этот эстетический критерий — использование гиберно-английского языка, который сам неизменно находился под влиянием ирландского языка с точки зрения лексики, грамматики и синтаксиса, — был близок многим сторонникам ирландского литературного дела, что можно увидеть в переводах народной песни Хайда в книге «Любовные песни Коннахта» (1893). Такое отношение к разговорному языку, к рассказыванию историй, любви к разговору и устной традиции в целом было далее подчеркнуто Стивенем Гвинном, депутатом парламента и литератором, который считал небольшой том О'Нил «одним из очень немногих книг, которые... вероятно, могут быть воспроизведены из устной традиции» [10].

В результате музыкального анализа «Ирландской идиллии» можно констатировать претворение Стэнфордом в своем вокальном стиле элементов традиционной ирландской народной музыки. Все песни имеют куплетно-вариационную форму и размеры 4/4, 2/4, 6/8, что соответствует традиционной ирландской танцевальной музыке — рил, джига, хорнпайп. Так же, характерной особенностью ирландской придворной песенной культуры является преобладание роли стиха и второстепенное значение музыкального сопровождения, что отчетливо прослеживается во всем вокаль-

ном творчестве Стэнфорда. Говоря о традиционной вокальной музыке Ирландии, нельзя не упомянуть «Шан-нос» (Sean-nys), что дословно по-ирландски значит «старый стиль». Это традиционная ирландская песня на ирландском языке, исполняемая сольно без каких-либо музыкальных инструментов и обычно медленная, протяжная. Зачастую в песнях «Ирландской идиллии» можно услышать пение почти а capella длительностью в 2-3 такта, что вполне вписывается в традиции пения «Шан-нос».

Кроме вокальной музыки, тема Ирландии пронизывает и иные сочинения Ч. Стэнфорда, а национальные мотивы прослеживаются почти в каждом произведении. Например, в числе сочинений с ирландской тематикой следует упомянуть «Ирландскую» Симфонию № 3, написанную в 1887 году и впервые исполненную в 1888 в концертном зале Сент-Джеймс-холл (дирижер Ханс Рихтер), шесть ирландских рапсодий, шесть ирландских танцев для скрипки и фортепиано.

Прочно укоренившись в англо-ирландских традициях, Стэнфорд с живостью откликнулся на поэзию О'Нил, Уинифред М. Леттса и ольстерского поэта Джона Стивенсона. «Такие поэты — редкие птицы, — писал он сэру Джону Пентланду Махаффи, ректору Тринити-колледжа в Дублине в 1917 году, — а те, которые пахнут настоящей травой, встречаются еще реже» [8]. Для Стэнфорда их слова напоминали ирландский пейзаж. В более поздний период жизни это впечатлительное сочетается с переживаниями, вызванными тем, что однажды он набрался храбрости и посетил свои родные места, хотя чрезвычайно боялся стать свидетелем исчезновения в результате быстрых социальных и политических изменений мира, который он когда-то знал. «Я буду видеть призраков, — признался он Махаффи, — весь день и каждый день» [8]. Эта сложная смесь ностальгии, тоски по дому, юмора, фольклора, глубокой любви к ирландской деревне, страсти, трагедии и подлинной личной травмы присутствуют в ирландских циклах Стэнфорда, сочинениях, которые, судя по их значимости в более поздних работах, означали для него эмоционально много.

Библиографические ссылки

1. Емельянова И. Н. Чарльз Вилльерс Стэнфорд — композитор викторианской эпохи: рукопись / Емельянова И. Н. Петрозаводск, 2016. 84 с.
2. Н. Б. [Соловьёв Н. Ф.] Стэнфорд // Энциклопедический словарь: в 86 т. / изд. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. URL: <http://www.brocgaus.ru/text/095/645.htm> (дата обращения: 17.05.2022).
3. Саруханян А. П. Ирландская литература. История всемирной литературы: в 9 т. / под ред. Ю. Б. Виппер [и др.]. М.: Наука, 1985. Т. 3. 816 с.
4. Стэнфорд Ч. В. // Музыкальная энциклопедия: в 6 т. / под ред. Ю. В. Келдыша. М.: Сов. энциклопедия, 1981. Т. 5. С. 256.
5. Фалина М. Историческая память в Ирландии // URL: <https://arzamas.academy/materials/1334> (дата обращения: 3.02.2022).
6. Dibble J. About Charles Villiers Stanford // URL: <https://www>

thestanfordsociety.org/charles-villiers-stanford/ (дата обращения: 18.02.2022).

7. Dibble J. Sir Stanford // The New Grove Dictionary of Music and Musicians: Grove Music Online. – In the 29-volume second edition / General Editor – Stanley Sadie. – [Oxford]: Oxford University Press, 2001 (CD).

8. Dibble J. Stanford songs, Vol. 1 // URL: https://www.hyperion-records.co.uk/dc.asp?dc=D_CDA67123 (дата обращения: 23.11.2021).

9. Lunney L., Hourican B. Skrine, Agnes (Nesta) Shakespeare (Moira O'Neill) // URL: <https://www.dib.ie/biography/skrine-agnes-nesta-shakespeare-moira-oneill-a8115> (дата обращения: 07.02.2022).

10. Mcgonagle S. Glens of Antrim to be honoured with blue plaque // URL: <https://www.irishnews.com/news/northernirelandnews/2019/10/16/news/poet-and-novelist-inspired-by-the-romantic-landscape-of-the-glens-of-antrim-to-be-honoured-with-blue-plaque-1739478/> (дата обращения: 07.02.2022).

References

1. Emel'yanova I. N. Charl'z Vill'ers Stenford – kompozitor viktorianskoy epokhi: rukopis' / Emel'yanova I. N. Petrozavodsk, 2016. 84 s.

2. N. B. [Solov'ev N. F.] Stenford // Entsiklopedicheskiy slovar': v 86 t. / izd. Brokgauz F. A., Efron I. A. URL: <http://www.brokgauz.ru/text/095/645.htm> (дата обращения: 17.05.2022).

3. Sarukhanyan A. P. Irlandskaya literatura. Istoriya vsemirnoy literatury: v 9 t. / pod red. Yu. B. Vipiper [i dr.]. M.: Nauka, 1985. T. 3. 816 s.

4. Stanford Ch. V. // Muzykal'naya entsiklopediya: v 6 t. / pod red. Yu. V. Keldysha. M.: Sov. entsiklopediya, 1981. T. 5. S. 256.

5. Falina M. Istoricheskaya pamyat' v Irlandii // URL: <https://arzamas.academy/materials/1334> (дата обращения: 3.02.2022).

6. Dibble J. About Charles Villiers Stanford // URL: <https://www.thestanfordsociety.org/charles-villiers-stanford/> (дата обращения: 18.02.2022).

7. Dibble J. Sir Stanford // The New Grove Dictionary of Music and Musicians: Grove Music Online. – In the 29-volume second edition / General Editor – Stanley Sadie. – [Oxford]: Oxford University Press, 2001 (CD).

8. Dibble J. Stanford songs, Vol. 1 // URL: https://www.hyperion-records.co.uk/dc.asp?dc=D_CDA67123 (дата обращения: 23.11.2021).

9. Lunney L., Hourican B. Skrine, Agnes (Nesta) Shakespeare (Moira O'Neill) // URL: <https://www.dib.ie/biography/skrine-agnes-nesta-shakespeare-moira-oneill-a8115> (дата обращения: 07.02.2022).

10. Mcgonagle S. Glens of Antrim to be honoured with blue plaque // URL: <https://www.irishnews.com/news/northernirelandnews/2019/10/16/news/poet-and-novelist-inspired-by-the-romantic-landscape-of-the-glens-of-antrim-to-be-honoured-with-blue-plaque-1739478/> (дата обращения: 07.02.2022).

Концепты «толерантность» и «терпимость» в контексте обеспечения национальной культурной безопасности России

The concepts of «tolerance» and «tolerance» in the context of ensuring the national cultural security of Russia

В статье представлен анализ концептов «толерантность» и «терпимость», функционирующих в языковой среде в условиях противостояния России и Запада, рассматривается использование их в российской информационной социокультурной среде. Дается характеристика особенностей обеспечения национальной культурной безопасности России и отмечается роль в этом исследуемых концептов. Делается вывод о неорганичности концепта «толерантность» российской культуре и об отсутствии необходимости его внедрения ввиду наличия исконно русского концепта «терпимость». Утверждается, что внедрение концепта «толерантность» в русскую языковую среду в условиях информационного общества является угрозой национальной культурной безопасности, так как ведёт к развитию противоположного явления нетерпимости и размыванию ценностных основ русской культуры.

The article analyzes the concepts of «tolerance» and «tolerance» in the conditions of confrontation between Russia and the West, examines their use in the Russian information socio-cultural environment. The characteristics of the features of ensuring the national cultural security of Russia are given and the role of the studied concepts in this is noted. The conclusion is made about the inorganicity of the concept of «tolerance» in Russian culture and the absence of the need for its introduction due to the presence of the native Russian concept of «tolerance». Russian is argued that the introduction of the concept of «tolerance» into the Russian language environment in an information society is a threat to national cultural security, as it leads to the development of the opposite phenomenon of intolerance and the erosion of the value foundations of Russian culture.

Ключевые слова и фразы: толерантность, терпимость, национальная культурная безопасность, национальные ценности, русская культура, вестернизация, адекватность понимания, подмена смысла.

Keywords and phrases: tolerance, tolerance, national cultural security, national values, Russian culture, westernization, adequacy of understanding, substitution of meaning.

Ирина КОМАРОВА

Irina Komarova

Калининградский филиал Московской финансово-юридического университета МФЮА, Россия

Kaliningrad Branch of the Moscow Finance and Law University of MFUA, Russia

Противостояние России и Запада, обострившееся в 2022 году, затрагивает не только политическую и экономическую сферы общества, но и особенно захватывает духовную сферу. Причём корни данного духовного противостояния уходят в начало 90-х годов XX века, когда после разрушения предыдущей «эманации» российского государства в культурное пространство страны стали проникать и внедряться чужеродные ценности под видом прогрессивных общечеловеческих ценностей, воплощаемых в определённых концептах и понятиях. Эти понятия стали использоваться в качестве составляющих механизма трансформации национальной культуры, что усиливалось в условиях вестернизации информационного пространства. Одним из таких концептов стал концепт «толерантность», который начал вытеснять

из социокультурного пространства исконно русский концепт «терпимость», наделяя понятие «толерантности» более позитивной коннотацией и перспективной словоупотребительностью.

В условиях динамичного развития информационной цивилизации и глобализации мира возникает острая проблема взаимодействия и взаимовлияния национальных культур при необходимости сохранения их самобытности. Являясь порождением технократической западной цивилизации информационная культура активно распространяет ценности западного мира на все незападное пространство при помощи средств массовой коммуникации, вестернизирует его. При этом бездумное тиражирование вестернизированных аксиологических установок в социокультурное пространство, не имеющее общих с западным миром оснований, создает серьезную опасность деформации базовых ценностей национальных незападных культур, что, в свою очередь, способствует серьёзной трансформации духовной и нравственной сфер национальных культур. В данном случае можно чужеродные ценностные установки сравнить с вирусом, который, будучи вполне побеждаемым в среде одного этноса, способен погубить целые народы при занесении его в иную этническую среду, где он не существовал ранее, и где к нему не выработался иммунитет. Можно так-

же провести аналогию с любым живым организмом, который встречается с вирусом и, не будучи привитым, погибает от него. Именно аналогия с живым организмом позволяет рассматривать понятие «толерантность» в его медицинском значении, в котором это понятие и введено в широкий языковой оборот в 1953 году английским иммунологом П. Медавара. В России словарное значение этого понятия отражено в «Большой советской энциклопедии»: «Толерантность иммунологическая (от лат. *tolerantia* – терпение) отсутствие или ослабление иммунологического ответа на данный антиген при сохранении иммуноактивности ко всем прочим антигенам» [2, с.46]. Таким образом, используя приведённую выше аналогию и словарное значение *толерантности*, можно сделать вывод, что при наличии толерантности организм не гибнет мгновенно, но теряет способность к сопротивлению к определённым вредоносным влияниям. Поэтому, внедрение такого концепта как «толерантность», который, с одной стороны, отождествляется с понятием «терпимость», с другой, может рассматриваться как эвфемистическая замена понятия «отсутствие иммунологического ответа на данный антиген», становится инструментом замены смысла значимого для русской культуры понятия «терпимость» на размытый смысл понятия «толерантность». В результате подобных манипуляций с другими заимствованиями возникает опасность смены ценностных оснований русской культуры в целом.

Для сохранения национальных ценностей, в условиях интенсивного распространения через средства массовой коммуникации аксиологических установок западного общества, необходимо их осознание и адекватное исходному смыслу понимание, восприятие их как национальных. То есть, следует понимать, что те или иные ценности имеют непосредственное основание в определенных региональных и локальных культурах (западноевропейской, исламской, китайской, русской и т.д.). Западные страны, имеющие развитую систему массовых коммуникаций, способны наиболее активно производить информационное воздействие на менее подготовленные в информационном плане социокультурные системы.

Главный инструмент информационного воздействия при общении культур – это слово, и именно через слово проникает чужеродная система ценностей. В данной статье произведена попытка анализа одного из наиболее значимых, и широко распространенных в средствах массовой коммуникации концепта «толерантность», который повсеместно заменяет и практически вытесняет русский аналог этого концепта – «терпимость». Стоит отметить, что приведение к адекватному пониманию смыслов понятий и концептов является основой сохранения национальных ценностей, эффективным фактором обеспечения национальной культурной безопасности. Поэтому следует выяснить органичность этих концептов русской культуре и определить основные угрозы национальной

культурной безопасности, связанные с расширением употребления концепта «толерантность» в русской языковой среде.

Обеспечение национальной культурной безопасности в информационном обществе

Возникающее в результате процесса трансформации национальной культуры неустойчивое состояние ценностной среды является признаком неравновесной системы, и в любой момент способно посредством незначительных флуктуаций, привести к необратимым качественным изменениям. Поэтому каждое государство пытается обезопасить себя от непредсказуемого национального развития, от нивелировки своей специфики, которая преимущественно определяется духовно-нравственными законами, по которым живет то или иное общество. Например, американский исследователь Р. Харрис указывает на «фундаментальное различие между исламским и западным миром во взаимоотношениях между церковью и государством. Так, оскорбление пророка Мухаммеда – это оскорбление всех мусульманских наций и всех мусульман, даже тех, кто не практикует свою веру» [9, с.253]. Соответственно, секуляризованные ценности западной постхристианской культуры вступают в неразрешимый конфликт с аксиологическими основаниями исламского мира. Что, в свою очередь, ведет к далеко идущим последствиям не только в культурной сфере, но и сфере геополитики и международных отношений. Дальнейшее развитие постхристианского западного общества приводит к противостоянию не только с ценностями исламского мира, но и с ценностями православной христианской культуры, которые в современном информационном обществе наиболее последовательно отстаиваются русской культурой.

Основным инструментом обеспечения национальной безопасности, в том числе и национальной культурной безопасности, являются правовые механизмы, поэтому необходимо их кратко охарактеризовать в российской правовой среде. Конституция Российской Федерации гарантирует свободу массовой информации, а также запрещает цензуру [4, пункт 5 статьи 25]. Запрет цензуры в российской Конституции был связан с либерализацией российского правового пространства в 90-е годы XX века, следования международным правовым нормам и влиянием общих тенденций развития информационного общества в условиях глобализации. Следует заметить, что отмена цензуры при усилении коммерциализации СМИ, активизировала процессы распространения бездуховности и безнравственности, что наносило неповторимый урон здоровью нации. Поэтому для смягчения ограничений, установленных в Конституции РФ и негативных последствий воздействия информационной свободы, в России в разные периоды принимались нормативно-правовые и концептуальные документы, регулирующие вопросы национальной безопасности: Концепция национальной безопасности РФ (1997), Доктрина

информационной безопасности РФ (2000), (2016), Стратегия национальной безопасности (2015), (2021), Федеральный закон «О безопасности» (2010) и др.

В Конституцию РФ 01.07.2020 года внесены изменения, в которых акцентировались некоторые культурно-исторические ценности и идеологемы: «вера в Бога», «память предков», «идеалы, сформированные тысячелетней историей», «преемственность в развитии Российского государства», «патриотизм», «нравственное развитие», «гражданственность», «семья», «традиционный брак между мужчиной и женщиной» [4, статьи 76.1 и 71]. А в Указе Президента РФ «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» № 400 от 02.07.2021 [7] даётся определение национальной безопасности как «состояние защищённости национальных интересов РФ от внешних и внутренних угроз». Среди национальных интересов отмечается «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народов России» [7, статья 25, пункт 7]. Одним из национальных приоритетов выступает «защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» [7, статья 26, пункт 8]. В Стратегии также утверждается, что «пересмотр базовых норм морали, психологическое манипулирование наносят непоправимый ущерб нравственному здоровью человека, поощряют деструктивное поведение, формируют условия для саморазрушения общества» [7, статья 86]. Соответственно, разворачивание данного сценария недопустимо. Таким образом, можно констатировать, что в России уже существуют законодательные основы становления системы защиты национальных ценностей.

Стоит отметить, что и многие западные страны проводят законодательную политику по сохранению, например, нравственного фильтра. Р. Харрис свидетельствует, что в США «делаются определенные шаги в сторону применения цензуры, хотя зачастую это слово не используется... Национальная ассоциация работников вещания (NAB)... имеет очень строгий этический кодекс, которому должны следовать ее члены...» [9, с.23]. А в Италии в Законе о печати (1948), который действует и поныне наряду с более поздними законодательными актами, «устанавливалась ответственность за диффамацию (распространение порочащих сведений), нарушение моральных норм, подстрекательство к самоубийству и преступлениям, а также особая ответственность изданий, адресованных детям и молодежи» [10, с.120].

Информационная открытость как объективный признак информационного общества в последние годы часто ограничивается на практике, что детерминировано политическими и социокультурными причинами. Причём особенно активно процесс цензурирования разворачивается именно в западных странах. Например, в январе 2021 года, в политических целях, ещё действующий на тот момент президент США

Д. Трамп был заблокирован и удалён из социальных сетей победившей на выборах демократической партией. В западных странах не допускается нарратив, культивирующий традиционные семейные ценности, который заменяется жесткой пропагандой нетрадиционных гендерных отношений. В современной Европе и на Украине разжигается русофобия, утверждается идеологема отмены русской культуры, на практике осуществляется цензурирование информационного пространства. Соответственно, в противовес негативным процессам трансформации традиционного цивилизационного ядра, проникающим в Россию извне, перед российским обществом стоит задача сохранения национальных культурных ценностей, бережного отношения к своему культурному наследию.

Проблема адекватности понимания одних и тех же терминов и явлений

Западная цивилизация, имеющая истоки в европейской цивилизации, восходит к христианству, что роднит все западные культуры с российской. Но переход её в постхристианское состояние создаёт трудности перевода базовых ценностных категорий и концептов при использовании их в различных культурах. При общении культур, имеющих различную степень общности истоков, возникает несовершенное восприятие и понимание одних и тех же явлений и терминов, то есть возникает проблема «адекватности понимания». Каждый подобный термин, имеет черты универсального, архетипического, и черты специфического своего. В момент трансляции понятия, категории и явления за ними стоящего возможна его трансформация принимающей стороной (как это было с марксизмом в России). Различие ценностных установок «пасхальной» и «рождественской» культур, от которых произошли современные российская и западная культуры, обусловлено различными ценностными приоритетами данных культур.

При анализе особенностей общения цивилизаций большое внимание должно быть уделено адекватности понимания языка общения. Поэтому необходимо учитывать помимо универсального архетипического ядра (знака, через который происходит общение) еще и этнокультурный и исторический контекст. Игнорирование такого контекста чревато или непониманием (как это можно наблюдать на примере взаимодействия ценностей США и исламского мира), ведущего к жесткой конфронтации, или «ложным пониманием», которое ведет к активной трансформации основ культуры-реципиента (как это наблюдается при воздействии западной цивилизации на российскую). «Ложное семантическое поле» неадекватного понимания терминов, и стоящих за ними явлений, способно провоцировать негативные процессы в локальных культурах.

Трансляция терминов происходит в условиях активной информатизации мирового пространства, через посредство «американизированной», вестернизированной культуры, то есть через посредство определен-

ной силы, являющейся продуктом информационной цивилизации, имеющей коммерциализированный характер, наиболее активно распространяющейся в средствах массовой коммуникации. Устранению негативных последствий подобного взаимодействия культур может способствовать создание определенного «словаря явлений» в сочетании с историко-культурным анализом терминов и использование такого словаря в средствах массовой коммуникации, позволяющее избегать «ложного понимания» этих терминов и явлений.

В связи с актуализацией в современной русской культуре принципа социокультурного плюрализма, на который указывает И.В. Кондаков [3, с.660], обостряется значимость связанных с ним в «нераздельную и неслиянную» триаду *вседозволенности* и *непримиримости*. Исследователь отмечает, что русский плюрализм неразрывно связан с нетерпимостью, а «очищение смыслов», возвращение реального значения данным понятиям открывает путь для общественного примирения. Нельзя не согласиться со следующим утверждением И.В. Кондакова: «Общеизвестно, любой плюрализм – политический, социальный, культурный, религиозный – это всегда конфликт, диссонанс, борьба» [3, с.634]. Вследствие этого, как некая панацея от раскола, в социокультурный дискурс современности вступил термин *толерантность*. Данное понятие, заимствованное из чуждой по отношению к русской культуре, внедряется в обиход современного российского общества и несет с собой определенный смысл, также иной по отношению к, привычно употребляемому в качестве синонима, русскому аналогу данного термина – *терпимость*. Отметим также христианские основания данного понятия.

Анализ понятия *толерантность* и трактовка русского понятия *терпимость*

Для вскрытия механизма подмены смысла понятий остановимся на анализе этих понятий поподробнее. Английское существительное *tolerance* переводится как *терпимость*, а *tolerant* – *терпимый* [1, с.536]; и в этом случае перед нами предстают синонимы. Но если обратиться к семантическому полю данных категорий, то вполне можно заметить некоторую неоднозначность данного утверждения. Английское существительное *tolerance*, (*терпимость*) восходит к глагольной форме *tolerate*, которая, в силу своей полисемичности, имеет два лексических значения: 1) терпеть, выносить; 2) позволять, допускать. Синонимами в английском языке являются глаголы *stand* (одно из значений которого – переносить [человека, манеры, шутки] [1, с.497] и *suffer* (1) страдать, испытывать, претерпевать; 2) допускать, терпеть, сносить) [1, с.511]. Если обратиться к коннотации данных глаголов-синонимов,

то можно найти общее семантическое поле – *принимать кого-либо, или что-либо, не предпринимая каких-либо действий, воздействующих на данный предмет, или явление*. Семантическим дифференциалом будут выступать следующие нюансы. Глагол *stand* выражает устойчивую переносимость определенных качеств, или свойств предмета, человека, или явления, способность сосуществовать с ними, не реагировать на них; то есть обладает некоторым нейтральным характером. При употреблении глагола *suffer* можно отметить коннотацию, выражающую некую страдательную функцию, терпение попустительствующее, точнее – бездействие. Неслучайно, устаревшее английское слово *sufferance* в переводе на русский язык означает попустительство, то есть *отсутствие противодействия чему-либо недопустимому, противозаконному* [6, с.517]. Таким образом, коннотативное наполнение несёт некую отрицательную нагрузку. И, наконец, глагол *tolerate* несет скорее положительную коннотативную наполненность, если проследить его словообразовательную парадигму (*tolerable* [v], *tolerance*[n], *tolerant*[a], *tolerate*[v], *toleration*[n]), в которой наиболее характерным и показательным является значение существительного *tolerable* (1) терпимый, сносный; 2) вполне удовлетворительный, довольно хороший). Таким образом, преимущественный акцент делается на положительном аспекте данного значения. Нетрудно заметить, что заимствовано понятие *толерантность* именно с данным значением. А русское слово *терпимость* (умение без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, характеру) [6, с.517] скорее коррелирует с английским понятием *stand* (терпеть), акцентирующим нейтральное отношение к явлению, предмету, или человеку.

В результате наблюдений по употреблению термина *толерантность* в социокультурном, политическом дискурсе можно отметить искусственное навязывание положительно окрашенного семантического наполнения данного термина. Но при анализе политического дискурса виден смысл, который выражается в русском языке термином *попустительство*, а в английском ему соответствует *sufferance*. Таким образом, можно сделать вывод, что использование данного термина ведёт к подмене понятий.

Русское слово *терпимость*, то есть *умение без вражды, терпеливо относиться к чужому мнению, характеру*, восходит к глаголу *терпеть* и имеет глубоко христианские истоки, догматические основания в христианской антропологии. В русской православной традиции отсутствует терпимое отношение к греху. Терпимо можно относиться только к человеку – носителю образа Божия. Мало того, православная культура, которая оплодотворяла русскую культуру, предполагает не просто равнодушное терпеливое отношение,

¹ В классификации христианских культур В.Непомнящего к «рождественской» культуре относятся культуры западноевропейских стран, восходящих к католичеству и протестантизму, а к «пасхальной» – культуры православных стран.

но отношение любви. Что отражается в христианских заповедях «Возлюби ближнего как самого себя», «Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас (Лк. 6:27-28).

На это указывает и русский философ Н.О. Лосский в своем исследовании миропонимания Ф.М. Достоевского [5, с.225], отмечая, что жалостливость русского человека, выражающаяся, например, в отношении к преступникам, как «несчастливым», общеизвестна; русский народ считает преступление виною, которая заслуживает наказания, но, невзирая на это, стремится облегчить участь наказанного человеческим отношением к нему. Н.О.Лосский находит соответствие данного отношения с утверждением Блаженного Августина: «Ненавидеть грех, но жалеть грешника...» [5, с.225].

В русском языке также существует многозначность понятия *терпимость*. В.С. Соловьёв в одной своей известной работе [8, с.650-662] производит краткий анализ и дифференциацию полисемичных значений *толерантности* по коннотативному наполнению. Он утверждает, что «сама по себе терпимость есть качество среднее, и становится хорошим или дурным смотря по предмету, к которому прилагается, и по душевному побуждению, которым определяется» [8, с.652]. Поэтому понятие «терпимость», само по себе, имеет амбивалентное ценностное значение, и, в зависимости от вышеуказанных условий, выступает в трёх вариантах:

подлость – «терпимость к вопиющим злодеяниям лиц более его сильных из боязни навлечь на себя их гнев» [8, с.652];

равнодушие - терпимость к чужим убеждениям, при отсутствии своих собственных;

низость – терпимость к чужим грехам, когда хочется прикрыть и оправдать свою склонность к порокам.

Терпимость же к теоретическим заблуждениям, связанная не с равнодушием к истине, а осознанием многообразных путей к ней, В.С. Соловьёвым [8, с.652] отмечается как качество превосходное. Он считает, что данный взгляд на терпимость можно назвать *разнообразием подходов* к определенной научной проблеме. Точно также характеризуется терпимость к даже злостным преступникам, но уже отвечающим за свою вину и обезоруженным, и называется она помимо всего прочего *великодушием, милосердием*. Соответственно, В.С. Соловьёв дифференцирует коннотативную наполненность понятия *терпимость*, внося в основу различия вариантов многозначной лексемы нравственный критерий. Очевидно, что первые три значения русского слова *терпимость* могут считаться тождественными заимствованному из английского понятия *толерантность*.

Заимствованное слово *толерантность* подразумевает принятие не только иноверца, или человека с другим цветом кожи, или принятия чужой политической точки зрения как достойной существовать; но и бездельника, тунеядца с его правом не работать, и наркомана с его выбором: принимать или нет нар-

котики; и право гомосексуалистов на вступление в брак с однополым партнером; право матери убивать нерождённых детей, и т.д. А самое главное - это то, что *толерантность* подразумевает оправдание каждого выбора, признание его правомочным, имеющим право на существование вне зависимости нравственной составляющей каждого из явлений. То есть, в данном случае, мы встречаемся с типичной установкой, присущей «рождественской культуре» – оправданием земной слабости человека, чудовищно трансформированной в порок. Можно предположить, что навязывание социуму данного термина со всеми вытекающими из этого последствиями наиболее активно влияет на формирование ценностных установок высокообразованных членов культурного сообщества, использующих понятие «толерантность» в своей речи. Менее образованное большинство часто мало представляет истинный смысл подобных терминов, но бессознательно принимает суть, стоящую за этими терминами, порождающую в социуме размывание нравственных ориентиров.

Выводы

Таким образом, во-первых, можно сделать вывод о неорганичности российской культуре концепта *толерантности* и о латентной опасности, скрывающейся за заменой этим термином исходного традиционного концепта *терпимости*. Так как, наиболее эффективным способом трансформации ценностной системы в сторону вестернизации, осуществляемой в информационном пространстве, является использование механизма релятивизации ценностных оснований с последующей заменой на ценности, чуждые национальному сознанию, то за опасной тенденцией, вызванной активным внедрением в коммуникативное поле концепта *толерантности*, скрывается возможность перенесения чуждой системы ценностей на русскую культуру.

Во-вторых, стоит отметить, что утверждение толерантности в качестве непреложной и неоспариваемой ценности является угрозой национальной безопасности. Утверждение *терпимости*, в том виде как она понимается при использовании концепта *толерантности*, способно уничтожить саму идею терпимого отношения к чуждому, «иному» культурному, религиозному, национальному явлению, если это явление опирается на определенные нравственные критерии и отвергает вседозволенность. На Западе, активно пропагандирующем толерантность как основу социальной устойчивости, произошло «перекидывание монады» и быстрыми темпами утверждается противоположное толерантности явление – явление ксенофобии в виде русофобии. А в период разворачивающегося цивилизационного противостояния происходит интенсификация этого процесса распространения русофобии.

В-третьих, в российском обществе нет необходимости внедрять концепт «толерантность» в целях создания условий для взаимопонимания, организации

конструктивного межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, с представителями различных идеологических позиций. Исторически сложилось, что русские сосуществовали с другими народами множество веков и уже выработали эффективные способы бесконфликтного взаимодействия с представителями различных культур и конфессий на основе ценностей культуuroобразующего христианского учения. И нет необходимости внедрения в языковую среду нового концепта «толерантность» якобы в целях усиления терпимости в обществе.

В-четвёртых, можно утверждать, что бездумное внедрение концепта «толерантность» в русскую языковую среду и распространение его латентного истинного значения становится условием развития нетерпимости в обществе. Таким образом, понятие «толерантность», традиционно переводимое на русский язык как «терпимость», на практике способно порождать противоположное русскому значению явление. А использование в языковой среде органичного русской культуре концепта «терпимость» способно влиять на успешное распространение уже сформированной в российском культурно-историческом континууме модели мирного сосуществования различных наций и народов, основанного на веротерпимости и уважении к культурному разнообразию различных наций и народов.

Библиографические ссылки

1. Аракин, В.Д. Англо-русский словарь / В.Л. Аракин, З.С. Выгодская, Н.Н. Ильина. – М.: Русский язык, 608 с.
2. Большая советская энциклопедия (В 30 томах) Гл. ред. А.М. Прохоров – М.: Советская энциклопедия, 1977, Том. 26, 624 с.
3. Кондаков, И.В. Введение в историю русской культуры / И.В. Кондаков. – М.: Аспект-пресс, 1997. – 686 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993), (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
5. Лосский, Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание / Н.О. Лосский // Бог и мировое зло. – М.: Республика.1994. – 432 с.
6. Ожегов, С. Толковый словарь русского языка / С.Ожегов. – М.: Русский язык, 1984., - С.517.
7. О стратегии национальной безопасности: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400.
8. Соловьёв, В.С. Спор о справедливости / В.С. Соловьёв. – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во Фолио, 1999. – 864 с.
9. Харрис, Р. Психология массовых коммуникаций / Р. Харрис. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 448 с.
10. Энциклопедия мировой индустрии СМИ / Е.Л. Вартанова, М.И. Гутова, В.Л. Иванецкий; Под ред. Е.Л. Вартановой. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 376 с.

References

1. Russian Russian Dictionary / V.L. Arakin, Z.S. Vygodskaya, N.N. Ilyina. – М.: Russian language, 608 p .

2. The Great Soviet Encyclopedia (In 30 volumes), edited by A.M. Prokhorov – М.: Soviet Encyclopedia, 1977, Vol. 26, 624 p.
3. Kondakov, I.V. Introduction to the History of Russian culture / I.V. Kondakov. – М.: Aspect-press, 1997. – 686 p.
4. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993), (with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020).
5. Lossky, N.O. Dostoevsky and his Christian worldview / N.O. Lossky // God and World Evil. – М.: Republic.1994. – 432 p.
6. Russian Russian Dictionary / S. Ozhegov. – М.: Russian language, 1984., - p.517.
7. On the national security strategy: Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 No. 400 p.
8. Solovyov, V.S. Dispute about justice / V.S. Solovyov. – М.: CJSC Publishing house EKSMO-Press, Kharkiv: Folio Publishing House, 1999. – 864 p.
9. Harris, R. Psychology of mass communications / R. Harris. – St. Petersburg: prime-EUROZNAK, 2003. – 448 p.
10. Encyclopedia of the world media industry / E.L. Vartanova, M.I. Gutova, V.L. Ivanitsky; Edited by E.L. Vartanova. – М.: Aspect Press, 2006. – 376 p.

Проблемы этнокультурной общности Юго-Восточной Балтии

Problems of the ethno-cultural community of the South-Eastern Baltic States

В статье анализируется состояние культурных процессов в Юго-Восточном Балтийском регионе на примере взаимодействия культур Калининградской области и соседней Литвы. С помощью сравнительного и диахронического методов исследования выявляются общие черты этнокультурных явлений в динамике и статике.

The article analyzes the state of cultural processes in the South-eastern Baltic region using the example of interaction between the cultures of the Kaliningrad region and neighboring Lithuania. With the help of comparative and diachronic methods of research, common features of ethno-cultural phenomena in dynamics and statics are revealed.

Ключевые слова и фразы: диаспоры, континуум, национальный менталитет, субкультурная лакуна, этнокультурные технологии, этносоциальные группы.

Keywords and phrases: diasporas, continuum, national mentality, subcultural lacuna, ethnocultural technologies, ethno-social groups.

*Вячеслав ШАХОВ, Светлана ЯШИНА,
Марианна ИВАНОВА*

*Vyacheslav Shakhov, Svetlana Yashina,
Marianna Ivanova*

*Калининградский государственный технический
университет, Россия*

The Kaliningrad State Technical University, Russia

In the regions, it is the humanitarian factors that become the basis of technologies for bringing peoples and cultures closer together. If the population of a region consistently and for a long time comprehends its existence in general supra-national categories, then such a community acquires modus of existence. Its ideas about itself – no matter whether true or false (ethnic identity is mythological in nature) - form an ideal reality that has existential tension, internal logic and integrity, and is capable of development. Despite the permanently arising confrontation, this reality is rooted in the archetypes of consciousness of the Lithuanian and Russian people, at least in the continuum Lithuania – the Kaliningrad region.

The new system of values with which humanity entered the XXI century is characterized by globality and multiculturalism. The well-being and future fate of the Baltic region is determined by a balanced ethno-cultural policy. The study of the culture of this region is extremely difficult; it is even more difficult to implement recommendations for regulating relations between ethnic and social groups, which in recent years have been in a state of frustration due to a complex of political and economic factors. The titular pop-

ulation of the Baltic States is more easily adapted to the new conditions - both due to the better economic climate (the orientation of the economy to the employment of the titular population, preferential participation in management, targeted assistance from the West), and due to national cohesion after the Revival. Lithuanians also rely on centuries of living together experience within the Russian Empire and the Polish-Lithuanian Commonwealth (the Rzeczpospolita). Russian communities, on the contrary, are outside the borders of Russia, in the status of a diaspora, and an involuntary diaspora. The frustration of the situation when the homeland has left the country of residence is maximum, often perceived as an unnatural state, beyond political and ethno-cultural comprehension.

In multinational regions, diaspora peoples are an independent and the most important ethno-political component. The diaspora, especially the diaspora of a great nation, always brings problems that are alien to the host nation, including conflicts not only internal, but also external. On the other hand, the diaspora enriches the host country with elements of its culture, as a rule, with the passionarity inherent in migrants and small nations, up to purely biological factors of enriching the gene pool.

The new Russian diaspora has many problems, from physical survival in Latvia to instant assimilation in ethno-culturally close Ukraine. If the zoological nature of apartheid in Latvia requires no explanation, then according to historical sources, the ethnocultural problems of Russians in Ukraine during the time of Alexey Mikhailovich, were described even by D. L. Mordovtsev. Then the children of Russian nobles at the Hetman's court assimilated and became true Ukrainians in 2-3 years, which is natural for closely related peoples in the conditions of information iso-

¹ Бызов Л. Становление новой политической идентичности в постсоветской России: эволюция социально-политических ориентаций и общественного запроса // сб. Российское общество: становление демократических ценностей? М., 1999. С.70.

lation .

Diasporas in the Republic of Lithuania are not an undesirable foreign element and are not on the verge of assimilation. If this facilitates the internal political situation, then from the standpoint of ethnic culture, the difficulties do not become less, but the need for urgent, very competent and tactful decisions is obvious.

The processes of intercultural and inter-civilizational adaptation are most clearly manifested in the interaction of geopolitical and geo-cultural images that collide in a space subject to civilizational turbulence. Culture, including ethnic culture, becomes a real force that creates or destroys states. In the conditions of interethnic conflict, and in other forms of internal political conflicts, belonging to a certain ethnic group forces a person to assume a social role - to behave in accordance with the norms of the community and the expectations of other strata. In the conditions of sociopolitical stagnation characteristic of our time, it is easier for an individual to follow group stereotypes in interethnic relations than to develop or defend one's own system of evaluation. Such behavior, as a rule, is the optimal, and even the only safe model for an individual, regardless of his personal preferences. Often, such a position is perceived by the actors themselves as part of a social function, reflects the specificity, the foundations of the worldview inherent in their people. In a situation of interethnic conflict, a different model of behavior leads to marginalization not only in one's own community, but also in the environment the individual supports.

There is also an alternative way to preserve the national mentality – the formation of subcultural ethnic and religious groups with special rules of behavior and attitudes, within the framework of subordination to the national norms. Such subcultural gaps set the direction of the development of the region as a whole, a new social community, because they are to a certain extent autonomous, closed and do not pretend to replace the dominant norms of life – this is, for example, the model of behavior of the Old Believers in Lithuania.

Without diminishing the importance of traditions, we must recognize that the key role in the construction of ethnicity is played by the mobilization of members of an ethnic group by the leaders – that is, social construction. Unfortunately, the zones of ethno-cultural tolerance are disappearing throughout the post-Soviet space – the international societies of Baku, Odessa, Tbilisi, and Bessarabia have almost annihilated. In ethnocratic Latvia and Estonia, it is difficult not only to make competent ethno-cultural influences, but also to conduct objective research. On the contrary, the results of such studies in an atmosphere of mutual tolerance and ambivalent national consciousness, which is characteristic of Lithuania, are not only possible, but are extremely important for working out universal models of the entire Baltic region.

Throughout history, the southeastern Baltic has been fragmented into several states with different ethnocultural orientations, with Baltic and Slavic peoples existing within unitary states or under foreign cultural protectorates, without the national conflict never taking on the character of a total breakdown of society. Without idealizing the presence of contradictions resulting from the unreasonable national policy of the Polish-Lithuanian Commonwealth (the Rzeczpospolita), the Russian and German Empires, we can state that they have not disappeared without a trace and will continue to be present due to the absence of a system of ethnocultural planning, including workable methods of learning the state language.

The complicated historical path of our peoples, from the times of the Grand Duchy of Lithuania, the Rzeczpospolita, to their incorporation into the Russian Empire and the Soviet Union, has not diminished the distinctive culture of each of them with an original culture; distinctive folk traditions and customs have been preserved . The conflict-free, productive and at the same time harmless nature of the intercultural interaction between the main ethnic groups in the region is one of its important ethno-cultural features . The region has also experienced its own sad experience of xenophobia, national and religious confrontation. At the same time, it was the search for the

unity of cultures, the preservation of the unique spiritual experience of the peoples of culture, and familiarization with civilizational achievements that led to peace in the region, and created traditional Russian and Lithuanian tolerance .

The previous cultural traditions, with all the complexity and contradictory nature of the processes of development of the region, have not been completely interrupted, although they are being mastered in different ways by ethno-cultural strata. This requires a particularly attentive and careful attitude to ethno-cultural processes, especially against the background of growing tensions of inter-ethnic conflicts in other regions. The truism that in any society it is necessary to preserve national cultures, including the culture of national minorities, for this is the basis of the social mechanism of mutual adaptation of ethnic communities, is a determining factor in regional integration processes.

Of course, a significant proportion of national minorities in the population, even autochthonous and old-timers, brings serious problems to the life of the continuum – both positive and negative. Migration flows, economic, cultural and other contacts lead to the transfer of cultural values, changes in lifestyles, norms of behavior and communication. Diasporas tend to create cultural autonomies that live according to their own ideas about culture. The normal coexistence of the diaspora and the host nation implies the emergence of acculturation processes. At the same time, if the forces of resistance to cultural borrowing are not supported, there is a threat of loss of national-ethnic identity.

² Мордовцев Д.Л. Великий раскол. М.: Правда, 1990.

³ Мотузас А. Некоторые особенности литовской народной обрядности. Проблемы этнокультуры. М.- Калининград: АПРИКТ, 2001.

The same phenomenon can also take place among peoples living on their ethnic territory, for example, in the forms of Westernization of the culture of an economically backward state. The optimistic option, of course, would not be to reduce the entire ethno-cultural wealth of a multinational state to a single model, but to accumulate all the best in the cultural wealth of the peoples who developed in a common historical path with the state-forming nation.

The developing culture is characterized not by nihilistic rejection, but by the accumulation of cultural heritage and the creation of a national cultural idea on the basis of this. Culture, rather than participation in economic blocs, is ultimately the determining factor in regional integration processes. At the same time, both gradual differentiation and smoothing of cultural differences take place. Apart from the historically brief and harmonious Baltic-Slavic community of the period of the Grand Duchy of Lithuania's flourishing, the southeastern Baltic States were unable to find effective ethnocultural technologies for creating a unitary state based on the coexistence of different-ethnic formations, even if their creation met the historical and cultural objectives of the peoples united. This could not be achieved either on the basis of military and ideological dictatorship of the Teutonic Order, the religious and cultural community of the Union of Poland and Lithuania, or on the basis of economic and military protectionism when Lithuania was incorporated into the USSR. If we set aside the moral side of the problem, the totalitarian technologies lead to the monoculture, for example, the forced assimilation and Protestantization of the population of East Prussia in the time of Friedrich Wilhelm I, which had its logical conclusion in the years of Hitler's occupation. As early as 177, the Chinese historian Ban Gu proved the cultural axiom that the assimilation of a people, the leveling of an alien culture, is harmful to the state and unnecessary for the titular nation. As we remember, after the promulgation of his idea, Ban Gu was imprisoned, where he ended his life, and his ideas had no effect on the domestic policy of the state. It is impossible to assimilate the established foreign-cultural peoples, oriented to cultural centers located outside the region, and it is fundamentally harmful for any state mechanism, because this only strengthens the centrifugal tendencies. It is not difficult to understand that what has been said undoubtedly applies to the Russian diaspora in the Baltic states. Assimilation or rejection of a part of ethnic culture for Lithuanian Russians is possible only on a voluntary basis. If this is based on short-term gain, then the problem of assimilation becomes an ethical one and is related to the problem of a person's choice of the boundaries of his community and the morality of abandoning his national society in favor of a more prosperous community.

Ethno-cultural technologies based on the absorption by the state-forming nation of small peoples while preserving their national culture are much more appropriate. In this case, the mutual enrichment of cultures is especially notice-

able, and the influence of the culture of the host nation may even be predominant at a certain stage of development. The Polish-Lithuanian Commonwealth of the peoples of Poland and Lithuania tried to achieve supranational unity on this basis in conditions of unlimited democracy, but this was prevented by the underdevelopment of the class structures of the Lithuanian and Russian components of the state with a rigid hierarchical system and a heightened sense of class exclusiveness of the Polish coat-of-arms. It cannot be denied, however, that ethnic stereotypes inevitably change in a foreign cultural environment.

In our opinion, of all the variety of social relations in the South-eastern Baltic region, the integrating, which expresses the way and nature of preserving the integrity of the system, stands out – it is the cultural life, a multidimensional and centuries-old phenomenon, the core basis of which is ethnic and national cultures that create a regional ethno-cultural space. The continuum Kaliningrad region - Lithuania, where representatives of the most diverse ethnic groups are involved in the process of intercultural dialogue, can be reasonably referred to the regions of «ethno-cultural mosaic». Dozens of nationalities live in the region, of which Lithuanians, Poles, Russians, and Belarusians, Tatars, Latvians, Germans and, to a certain extent, Jews are autochthonous. With rigoristic precision these peoples can be considered only old-timers, while only the Finnish population, which has not existed in ethnographically pure form in the region for more than half a millennium, can be recognized as autochthonous.

It should be emphasized that during more than six centuries of living together Russians, Lithuanians, Poles, and Jews have managed to develop certain norms of mutual understanding and mutual tolerance. Today, not only a certain convergence of different national cultures is evident, but also the processes of assimilation and divergence within one culture. The existing alternative subcultures in the region, including marginal ones, significantly transform the «big» culture of the region. The interpenetration and mixing of the cultures of the peoples of the southeastern Baltic is confirmed by many facts. An example would be the «celebration of holidays other than their own» by a significant number of residents. Or the fact that many visit the religious centers of other nations. At the same time, we agree with the researchers that the deep foundations of the culture of the neighboring nation do not attract many people - 48.2% of the respondents are not interested in the life and customs of other nations at all. This actualizes the important task of fostering a respectful, tolerant attitude toward the cultural diversity of the region.

From the point of view of philosophy, this is related to the understanding of the modern world as a «holistic time» and «holistic space» (from the Greek *olos* - the whole). This view reflects the reality of prevailing existence, associated with the increasing complexity and intensity of contacts,

⁴ Davies N. God's playground. A History of Poland. USA, Columbia University Press, v. 1, 1981

⁵ Rylander D. Globalism and regionalism in the Baltic sea region — the role of Internet services in the interplay. // j. «Tiltai» (Klaipėda), 2 (7), 1999, p. 77–85.

both between individual human communities and spheres of human activity. The external and internal structures are fixed in integrity. The latter is related to the qualitative characteristic of integrity and expresses the integration, self-sufficiency, autonomy of objects, their opposition to the environment, associated with their internal activity and the peculiarity of specific laws of functioning and development, with the absoluteness and relativity, finiteness and infinity, homo- and heterogeneity of space. Each constituent of a social space is a really existing phenomenon, which includes a certain list of elements characterizing this or that sphere of human activity, consists of parts, a multitude of elements in relations and connections with each other, which form an internal integrity.

It is possible to distinguish real, perceptual and conceptual meanings of ethnocultural space. So, real space and time are social phenomena, which are objectively connected with temporal and structure-forming factors of the region's life, economic, demographic, political and other situations. Geopolitical position, belonging of separate parts of the region not only to different states, but also to different civilization systems, multinational composition of the region, state of industrial production, determining socio-economic and socio-political situation in the region imposes on it. Perceptual value of regional space lies in the existence of ideas about phenomena at the socio-psychological level of reflection of social consciousness. From the point of view of an individual, temporal and spatial concepts are determined by the natural, historical, social and cultural environment to which he belongs. The favorable national atmosphere of the Baltic region is connected with the specific mentality and cultures of our peoples. Everyone knows the peacefulness, humanism, and respect of the Russian people for other peoples.

In national regions, it is the humanitarian factors that become the basis of technologies for the rapprochement of peoples and cultures. If the population of a region is stable and for a long time comprehends its existence in common supra-national categories, then such a community acquires a *modus vivendi*. Its perceptions of itself - whether true or false (ethnic self-consciousness is mythological in nature) - form an ideal reality with existential tension, internal logic and integrity, capable of development. Despite the permanently arising confrontation, this reality is rooted in the archetypes of consciousness of the Lithuanian, Belarusian and Russian people.

There is a certain magic of terms. When describing the peculiarities of the Kaliningrad region, the economic and geographic term *exclave* is universally presented as exhaustive. But such a scientific reflection of the priority of the view of the region as an *exclave* not only makes it difficult, but also ineffective to consider the processes of modernization, their manifestation in all spheres of politics - economic, social, cultural. Cultural norms require using the term *locus* to describe the specificity of the Kaliningrad region as

a socio-cultural unit - a place limited not only by its territory, but also by its cultural mission in the historical and cultural process and its significance in the processes of global and Russian cultural genesis. *Loci* are the subject of much attention in scholarly research and journalism. The scientific approach to the region as a subcultural *locus* assumes a hierarchical correlation with categories of a higher order, national and world culture, philosophy, history and culture - as a ratio of part and whole. The term *locus* (*locus* - place, Latin.) is interpreted as a place by territory; place by function, mission in geopolitical, economic and historical and cultural processes, and place by significance in the overall picture of world and Russian cultural genesis. All economic and humanitarian processes in the Kaliningrad region are a vivid confirmation of the effectiveness of the theoretical approach that classifies the *exclave* as a *locus-territory*.

Historical living conditions, geopolitical, socio-economic and ethnographic situations determine the uniqueness of *exclaves*. Being an integral part of a single state, an *exclave* reflects - or illustrates - all merits, shortcomings and contradictions of the foreign and domestic policy conducted by the center. To the greatest extent, this applies to the specific socio-cultural system of the Russian south-eastern Baltic. After the collapse of the USSR, the Kaliningrad region was geographically separated from Russia, while the centuries-old status of a subcultural *locus* was preserved. The population of the region, in order to survive as a part of the Russian people, needs to adapt to the conditions of an inconvenient geopolitical, economic and socio-cultural conjuncture. It is optimal, both in terms of individual choice and in terms of Russian state interests, to follow the path of preserving and developing the traditional values of the richest Russian culture. In the region, conflicting political, economic, environmental, and other interests of international importance are closely intertwined. The socio-cultural diversity of the Russian regions is an attribute of existence and the basis of sustainability of the Russian state. Democratization and humanization processes lead to an increase in tolerance, the ability to perceive the «other», other values and points of view; the recognition of the legitimacy of the existence of many truths and the diversity of cultures. Flows, economic, cultural, population migration and cross-border processes lead to the transfer of cultural values, bring changes in lifestyles, norms of behavior and communication. Similarly, the processes of globalization affect the preservation of cultural identity.

According to the famous Russian philologist S. Averintsev, «although scientific research in its essence must keep a fair distance from utilitarian and didactic goal-setting, it is the vital, extra-academic interest that can give energy to rigorous scientific work». If the study of administrative units, geo-cultural space, is based on the established properties and regularities of their modern territorial structure, then the properties of the subcultural *locus* include many historical layers of equal importance, including modern

⁶ Боас Ф. Методы этнологии//Антология исследования культуры, т. 1, С. 519 – 527, СПб., 1997.

⁷ Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960. С. 4.

ones. Considering the south-eastern Baltic region as a socially expressed space of spiritual and cultural integration, with deep historical and genetic roots, it can be argued that the modern Kaliningrad region is the result of the impact of historical and cultural genetic processes. Modern social science believes that Europe was, is, and is likely to remain for a long time the only creator of history in the world, a continent whose historical memory is capable of reconstructing the past as a coherent chain of events resulting in the present, without which no society is able to establish control over its own future. The historical path taken by Europe is unique; its peculiarities are rooted in the dynamism that objectively characterizes European societies. However, there is no doubt that no culture can develop in isolation from others; the process of contact is natural and inevitable.

The culture of tolerance is a condition for lasting existence, harmonious functioning, evolutionary development of the public sphere. The foregoing coincides with Blessed Augustine's views on the cumulative effect of world culture in relation to any nation at any moment of its history: «No human achievement has received the promises of eternity. All peoples, all ages, all stems of culture must do their part: ex toto mundo totus mundus [the whole world is elected from the whole world - Latin]. For culture is the treasury where things ancient and new are distributed, and where the purifying remelting of the gold of the new admirers is underway. We should not harbour the illusions of those who see the task today as already completed, for the miracle that was accomplished in the past must continue to last, and it lasts for a long time, and the culture believes in new discoveries, new providential harmonies». The exclave status of the Kaliningrad region accentuates the importance of a unified Russian culture, not only its economic and administrative uniqueness. The specificity of the modern exclave was established in ancient times, for people here since the times of the Prussians have always lived surrounded by foreign cultures. Each nation and nationality that lived on this land left behind its own layer of culture, its own elements of culture inherent only to them, which contained the spiritual experience of the nation in question, its uniqueness. Sporadically powerful surges of alien culture flooded this land, mixing recent opponents into a single whole. And always

a balance of cultures, cultures in the broadest sense of the word - humanitarian, theosophical, social, agricultural and technological - has been established on this land. However, according to the well-known maxim by V. Inozemtsev, these tendencies are characteristic of European civilization as a whole, at least since the 19th century, in contact with cultures alien to it.

The regional aspects of such a complex formation as Russia are most accurately read through the key concept of historical local history - «cultural nest», because in the historical context they have a number of successive or parallel existing cultural centers, which determined the directions of cultural and historical movement. The concepts of «place-development», «cultural areas», and «cultural nest» are sublimated in scientific research into the semi-mystical concept of «spirit of place». The spiritual content of a place is a function of the spiritual potential of its inhabitants. Their spiritual state, even their individual characteristics, evolve under the influence of the «spirit of place». Their spiritual state, even their individual characteristics, evolve under the influence of the «spirit of place». The evolution of the «spirit of place» is influenced not only by people, but also by vivid events carrying a high spiritual load. Naturally, the brightest and most spiritual individuals are the first to fall under the influence of the «spirit of place». At the same time, at each stage of the development of cultural traditions there are sacred places whose special spirit has played an essential role in the formation of not only regional but also national identity.

The spirit of place systematically absorbs the characteristic features of the spiritual state of the inhabitants of the region. The spirit of place is an indispensable feature of Southern Baltic existence from ancient times to the present day. But outside of the technological problems of culture, the analysis of the Kaliningrad exclave from a cultural standpoint has not been carried out, despite the politological technique that has become a cliché to emphasize its “middle ground” between the Western and Eastern, European and Asian cultures. Chrysostom, the Orthodox Metropolitan of Vilna and Lithuania, says: «We need to look more often into the past, into our history, for it can teach us much and warn us against much. <There is everything in history: holiness and sin, ar-

⁸ Сергеева О.А. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем // ж. «Общественные науки и современность». РАН, 2002. С. 104 – 114.

⁹ Kurio T. Nationalising states or national building? // Nations and nationalism. V.7, Cambridge, 2001. Pt.3.

¹⁰ Преснякова Л.А. Теория политической социализации // ж. «Политическая наука», №2, С – 24-35, М: РАН, 2002.

¹¹ Замятин Д.Н. Геополитика образов и структурирование метапространства /ж. «Полис», № 1, 2003. С. 87.

¹² Солодухина Т.К. Этнокультурное образование: категории, принципы, система // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств, № 2, 2005.

¹³ о. Василий [Новинский]. Очерк истории Православия в Литве. Вильнюс: Православное Братство Литвы, 2005.

¹⁴ Аверинцев С. С. Традиции и наследие христианского Востока. - М., 1996. - С. 69.

¹⁵ Иноземцев В. Возвращение Европы. В поисках идентичности: Европейская социокультурная парадигма / В., Иноземцев Е. Кузнецова // Мировая экономика и международные отношения. - 2002. - № 6. - С.3-14.

¹⁶ о. Василий [Новинский]. Очерк истории Православия в Литве. Вильнюс: Православное Братство Литвы, 2005.

dor of spirit and lukewarmness, zeal for piety and disdain for it, opposition to schisms and their generation».

Ethnocultural diversity in itself does not lead to conflicts. But cultural distinctiveness in the absence of a directed ethnocultural policy can channel destructive public consciousness. The most frequent cause of interethnic conflicts is insufficient awareness, lack of general culture and competence in the problems of ethnology of group and power leaders - or, worse, their malice. If the latter was avoided in Lithuania even during the tense days of the national Renaissance and social upheaval, the cultural component, on the contrary, comes to the fore the more, the better the general state of interethnic relations.

The Southeast Baltic can remain a factor of stability only as long as it is an example of interethnic and interreligious peace. Nationalism and fundamentalism are the least acceptable models for this region, with its developed heteroculturalism, covering all spheres not only of consciousness but also of existence. The conflict-free, productive and at the same time harmless nature of intercultural interaction between the main ethnic groups in the continuum of the Russian Kaliningrad region, Poland and Lithuania is one of the important ethnocultural features of the region. It requires especially attentive and careful attitude to ethnocultural processes, especially against the background of increasing tension of interethnic conflicts in neighboring Baltic states. The regulation of cultural processes should take place as a natural adaptation of the inhabitants to the new conditions that have developed as an important part of the formation of democratic states in the post-Soviet space.

Библиографические ссылки

1. Боас Ф. Методы этнологии//Антология исследования культуры, т. 1, С. 519 – 527, СПб., 1997.
2. Бызов Л. Становление новой политической идентичности в постсоветской России: эволюция социально-политических ориентаций и общественного запроса //сб. Российское общество: становление демократических ценностей? М., 1999.С.70.
3. Гумилев Л.Н. Хунну. М., 1960. С. 4.
4. Замятин Д.Н. Геополитика образов и структурирование метапространства /ж. «Полис», № 1, 2003. С. 87.
5. Мордовцев Д.Л. Великий раскол. М.: Правда, 1990.
6. Мотузас А. Некоторые особенности литовской народной обрядности. Проблемы этнокультуры. М.- Калининград: АПРИКТ, 2001.
7. Преснякова Л.А. Теория политической социализации// ж. «Политическая наука», № 2, С – 24-35, М: РАН, 2002.
8. Сергеева О.А. Роль этнокультурной и социокультурной маргинальности в трансформации цивилизационных систем // ж. «Общественные науки и современность». РАН, 2002. С. 104 – 114.
9. Davies N. God's playground. A History of Poland. USA, Columbia University Press, v. 1, 1981.
10. Kurio T. Nationalising states or national building? //Nations and nationalism. V.7, Cambridge, 2001. Pt.3.
11. Rylander D. Globalism and regionalism in the Baltic sea region — the role of Internet services in the interplay. // j. «Tiltai» (Klaipeda), 2 (7), 1999, p. 77–85.
12. Солодухина Т.К. Этнокультурное образование: категории, принципы, система // Вестник Московского

государственного университета культуры и искусств. - № 2.- 2005.

13. о. Василий [Новинский]. Очерк истории Православия в Литве. Вильнюс: Православное Братство Литвы, 2005.

14. Иноземцев В. Возвращение Европы. В поисках идентичности: Европейская социокультурная парадигма / В., Иноземцев Е. Кузнецова // Мировая экономика и международные отношения. - 2002. - № 6. - С. 3-14.

15. Аверинцев С. С. Традиции и наследие христианского Востока. - М., - 1996. - С. 69.

References

1. Boas F. Metody' e'tnologii//Antologiya issledovaniya kul'tury', t. 1, S. 519 – 527, SPb., 1997.
2. By'zov L. Stanovlenie novoj politicheskoy identichnosti v postsovetsoj Rossii: e'voljuciya social'no-politicheskix orientacij i obshhestvennogo zaprosa //sb. Rossijskoe obshhestvo: stanovlenie demokraticeskix cennostej? M., 1999.S.70.
3. Gumilev L.N. Xunnu. M., 1960. S. 4.
4. Zamyatin D.N. Geopolitika obrazov i strukturirovanie metaprostranstva /zh. «Polis», № 1, 2003. S. 87.
5. Mordovcev D.L. Velikij raskol. M.: Pravda, 1990.
6. Motuzas A. Nekotory'e osobennosti litovskoj narodnoj obryadnosti. Problemy' e'tnokul'tury'. M.- Kaliningrad: АПРИКТ, 2001.
7. Presnyakova L.A. Teoriya politicheskoy socializacii// zh. «Politicheskaya nauka», N2, S – 24-35, M: RAN, 2002.
8. Sergeeva O.A. Rol' e'tnokul'turnoj i sociokul'turnoj marginal'nosti v transformacii civilizacionny'x sistem // zh. «Obshhestvenny'e nauki i sovremennost'». RAN, 2002. S. 104 – 114.
9. Davies N. God's playground. A History of Poland. USA, Columbia University Press, v. 1, 1981.
10. Kurio T. Nationalising states or national building? //Nations and nationalism. V.7, Cambridge, 2001. Pt.3.
11. Rylander D. Globalism and regionalism in the Baltic sea region — the role of Internet services in the interplay. // j. «Tiltai» (Klaipeda), 2 (7), 1999, p. 77–85.
12. Soloduxina T.K. E'tnokul'turnoe obrazovanie: kategorii, principy', sistema // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury' i iskusstv. - № 2.- 2005.
13. о. Vasilij [Novinskij]. Oчерk istorii Pravoslaviya v Litve. Vil'nyus: Pravoslavnoe Bratstvo Litvy', 2005.
14. Inozemcev V. Vozvrashhenie Evropy'. V poiskax identichnosti: Evropejskaya sociokul'turnaya paradigma / V., Inozemcev E. Kuzneczova // Mirovaya e'konomika i mezhdunarodny'e otnosheniya. - 2002. - № 6. - S. 3-14.
15. Averincev S. S. Tradicii i nasledie xristianskogo Vostoka. - M., - 1996. - S. 69.

Историко-культурный подход к исследованию Пруссии

Historical and cultural approach to the research devoted to Prussia

В данной статье развивается концепция исторического процесса, определяемого культурными явлениями. Культурный аспект, рассматриваемый автором, – это религиозные верования. Показано, что Пруссия представляла собой регион пересечения древнего прусского язычества, уходящего корнями в протоиндоевропейскую эпоху, с Римско-католической церковью и православием. Взаимодействие этих форм идеологии используется для объяснения истории Пруссии.

This article develops the concept of historical process being determined by cultural phenomena. The cultural aspect examined by the author is religious beliefs. It is shown that Prussia constituted a region of intersection between ancient Prussian paganism rooted in the proto-Indo-European era and Roman Catholic Church and Orthodoxy. The interaction of these forms of ideology is used to explain the history of Prussia.

Ключевые слова и фразы: история культуры, религия, этнос, язычество, христианство, Пруссия, Литва, Польша.

Keywords and phrases: history of culture, religion, ethnic group, paganism, christianity, Prussia, lithuania, Polska.

Надежда ЧЕТВЕРИКОВА,

Вячеслав ШАХОВ,

Арам НАРИНЯН

Nadezhda Chetverikova,

Vyacheslav Shakhov,

Aram Narinyan

*Российский государственный педагогический
университет имени А.И. Герцена, Россия
Калининградский государственный технический
университет, Россия*

*Калининградский государственный технический
университет, Россия*

*«Russian State Pedagogical University named after
A. I. Herzen»*

*Kaliningrad State Technical University, Russia
Kaliningrad State Technical University, Russia*

The history of Prussia is an example of the influence of ideological and ethno cultural factors on the development of the region, and in some cases it is an example of the tragedy of mistakes. History gives us some lessons. In relation to the culture the main lesson is that the ideological attitudes of the era can't interfere with the spiritual and cultural development of the people. Any achievement does not disappear without a trace even if the ideology serving as the basis for this or that cultural model and the ethnos itself acting as a bearer and the object of this philosophy don't exist anymore.

The history of the people is the history the culture even if politicians or military leaders think otherwise. The culture is the all-encompassing phenomenon that includes all the spiritual achievements of mankind, its social and practical experience, moral ideals, art, everyday life, family and per-

sonal relationships and etc. The culture includes a system of knowledge, beliefs, customs, laws, morality and art. The culture is based on the development of spiritual values by enhancing the highest human dignities. It creates the world and social unity. Nevertheless there is no consensus regarding the impact of historical processes on the development of the culture.

Saint Augustin who was developing the concept of human spiritual evolution insisted on the “non-cultural” nature of history and viewed only as the “chronology”. He did not deny the cultural influence of this or that people on world history, although he considered it to be episodic, subject to destruction by time. He believed that all peoples, centuries, cultures should contribute to the history of mankind. Those who view the history as a completed act via means of culture shouldn't have any illusions, the miracle in the past should continue in the future. The history itself believes in new discoveries.

However there is an opposite opinion regarding the issue of the determinism of the historical process by cultural events. It is necessary to separate the historical process and theoretical modeling. The modernization of the past is just as unreliable as the archaization of the present. Culture is not only synchronical but diachronical as well and this serves as the basis of its stability. It is appropriate to mention the general approach to historical facts: the past cannot be judged by the moral standards of modern times. The culture researcher's point of view is different: «to interpret the culture of the past using the concepts of modern time means to be engaged in thinking that goes past its subject and there is a threat to be left completely without an object».

It is customary to begin describing any aspect of ethno-culture with ethnogenesis. The initial colonization of the Baltic region was carried out by tribes with a pre-state social structure. Simultaneously with the development of ethnos the culture was also developing. So the forming and the developing of cultural phenomena, norms, styles and other

innovative forms took place not only in ancient times, but also in the present time. The cultural genesis includes the dynamics of ethnic, confessional communities and subcultures, the development of the mentality of the people, the way of life and the system of value orientations.

Cultural genesis includes the dynamics of ethnic, confessional communities and subcultures, the development of the mentality of the people, the way of life and the system of value orientations. Cultural tradition today continues to be a universal stabilizing mechanism of society. Differences in the manifestations of cultural traditions should be differentiated and categorized. But it should be done within one general concept of «cultural tradition». The autochthonous inhabitants of the Baltic region were the Finno-Ugric tribes, whose culture is being restored according to archaeological data. Given the low population density in this region and the process of structuring of social relations at that time, it is possible to make an assumption that the assimilation of autochthons by the Baltic tribes was relatively peaceful. The southern Finns, unlike the Kalevala tribes, did not rely on worldview attitudes which were established long time ago. The history of the Southeastern Baltic is divided into several national histories. In this article we will deal only with influence on Russians in the Baltics and the history of this region.

In particular it is very important to mention the issue related to the Prussians, the nation which fully disappeared. The Prussians are a group of tribes related to Latvian and Lithuanian, who created a unique culture based on the adjustment of the Baltic tribes to the conditions of the local natural environment. They assimilated the autochthonous population. In folklore sources, including the Kalevala, there is no negative description of either the Prussians or the Lithuanians, although the Finnish tribes were displaced by them. We can't claim that the paganism of the Prussians originated from Indo-European religious beliefs. The Prussians had their own national territory, unity, language, folklore, their own religious view of the world. Their social and political culture influenced the history, religion and culture of vast territories from the Black Sea to the Urals, but they were never able to consolidate the Baltic peoples. The Prussians created a kind of a theocratic pro-state only in the 7th-13th centuries but this pro-state bore signs of self-destruction from the very beginning.

There is much in common between the pagan beliefs of Baltic and Slavonic tribes. The Lithuanian-Prussian tribes were the last bearers of the paganism in Europe. Their theology, as the most important part of the «incorpore» cul-

ture, did not acquire the harmony of the ancient system, but served as a prerequisite for the realization of national interests. The rituals of the Krivè-Kryvaitis are dark and cruel, they clearly show the spirit of the cultists. Even in the 19th and early 20th centuries, the motives of human sacrifice can be traced in the Baltic folklore.

The Krivè-Kryvaitis had an ideological influence not only on the Lithuanians and Latvians, but also on the Eastern Slavonic tribes. Ethno cultural descriptions as of the XII century indicate that the rapprochement of the peoples of the regions was facilitated by a structured pantheon of Prussian gods and a strict hierarchy of clergy .

The process of state growth was stopped by external military-ideological colonization. The Prussians were by no means peaceful hunters who lived in balance with nature. With the development of tribal relations, the role of the military-tribal elite was increasing which made it possible to create pre-state, and then state forms of social and political culture. In modern terms, their system of government could be called a terrorist rogue state. Its existence posed a real threat to many neighboring countries, especially to Poland. Lithuania and Russia also perceived the Prussians as a serious threat. The reason for this is the interests of their people, narrowly understood by the priestly class of the Prussians, conservatism, hypertrophied clan traditions . By the 13th century the high priest Krivè-Kryvaitis opposed Prussia to Christian Europe, moreover, he changed its historical development. It should be noted that in pagan times there was a practice of raids by unorganized Lithuanian gangs on Russia. According to «The Lay of Igor's Regiment» (interpretation of L.N. Gumilyov), they also inflicted significant damage on the Russian people, in particular, the Principality of Polotsk, «strewn with the bones of Russian sons» . At the same time, the Prussians traded with the Russian principalities. The theocratic pro-state which was created by the 7th-11th centuries, was not capable of dynamic development. The Krivè-Kryvaitis established a totalitarian rule with the absolute submission of their fellow tribesmen. Till the end of 19th century, the tax rate of 30% of all incomes of all classes was given as obligatory donations. Fearing anything foreign, rejecting the Christianity and the civilization based on it, the Krivè-Kryvaitis condemned themselves and their people to backwardness and to destruction. They were not ready to make concessions in politics and ideology for the good and stability of the state. As an outcome the ideology of Krivè-Kryvaitis fully disappeared.

The theory of cultural diachronism assumes a continu-

¹ Иконникова С.Н. Структура исторической культурологии // Культура на пороге III тысячелетия. СПб., 1998. - С. 7—13.

² Петр из Дусбурга. Хроника Земли Прусской / Петр из Дусбурга; изд. подгот. В. И. Матузова; [Ин-т рос. истории Рос. акад. наук]. - Москва : Науч.-изд. центр «Ладомир», 1997. - 383 с.

³ Шлевис Г. Православные святыни Вильнюса : страницы истории / Герман Шлевис. - Вильнюс : Sviato-Dukhov monastyr, 2003. - 151 с.

⁴ Батыр А. Сказание о литовском громовержце Перкуне / А. Батыр. - Москва : Имп. Моск. Ун-т, 1893. - С. 12.

⁵ Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 года / В. И. Кулаков. - Москва : Индрик. - 2003. - С. 7.

ous and direct impact of the culture of previous generations on the ethnos. From generation to generation, methods of vertical transfer of knowledge are used to form diachronic information on ideological and behavioral issues which is the most important for the existence of an ethnos. Ethno cultural norms and customs lead to the creation of a «cultural cluster». Initial cultural cluster in this region was formed due to the worship of the forces of nature by the Prussian Kriva-Krivaitis. They had self-sufficient ideas about the world that could not be assimilated with other religious and philosophical systems. The beliefs of the ancient Slavs and Prussians were close. Almost the third of the Russian historical nobility was originated from the Prussian princes or boyars. But it's no need to make any hasty conclusions. Saxon Grammaticus in the 12th century noted close relations between the Prussians and the Danes. The commonality of the cultures of Lithuania and the Eastern Slavs can be seen up to the end of the 13th and the beginning of the 14th century. The traces of the Balto-Slavic unity are still found in pagan beliefs and even in existing superstitions .

Nevertheless, having been crowned John III considered that in order to legitimize his dynasty he had to build his own genealogy from Augustus, who allegedly transferred the imperial powers to Prus, who became the Rurik's ancestor. This historical flashback was not so unreasonable as there is a hypothesis that not only the Varangians of Rurik, but also the entire people of Russia from the South-Eastern Baltic originated from the tribe of the Rugs, who lived in the 2-3 centuries on the adjacent territory where the Balts, Slavs and Germans were settled. In particular, the Princess Olga was called the ruler of the Rugs .

It should be noted that the history of ethno social processes in the South-Eastern Baltic was developing spontaneously. At the same time there was the presence of the most ancient ethno cultural phenomena. It is interesting to mention that some of the most ancient cultural phenomena «emerge» from the Christian civilization culture under favorable circumstances. There are theories that deny the significance of the Balto-Slavic contacts. The history and the culture of the Russian and Prussian peoples is also intertwined due to the significant Varangian influence which they have experienced since the 6th century. These prob-

lems were analyzed by V.I. Kulakov in his study of Prussian-antique, Prussian-German and Prussian-Scandinavian relations. There were also numerous ties between the Prussians and the Eastern Slavs. In the 15th century, the Novgorodians invited princes mainly from the Grand Duchy of Lithuania, and in 1470 they even tried to cooperate with the King of Poland and Grand Duke of Lithuania called Casimir.

The separation of Russian and Lithuanian lands began under Yaroslav the Wise and served as the basis for the forming of ethno cultural norms of statehood. The princes and boyars of the Southern and the Western Russian lands in the 13th century did not oppose the annexation of their lands to the Grand Duchy of Lithuania, as well as to Hungary and Poland. The Western Russian population became more and more akin to their western neighbors, not only by blood, but also politically. In the 16th century the Eastern Slavic population accounted for almost half of the inhabitants of Lithuania, from peasants to the largest magnates. Russian boyars and service people received many rights and freedoms of Polish lords and nobility .

Despite the fact that the history of the Southern Baltic according to documentary sources is viewed better than the history of most other regions of Europe, it is presented differently in various scientific spheres. And the main point is not only related to the pride of researchers for their country and their people, for whom the glory of the Motherland was a subject of everyday work. The history is politicized, and this feature is especially seen when deal with the Baltic lands, the ownership of which has always been controversial and continues to remain up to this day. Issues of ethno culture and religion are also controversial. Science takes this into account, but in every possible way distances itself from the politics. For Poland neighboring with an archaic pagan state became a serious problem. Being under pressure of the Germans from the West, torn apart by feudal conflicts, it was incapable to build a system of relations with the Western Russian principalities and as a result it could have disappeared as a state under constant pressure from the Prussians. In addition to pragmatic goals, Poland wanted to bring the light of Christianity to the pagans. King Boleslav I the Brave (996-1025) initiated missionary actions of the Order of St. Francis on the Prussian territory.

⁶ Гумилёв Л. Н. В поисках вымышленного царства / Л. Н. Гумилёв. — Москва : товарищество «Клышников, Комаров и К°» Лорис, 1992. — 318, [1] с.

⁷ Липшер В. Литовская литература в Восточной Пруссии // Лики родной земли. Калининград, 1999. - С. 536—537.

⁸ Кулаков В. И. История стран Балтийского региона : учебное пособие / В. И. Кулаков. — Калининград: КИТ, 2006. — С.18.

⁹ Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 года / В. И. Кулаков. — Москва: Индрик. — 2003. — С. 8.

¹⁰ Стецкевич. Е. ВойцехАдальберт / Ежи Стецкевич. — Калининград: Адальбертиниум, 1999. — С. 27.

¹¹ Иоанн-Павел II. Euntesinmundum // Единство в многообразии. Милан ; М., 1993. - С. 163.

¹² Бахтин А.П. Орден Братьев рыцарской службы Христу в Пруссии // Балтийский альманах. - 2002. - №3. С.53—58.

¹³ Новинский В. Очерк истории Православия в Литве / Проторирей Василий Новинский. — Вильнюс : Православное Братство Литвы, 2005. — С. 120.

It is necessary to mention the Bishop Adalbert-Wojciech (died in 997). His contribution to culture is priceless. St. Adalbert inherited the deeds of the Slavic teachers - Saints Cyril and Methodius, but Latin, Byzantine and German cultures were not alien to him. Due to his pious deed Adalbert-Wojciech was recognized by the Roman Catholic Church as the Patron Saint of the Baltic Slavs. This work was continued by St. Bruno of Querfurt (died in 1009), the first ethnologist of culturological region, who systematically studied the peoples of Russia, the Steppe frontier region and the Southern Baltic. This pious mission of enlighteners turned out to be tragedy but they outlined some ethno-cultural factors of the rapprochement of pagan Balts with Catholics. The Crusades can be considered as a kind of «socio-cultural activity», showing how in the Middle Ages the sacred principle was intertwined with the entire spiritual life. At the initial stage, these actions were not aimed at creating stable colonial formations. The first crusaders fit the idealistic imagery of 19th century romantic historiography. The nobility of the Spanish knights of the Order of Calatrava, who arrived on the Prussian coast in 1220, have inspired Polish poetry for centuries. The Castilians built castles and chapels, but could not win and died in the Prussian swamps. The Polish Macklenburg knights created the Order of the Brothers of Christ in Prussia (1227), but they shared the fate of the Spanish monks. Introducing of the Prussians to Christianity wasn't something evolutionary. If to compare the Poles who accepted Christ due to the efforts of the Franciscan brothers during the reign of Prince Meshko, and the Russians who were baptized by the Prince Vladimir, the Prussians were baptized by the monks-knights who belonged to the order of the Holy Virgin Mary of Teutonic but it was not without great difficulties and exorbitant blood. The chronicle of the Bishop Peter of Cameransky demonstrates that the light of Christianity was first brought to Lithuania by the Russians in the 11th century. At the same time, Orthodox clergy appeared in Lithuania. It is known that they were in the retinue of Olga, the Russian wife of the Grand Duke of Lithuania Gediminas. The first historical mentioning of Vilnius is the letter from Gediminas written in 1323. It proves that the Mass was served in this pagan city in the Dominican Church of the Holy Spirit and the Franciscan Church of St. Nicholas. The baptism of Lithuania as an event in the state and church life took place in 1387; the baptism of Samogitia was in 1413. The new religion marked the entry of the Lithuanian people into European culture. The primary reason for baptism was po-

litical and economic goals, but this did not exclude the sacredness of this action. Insufficient readiness of proselytes did not exclude the subsequent deep consolidation of the new faith. The history of Christianity knows few cases of leaving the Church by the newly converted ones as Christianization usually took place among very young, culturally underdeveloped peoples, incapable of further ideological opposition. Catholicism and Orthodoxy - came to the region almost simultaneously. These two denominations were coexisting with each other. Perhaps the only exception to this rule is the heroic asceticism of the Three Vilna Martyrs (Orthodox), but the history of any country in those years contains incomparably more such dramatic events. The first years of Christianity in Lithuania are described in the work of Fr. Vasily (Novinsky). Despite all the harshness of the orthodox pastor's judgments, he was describing without any prejudice the relations between Catholic and Orthodox missionaries and saints for many decades. Before the union, which led to the creation The Polish-Lithuanian Commonwealth, the population of Lithuania was indifferent to theological problems and for a long time did not pay special attention to the confessional differences of Christianity. Orthodox clerics did not seek confrontation with the Catholic congregations, there were no any religious disputes.

The history of the Uniate Greek Catholic Church is different and the problems of this highly politicized denomination were not associated with opposition to its canons. The Uniate schism helped to overcome the traditional inertia of the Lithuanian people's consciousness and became an element of the church and political life of society and the consciousness of Lithuanians. In the 16th century, the Orthodox Christians compiled almost half of the population of Lithuania from peasants to the largest magnates. The Catholic tradition in Lithuania is just as ancient.

The history of the development of cultural thought in this region emphasizes the need for tolerance in areas of cohabitation, without which there can be no interethnic peace. The tragic example is the history of the Brest-Lithuanian Union in the Slavic groups of the Southern Baltic.

Despite the significant role of the Orthodoxy in the national culture of the Russian and Baltic population, the Lithuanians in the Grand Duchy of Lithuania and Russia appreciated only the Catholic tradition. This is extremely important in relation to cultural terms as those who baptized the country proceeded from a progressive position and tried to preserve the Lithuanian national culture and not to adapt it to rigid canons of Roman Catholic Church. Due

¹⁴ «Священный пост на языческом пиру» литовская драма XVIII века о трёх Виленских мучениках <https://pravoslavie.ru/185.html> [от 25 V 2021].

¹⁵ Новинский В. Очерк истории Православия в Литве / Проторирей Василий Новинский. – Вильнюс : Православное Братство Литвы, 2005. – С.120.

¹⁶ Стецкевич. Е. Войцех Адальберт / Ежи Стецкевич. – Калининград : Адальбертиниум, 1999. – С.111.

¹⁷ Гумилёв Л. Н. Горе от иллюзий / Л. Н. Гумилёв, В. Ю Ермолаев // Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – Москва: Экспресс, 1993. – С. 174-187.

¹⁸ Новинский В. Очерк истории Православия в Литве / Проторирей Василий Новинский. – Вильнюс : Православное Братство Литвы, 2005. – С. 127.

¹⁹ Там же.

to the fact that the national ritual tradition was not interrupted among the Lithuanians and as a consequence many components of their ethno culture are still preserved (in comparison with Russia) the divergence of the Baltic and Slavonic cultures grew stronger on the Lithuanian land.

Библиографические ссылки

1. Батыр А. Сказание о литовском громовержце Перкуне / А. Батыр. – Москва :Имп. Моск. Ун-т, 1893. – 20 с.
2. Бахтин А.П. Орден Братьев рыцарской службы Христу в Пруссии // Балтийский альманах. - 2002. .-№ 3. - С.53–58.
3. Блажейловський Д. О. Українські Церковні Унії: Константинопільська, Римська і Московська / Д. О. Блажейловський. – NewYork; Paris; Sidnej; Toronto: [B. i.],1987. – 68 с.
4. Гумилёв Л. Н. В поисках вымышленного царства / Л. Н. Гумилёв. – Москва : товарищество «Клышников, Комаров и К°» Лорис, 1992. – 318, [1] с.
5. Гумилёв Л. Н. Горе от иллюзий / Л. Н. Гумилёв, В. Ю Ермолаев // Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. – Москва: Экопрос, 1993. – С. 174-187.
6. Иконникова С.Н. Структура исторической культурологии // Культура на пороге III тысячелетия. СПб., 1998. - С. 7–13.
7. Иоанн-Павел II. Euntessinmundum // Единство в многообразии. Милан; М., 1993. С. 163. Кулаков В. И. История Пруссии до 1283 года / В. И. Кулаков. – Москва: Индрик. – 2003. – 432 с.
8. Кулаков В. И. История стран Балтийского региона : учебное пособие / В. И. Кулаков. – Калининград: КИТ, 2006. – 106 с.
9. Липшер В. Литовская литература в Восточной Пруссии // Лики родной земли. Калининград, 1999. - С. 536–537.
10. Несколько слов о Францисканцах [http://pawet.net/library/v_other/u_frh/Несколько_слов_о_Францисканцах.\[от_15VII_2021\]](http://pawet.net/library/v_other/u_frh/Несколько_слов_о_Францисканцах.[от_15VII_2021]).
11. Новинский В. Очерк истории Православия в Литве / Проторирей Василий Новинский. – Вильнюс: Православное Братство Литвы, 2005. – 562 с.
12. Стецкевич. Е. ВойцехАдальберт / Ежи Стецкевич. – Калининград : Адальбертиниум, 1999. – 127 с.
13. Пётр из Дусбурга. Хроника Земли Прусской / Петр из Дусбурга; изд. подгот. В. И. Матузова; [Ин-т рос. истории Рос. акад. наук]. – Москва: Науч.-изд. центр «Ладомир», 1997. – 383 с.
14. Шлевис Г. Православные святые Вильнюса : страницы истории / Герман Шлевис. – Вильнюс: Sviato-Dukhovmonastyr, 2003. – 151 с.
15. Штрокорад А. Русь и Литва. Рюриковичи против Гедиминовичей. - М., 2004.
16. «Священный пост на языческом пиру» литовская драма XVIII века о трех Виленских мучениках <https://pravoslavie.ru/185.html> [от 25 V 2021].

References

1. Baty`r A. Skazanie o litovskom gromoverzhce Perkune / A. Baty`r. – Moskva :Imp. Mosk. Un-t, 1893. – 20 s.
2. Baxtin A.P. Orden Brat`ev ry`czarskoj sluzhby` Xristu v Prussii // Baltijskij al`manax. - 2002. .-№ 3. - S.53–58.
3. Blazhejlovs`kij D. O. UkrainskiCerkovniUnii: Konstantinopil`s`ka, Rims`ka i Moskovs`ka / D. O. Blazhejlovs`kij. – NewYork; Paris; Sidnej; Toronto: [B. i.],1987. – 68 s.
4. Gumilev L. N. V poiskax vy`my`shlennogo czarstva / L. N.

Gumilev. – Moskva : tovarishhestvo «Kly`shnikov, Komarov i K°» Loris, 1992. – 318, [1] s.

5. Gumilev L. N. Gore ot illyuzij / L. N. Gumilev, V. Yu Ermolaev // Ritmy` Evrazii: e`poxi i civilizacii. – Moskva: E`kopros, 1993. – S. 174-187.
6. Ikonnikova S.N. Struktura istoricheskoy kul`turologii // Kul`tura na poroge III ty`syaচেletiya. SPb., 1998. - S. 7–13.
7. Ioann-Pavel II. Euntessinmundum // Edinstvo v mnogoo-brazii. Milan ; M., 1993. S. 163. Kulakov V. I. Istoriya Prussii do 1283 goda / V. I. Kulakov. – Moskva :Indrik. – 2003. – 432 s.
8. Kulakov V. I. Istoriya stran Baltijskogo regiona : uchebnoe posobie / V. I. Kulakov. – Kaliningrad: KIT, 2006. – 106 s.
9. Lipsher V. Litovskaya literatura v Vostochnoj Prussii // Liki rodnoj zemli. Kaliningrad, 1999. - S. 536–537.
10. Neskol`ko slov o Franciskanczah [http://pawet.net/library/v_other/u_frh/Neskol`ko_slov_o_Franciskanczah.\[ot_15VII_2021\]](http://pawet.net/library/v_other/u_frh/Neskol`ko_slov_o_Franciskanczah.[ot_15VII_2021]).
11. Novinskij V. Oчерk istorii Pravoslaviya v Litve / Protori-rej Vasilij Novinskij. – Vil`nyus : Pravoslavnoe Bratstvo Litvy`, 2005. – 562 s.
12. Steczkevich. E. VojcexAdal`bert / Ezhi Steczkevich. – Ka-liningrad : Adal`bertinium, 1999. – 127 s.
13. Petr iz Dusburga. Xronika Zemli Prusskoj / Petr iz Dusbur-ga; izd. podgot. V. I. Matuzova; [In-t ros. istorii Ros. akad. nauk]. – Moskva : Nauch.-izd. centr «Ladomir», 1997. – 383 s.
14. Shlevis G. Pravoslavny`e svyaty`ni Vil`nyusa : stranicy istorii / German Shlevis. – Vil`nyus :Sviato-Dukhovmonastyr, 2003. – 151 s.
15. Shtrokorad A. Rus` i Litva. Ryurikovichi protiv Gedimi-novichej. - M., 2004.
16. «Svyashhenny`j post na yazy`cheskom piru» litovskaya drama XVIII veka o trex Vilenskixmuchennikax<https://pravoslavie.ru/185.html> [ot 25 V 2021].

Историко-культурный феномен народов Юго-Восточной Балтии в диахроническом измерении

Historical and Cultural Phenomenon of the Peoples of the South-Eastern Baltic States in the Diachronic dimension

Представлена этнокультурная динамика Юго-Восточной Балтии, которую невозможно понять без учета ее истории, включающей не только взаимодействие, но и взаимопроникновение культур, являющихся носителями гуманистических, аксиологических и коммуникативных функций.

There is presented the ethno-cultural dynamics of south - eastern Baltija which can not be comprehended without regarding its history, including not only interaction, but conduction of cultures being the carrier of humanist, axiological, and communicative functions.

Ключевые слова и фразы: кондекция, диахроническая культура, рособалты, континуум, палимпсестность.

Keywords and phrases: conduction, diachronic culture, rosobalts, continuum, palimpsestity.

Вячеслав ШАХОВ, Виктория ТЕН
Vyacheslav Shakhov, Victoria Ten

Калининградский государственный технический университет, Россия

Калининградский государственный технический университет, Россия

Kaliningrad state technical University, Russia
Kaliningrad state technical University, Russia

Regions, especially exclaves, represent themselves as socio-cultural systems, specifically conditioned by the availability of political, social, cultural, ethnic, and historical facts, aggregate of which constitutes a socio-cultural system. A regional community is characterized not only by features and regularities common for the country, but by specific peculiarities arising from historical and cultural traditions as well. To achieve the unity of regional society, it is necessary to gain the similarities of cultural policies and life aims of the bigger part of citizens and social groups. We formulate working integrating term to indicate the region under study, symbiotic lacunae of common settlement of Balts and Slavs with mutual ethno-cultural influence for more than eight centuries.

Two place names are equally used in literature. The described phenomenon in the Polish historical and, particularly, archeological literature is defined as a term 'Balto-Slavic continuum. By analogy there was used the term – continuum of Lithuania and the Kaliningrad region. Some kind of uncertainty, inherent to such indication, points to incompleteness of ethno-cultural, economic, and even linguistic formation of area researched. This term is cumbersome and wants permanent reminding of reasons and limits of its usage. It is more convenient to apply the term «south-eastern Baltija/Baltics» adopted to mark this region in Polish scientific literature. The Poles, really, include

the Polish part of East Prussia not into the ethnographic literature, but into the historical and economic ones only. Depending on specificity of scientific discipline, different grounds are focused on. Economists define the region as an economic business community, a geographer imply a territorial administrative unit, local historians – historical and cultural area, culturologists consider it to be culturally civilized, spiritual and moral space. National scholarly literature confines itself to political, economic, and legal analysis and, in the result, the region is not considered to be autonomous self-organizing system.

Therin, we give the ethnographic definition of the Baltic region – it is the integrating designation of the region researched, symbiotic lacunae of common resettlement of Balts and Slavs with mutual ethno-cultural influence for more than 800 years. The Russian scholar, archeologist, ethnoculturologist and historian V.I. Kulakov pays attention to the geographical regional locality of south-eastern Baltija, representing periple (closed coaster route- anc. Greek) of the Baltic sea which echoes the special character of local history.

Nonoccurrence of permanent conflicts in intercultural interaction of main ethnoses is one of the most significant ethno-cultural paradigms of the south-eastern Baltic region. This traditionalism of Russian and Lithuanian people is worth of cautious feeling. Since the ancient times the region has not been ethnically pure historical and cultural habitat, therefore the centuries – old intensive cultural and social exchange, interpenetration of ethnocultures (conduction, V. Sh.) give us the chance to speak about common continuum of the Kaliningrad region of the Russian federation and Lithuania. The formation of concept of common region history for all people inhabiting it can be of special heuristic importance. The ethnic history does not substitute the social one, but complements it filling in the vacuum inevitably being formed when only one aspect is applied.

Let us consider two mechanisms of the impact of history on the contemporary time-palimpsestity and diachronism. Many generations are brought up by the history of the second order-palimpsestity. Palimpsestity, as the wipe of previous ethno-cultural layers, is principally vicious because it rips the historical facts out from the context rendering them tendentiously distorting the truth, with deviation to «Stuff furied» right down to giving opposite meaning which brings to preposterous conclusions.

Diachronic vertical information is the most important one for the ethnos existence. The theory of diachronism implies ongoing and direct impact on the ethnos of cultures of preceding generations – from primitive forms to contemporary ones. From generation to generation, using methods of vertical transmission of knowledge, there is formed the most significant for the ethnos existence information on world-wide views and behaviour issues, orienting a personality in identification of good and evil-issues of ethno-cultural norms, traditions and rites.

The analysis of ethno-social processes history on the territory of south –eastern Baltics demonstrates the fact that at all time, despite the striving of actors of historical process to attribute palimpsest character to the culture of the region, it spontaneously runs diachronically, and, yet, the influence of most ancient ethno-cultural phenomena are observed and stated. The historical memory saves the particular mentality of a region affecting the specific means of rendering the elements of a ethno-culture being the main nation part. Like in old times, Lithuania has become now the outpost of a new type of civilization – a civil society. The previously implemented model of peaceful coexistence of the titular nation and national minorities is translated, while the succession is registered in separate cultural tradition-keeping groups.

To this day there has been preserved the influence of historical past of a region on the mentality of population and interaction of contemporary realities with ethno-culture of preceding inhabitants, even though its culture beares are not presented. The history of Lithuania - the witness of high peaks of martyrs holiness, cruelty of warriors, wisdom of rulers and apostasy of heresiarchs - has been observed here since the ancient times.

In historical times, the borders of cultural locus under research primarily corresponded to the those Grand Duchy of Lithuania in the period of its flourishing- i.e. the territories of Lithuania, Belarus, Black Ruthenia and Latgale, Smolensk and Pskov regions of Russia. After the partition of Poland the continuum included Polish kingdom, while Russian regions quit being its part. In the imperial period up to the Polish Uprising this region was designated as North –western area with the exception of districts where Polish culture prevailed, then it was dispersed on the map

administratively. After the Russian revolution independent Poland finally dropped out of community. In the soviet period Lithuania, Estonia and the Kaliningrad region composed it. We believe that out of all diversity of social relations in the region of south-eastern Baltics there stands out the integrating factor which denotes means and character of preserving the integrity of the system - this is the cultural life, multidimensional and centuries-old phenomenon, core foundation of which are ethnical and national cultures which creates regional ethno-cultural space.

The continuum of the Kaliningrad region - Lithuania, where representatives of the most diverse ethnic groups are involved into the process of intercultural dialogue, can be rightly referred to a region of «ethno-cultural mosaics». The region is inhabited by representatives of dozens of nationalities, among whom autochthonous ones are Luthuanians, Poles, Russians, Belarusians, Tatars, Latvians, Germans, Jewry. With rigorous accuracy, these nations can be considered old-timers while only Finnish population, which no longer exists in ethnographically pure form for more than a half of millennium, could be recognized autochthonous one.

It should be noted that for more than six centuries of co-residence Russians, Luthuanians, Poles and Jewry managed to work out some certain norms of mutual understanding and tolerance. Today, not only rapprochement of various national cultures and processes of assimilation are evident, but divergence inside the same culture occur. Thecoexisting alternative subcultures, including marginal ones, being developed, transform ‘main regional cultures’. Interpenetration and mixer of cultures of south-eastern Baltija people are confirmed by many facts. It could be proved by «celebrating not only own holidays» by the considerable number of other residents. Alongside, we strongly agree with researchers that the deep bases of culture of neighbouring people attract not many ones - 48.2% of responders are not interested in way of living and customs and traditions of other nations. This fact actualizes an important task- training of respectful, tolerant attitude to the cultural multiformity of the place.

To prevent negative interethnic processes it is necessary to evaluate methods of impact on society culture and identify the most efficient or, at least, available models of raising the culture of international and interconfessional tolerance.

Giving a tribute to the great predecessors, we can start with the fact that methods of this kind were proclaimed by St. Bruno Querfurt as a principal position worthy of Christians on this territory, then it was realized efficiently in practice by the Lithuanian Prince Vytautas the Great.

The intensive development of cultural and social exchange, conduction, as mutual interpenetration of ethno-

¹ Боас, Ф. Методы этнологии / Б. Боас // Антология исследования культуры, т. 1, СПб., 1997.

² Кулаков, В. И. История стран Балтийского региона / В. И. Кулаков // Калининград: информационно-изд Калининградского института туризма, 2006.

³ Janettes J. Palimpsestes. La litterature au second degne / J. Janettes // Paris, 1982.

⁴ Чеснов, Я. В. Лекции по исторической этнологии / Я.В. Чеснов // М.: Гардарики, 1998.

cultures and mentality of peoples, give the chance to speak about it as a common region, marked by unified economic interests and structures and the common root culture. With balanced ethno-cultural planning due to the community of interests, long lasting historical processes, connections and mutual influence of different ethnic and social strata, special economic, social, welfare, and recreation features and interests are in the process of formation. We should underline the fact that in the confined areas which south-eastern Baltija refers to, ethno-cultural methods of influence are very efficient, low-cost and accessible. You should not forget that they are available for criminal or dishonest groups.

Ethnicity is the method of structuring the space. The determining role in it belongs to the selfidentification of individuals, as ethnicity is not inborn, and is formed by the surrounding and personally. In the process of ethnicity formation, only those differences which are used to mark group borders are objective and meaningful. For instance, catholicism is significant matter for selfidentification for a Lithuanian, while for multi-religious Estonians religion is of little importance factor. The key role in the ethnicity construction is played by the leaders mobilizing ethnic group members, which is social engineering. The homogeneous reaction to the challengers of the surrounding world (e.g. searches of unity of origin, common features of culture, mixed marriages) is peculiar to specific ethnic regionality, as a result, the region residents are not restricted by national frames and join wider than ethnos society.

The civil state admits inner identity of ethno-cultural groups, moreover, the liberal democracy presupposes uniting people in the ethnic groups into integrate unified community, where common supranational culture and interests are regarded as the highest value. Ethnic variety of south-eastern Baltija can be presented by stable selfregulating systems, providing every community being its part with ethno-cultural potential. The cultural distinctiveness is not the reason for conflicts, but it can canalize destructive social consciousness without regular educational work. Insufficient information, lack of shared culture and competence in the problems of ethnology or malice of groups and power leaders frequently causes the international conflicts – luckily, Lithuania and the Kaliningrad region avoided them in the stressful days of National Revival and social unrest.

The European experience proves that economic contradictions are overcome easier than cultural-ideological (language, religious, national) ones. The cultural constituent comes forward at the stage of improving international relationships. With all significance of national ideas in the region, it is not backed by the real life – it is the aggregate of ideology and political activities using the concept nation as a symbol. In other words ethnocentrism in the continuum

Lithuania- Kaliningrad region is peculiar for political and administration elite and a small group of national intellectuals supported by a marginal stratum – which is a paradox really existing in the region.

Ethno-cultural specificity in the south-eastern Baltija region unfolds both the processes of interaction and interpenetration of elements belonging to similar or different cultures. The fact of common entogenesis of Slavs and Lithuanians by itself does not bear any information promoting tolerance and mutual understanding of our people and countries. Moreover, there exists opposite opinion founded to some extent, which claims considerable ethnic and cultural interpenetration between Lithuanian and Slavic tribes. Not insisting on such type of periodisation, it is sensible to regard the period of common pagan stage continuum. After a certain convergence, there appeared a number of differences in a language, customs, beliefs and they impacted on decoration, clothes, weapon and tools.

Discussing the thesis of the similarity of Balto-Slavic pagan civilization, we state the availability of a number of its elements which have still survived in the cultural lexical circulation of our countries being used not only in the folklore but in the pieces of folk art, especially architecture. We can suppose that in the conditions of constant contacts of eastern Slavs and Lithuanians these common cultural motives were permanently resumed and mutually intensified. While the Finish constituent was omitted in the process of cultural dynamics.

The «non-citizens» of Latvia today make up 40% of this small state population. The world opinion can be made to perceive it as a paradox and rudiment of a disintegrated total state. When the parallel connections of Russian communities of all countries of the Baltic society, at least, are formed there will talk about the interests of more than ten million people belonging to the middle class. Adoption of the common European constitution, which will definitely happen sooner or later, will bring acknowledgement of getting civil rights, preservation and development of own culture by the representatives of Russian diasporas beyond the national borders. The situation like this one is not so dangerous as the problem of national cultural autonomy of Islam nations of Europe, but keeping the discrimination of Russians ongoing will inevitably ruin the idea of civil union of European nations. The acknowledgement of their rights to uniqueness will lead to certain cultural shifts in the society. Similar tendency can be observed in Israel at the present time, where Russian culture has an impact on the official mono-cultural ideology, the only one justifying the formation and existence of this state in the centre of foreign culture. The future of the Baltic sea countries depends upon the course of ethno-regional processes. It needs per-

⁵ Zinkevičius Z. Pirmojo Lietuvos krikšto reikšmė//j. «Voruta», 2001. 07. 21, 14, p. 1 – 2.

⁶ Языкознание: Взгляд в будущее / Калининградский гос. ун-т, Факультет славянской филологии и журналистики; Под общей редакцией Г. И. Берестнёва. — Калининград: Янтарный сказ, 2002.

⁷ Пятружис, Г. Проблемы статуса Калининградской области в объединенной Европе / Г. Пятружис // В сборнике «Калининградская область в новой Европе. Социокультурный опыт – вчера, сегодня, завтра».- Пунск-Клайпеда, 2003.

manent expert estimation and development of managerial expertise. The unique character of the historic situation in the region is in the fact that socio-cultural dynamics, as in the Russian history, was subjected to the bifurcational processes. Very often the changes of religious and cultural status were carried out by force actions. The eastern Prussia became the sorrowful example of inadmissibility of national and religious confrontation. But peace in the region has always been the fruit of efforts of all people inhabiting it.

The main problem for the inhabitants of the eastern - Slavic roots was the geopolitical isolation from the main Russia, and it was an important necessity for a diaspora to adapt to the conditions of ethnocratic regimes. The last point concerns Lithuania to a less extent, where national conflicts were not those of total division of the society.

In the period of new geopolitical status, a region depends on the successful formation of a civil society. If the south-eastern Baltics preserves the system of majority-minority equality, as it is observed in the Lithuanian republic and in the Kalininrad exclave, the national factor will not overwhelm. To make the politically cultural society in the south-eastern Baltics stable, it is necessary to project the culture of preceding strata of Eastern Prussia residents onto the contemporary unified civilized culture of Europe, creating the sense of unified history and culture of the continuum with common traditions

It is important that interaction and connection of cultures, leading to mutual understanding of states, is carried out through cultural contacts. The cultural tradition includes both ethnoculture and rituals, and civilized culture. The condition for stable co-existence, harmonious functioning, evolutionary development of social community is culture of tolerance. Nationalism and fundamentalism are the least acceptable models for the regions with heteroculturalism, embracing all spheres not only of consciousness, but living as well. Therefore, initial condition to form tolerance of social relations is compulsory ethnocultural education.

Библиографические ссылки

1. Боас, Ф. Методы этнологии / Б. Боас // Антология исследования культуры, т. 1, СПб., 1997.
2. Кулаков, В. И. История стран Балтийского региона / В. И. Кулаков // Калининград: информационно-издательский отдел Калининградского института туризма, 2006.
3. Пятружис, Г. Проблемы статуса Калининградской области в объединенной Европе / Г. Пятружис // В сборнике «Калининградская область в новой Европе. Социокультурный опыт – вчера, сегодня, завтра».- Пунск-Клайпеда, 2003.
4. Чеснов, Я. В. Лекции по исторической этнологии / Я. В. Чеснов // М.: Гардарики, 1998.
5. Языкознание: Взгляд в будущее / Калининградский гос. ун-т, Факультет славянской филологии и журналистики; Под общей редакцией Г. И. Берестнева. — Калининград: Янтарный сказ, 2002.
6. Janettes J. Palimpsestes. La litterature au second degre / J. Janettes // Paris, 1982.
7. Zinkevičius Z. Pirmojo Lietuvos krikščionybės //j. «Voruta», 2001. 07. 21, 14, p. 1 – 2.

References

1. Boas, F. Metody e'tnologii / B. Boas // Antologiya issledovaniya kul'tury', t. 1, SPb., 1997.
2. Kulakov, V. I. Istoriya stran Baltijskogo regiona / V. I. Kulakov // Kaliningrad: informacionno-izdatel'skij otdel Kaliningradskogo instituta turizma, 2006.
3. Pyatrzhis, G. Problemy' statusa Kaliningradskoj oblasti v ob`edinennoj Evrope / G. Pyatrzhis // V sbornike «Kaliningradskaya oblast' v novej Evrope. Sociokul'turnyj opyt – vchera, segodnya, zavtra».- PunsK-Klajpeda, 2003.
4. Chesnov, Ya. V. Lekcii po istoricheskoj e'tnologii / Ya.V. Chesnov // M.: Gardariki, 1998.
5. Yazy'koznanie: Vzglyad v budushhee / Kaliningradskij gos. un-t, Fakul'tet slavyanskoj filologii i urnalistiki; Pod obshhej redakciej G. I. Berestneva. — Kaliningrad: Yantarnyj skaz, 2002.
6. Janettes J. Palimpsestes. La litterature au second degre / J. Janettes // Paris, 1982.
7. Zinkevičius Z. Pirmojo Lietuvos krikščionybės //j. «Voruta», 2001. 07. 21, 14, p. 1 – 2.

Арктический травелог: пространство строительства мурманской магистрали и перемены 1917 года в Беломорской Карелии и на Кольском Севере

Arctic travelogue: the construction space of the Murmansk railway and the changes of 1917 in the White Sea-region Karelia and in the Kola North

Статья посвящена публикациям 1917 года на страницах петрозаводской газеты «Мурманский путь» о путешествиях по линии только что сооруженной Мурманской железной дороги и прилегающим к ней территориям. Показано, как авторы газетных материалов воспринимали общественные перемены на Севере России в контексте социально-политических трансформаций периода строительства Мурманской магистрали. Привлечение малоизученных источников в жанре травелога позволяет проследить аспекты повседневной жизни строителей-железнодорожников, этнокультурную специфику пространства строительства и черты нового революционного времени в истории Беломорской Карелии и Кольского Севера начала XX века.

Article deals with publications in the newspaper «Murmansky Put» (Petrozavodsk, 1917) devoted to traveling in the area of just built Murmansk railway and to the adjoining territories. It is shown how authors of the newspaper materials perceived social changes in the North of Russia in the context of socio-political transformations dating back to the period of the railway construction. Close attention to poorly studied sources in a genre of the travelogue allows us to track aspects of railway builders' everyday life, ethnocultural specifics of space of construction and features of new revolutionary time in the history of White Sea-Region Karelia and the Kola North at the beginning of the XX century.

Ключевые слова и фразы: Мурманская железная дорога, пространство строительства, российская революция 1917 года, газета «Мурманский путь», публикации о путешествиях, социальные трансформации.

Keywords and phrases: Murmansk railway, space of construction, Russian revolution of 1917, newspaper «Murmansky Put» («Murmansk Railway»), travel publications, social transformations.

Елена ДУБРОВСКАЯ

Elena Dubrovskaya

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, Петрозаводск, Россия

Institute of Language, Literature and History (sector of history), Karelian Research Centre RAS, Petrozavodsk, Russia

In the era of socio-political transformations in the North of Russia at the beginning of the 20th Century the World War I and the Russian Revolution 1917 affected the organization of social life of the population living on the territories adjoining to the Murmansk railway. In the individual and collective memory of various categories of railway builders this time was imprinted by their emotional reactions of those days, especially in the period of revolutionary upheaval 1917, when the dissimilar social and national interests of the participants of the events came into conflict [10].

The geopolitical significance of the Kola North and the White Sea-Region Karelia, increased during the World War I and due to the Murmansk railway building, required the formation of new guidelines and values in the worldview of

people involved in this construction in 1915 - 1917 [16, p. 117-128; 7]. These were determined both by the peculiarities of regional cultural traditions and by the social, political, economic interests of the state. The complicated problem «Revolution and Man» draws attention to the question dealing with such a point: how in extreme situations under the influence of the wartime factor the customary social and cultural practices of construction- and office-workers of the Murmansk railway changed [6]. Still their interest to the unusual space of the Arctic territories and the inhabitants of these places remained firm.

The article is based on archival documents and publications, that illustrate the way of wartime everyday life within such structures as the work and leisure of builders. Close attention to poorly studied sources led us to publications in the newspaper «Murmansky Put» («The Murmansk Railway», September 1917 - March 1918). It was published in Petrozavodsk, the centre of the Olonets province, by the main Committee of the Union of Employees and Workers of the Murmansk Railway.

Statistics on the area of the Murmansk railway were based on the results of the First General Census of the Population of the Russian Empire held in 1897. In its final economic and geographical review of the Kola Peninsula at the beginning of the 20th century were mentioned the Kola-

Loparskaya, Kuzomenskaya, Murmansko-Colonistskaya, Ponoiskaya, Teriberskaya, Tetrinskaya and Umbskaya volosts (the lower divisions) on the territory of the Alexander district (uezd). Still «Address calendar of the Arkhangelsk province on 1903» indicated the Teriberian community as part of the Kola-Loparskaya volost [1, p.19]. Among the population of the peninsula, numbering 14,300 people, were listed Russians, Finns, Saami (Lopars), «Izhemians, Zyryans, Samoedas, immigrants from Norway and the Pechora Territory». Among the main occupations of residents were named deer-breeding, hunting, hunting of a sea beast, fishing industry, as well as «fishing in adjacent seas and the North Atlantic», which «is one of the main branches of specialization of the Kola Peninsula» [2, p.174].

Notes «From Kem to Murmansk («Letters by the Tourist»)» are written in the form of travel essays by a railroad office-worker, who signed the pseudonym and became one of the first «excursionists» to the village of Lovozero, noting the features of the traditional life of the Saami and the Izhemians of the Kola North. In 1917 he passed along the newly built railway and shared impressions of a trip to the Arctic territories through stations and junctions there. «Letters by the Tourist» undoubtedly points to the engineering profession and the technical attitude of the author, who drew attention to the peculiarities of traditional nature management in the Arctic. He pointed out that «whole herds of deer graze here in the gorges of the mountains, but they are not grazed by people, but by dogs specially trained for this case» [13, 2.11.1917].

Describing the village of Pongoma, located near the railway station of the same name, the traveler noted what happened literally before the eyes of the becoming dealer of marine products. The author lamented: if earlier pud (16.38 kg) of salted herring «cost 2 rubles 20 kopecks, now a dozen - 6 grivnas (60 kopecks)» [13, 28. 10.1917]. According to his story, local residents traded with Kem and Arkhangelsk and they managed to grow up with «red goods» (manufacturing and haberdashery products) for the money earned from the sale of herring there. Since steamboats entered Pongoma bay and anchored near the coast, railway builders used this «to improve health,» especially in the conditions of growing food difficulties in summer - autumn 1917. Here you could find «a fish-soup of ruffs, salmon, potatoes, grits, milk, eggs, sour milk, cottage cheese, butter, lamb, chickens as well as other delicacies». When mentioning these seemingly not very delicate products, «the Petrograd man», according to the eyewitness, «rises in temperature and experiences a severe fit of shivering» [13, 29. 10.1917].

The author also complained that despite good catches of fish, which «is not inferior in taste to Gatchina or Finnish trout,» the railway does not have «fishing organizations». This gave him reason to argue that on the line between Kandalaksha and Murman, «fishing is poorly developed», because fish are caught «exclusively by local Lopars». The traditional fishing activities of the indigenous Saami population of the region were perceived by labor migrants as a kind of duty in favor of the state institutions that appeared here: «These Lopars are registered by the railway and ac-

ording to the contract they are obliged to take all the catch in the pantry distances at a certain price». In practice this was poorly performed: «fish is sold at an expensive price in private hands, and only a small part of the catch falls into the pantries» [13, 2.11.1917]. A reader of «The Murmansk Railway» learned from a newspaper publication that Kandalaksha station is connected to the sea wharf by a one-track branch, and the village of the same name, lying near by is located on both banks of the mouth of the river, is extremely picturesque. There were up to 260 courtyards, three churches and up to 800 barracks of government buildings, 7-8 shops, cargo and passenger steamers approached the wharf. In the village «you can get any provision», «Kandalaksha is famous for its smoked small herring, the season of which is August and September. There are special fishing plants for this purpose here» [13, 1.11.1917]. A further account of the eyewitness who is well aware of the process of making smoked herring by the inhabitants of the White Sea-Region lies at the junction of ethnographic and technological descriptions: «Herring smoking is carried out in this way. Herring are placed in rows previously strung on iron bars in wooden boxes of huge size, in the middle of the box a fire breaks out, and the lid of the box closes tightly, then the box is put in earthen stoves; in 2-3 hours the herring are ready» [13, 1.11.1917].

The peculiarities of the organization of internal trade on the territory of the Kola Peninsula, noted by M.V. Ivanova and O.V. Shabalina, were typical for the 19th Century and are associated with the specifics of the resettlement of the inhabitants of the region and the actual lack of communication by land. This also affected the structure of trade transactions at the beginning of the 20th Century. The researchers identified national groups of the population among the participants in domestic trade who conducted traditional labor activities. These groups included the Saami (Lopars), the indigenous inhabitants of the region, the Pomors (coastal inhabitants) as the old resident population and Komi-Izhemians, who came to the peninsula after the 1880s. Together with the Finns and the Norwegians the last became ethnic migrants. Opposing assimilation, they existed within their economic model which was distinguished by the primary role of commercial deer herding and allowed a settled type of settlements also [9, p. 58-59].

Speaking of Kandalaksha as the center of the Lopar trade, the author of the travel notes «From Kem to Murmansk» still lists the assortment of goods probably he saw not for the first time, mainly supplied here by the Komi-Izhemians. He compares prices with those that were before: sea-hunters are bringing here for sale «pimas (shoes), deer skins, caps done from the skins of young deer». Carpets sewn from deer foreheads in staggered order with white-black drafts are especially original. «Previously, such a carpet cost 10-15 rubles, now prices are swollen to 180 rubles». According to the traveler, «all this goods are brought here from the surrounding coastal villages,» especially from Lovozero, which name, probably perceived by ear, is given in the notes as «La-ozero». He calls Lovozero «a large village located on the shores of the Arctic Ocean and promises

the reader to talk especially about it in the future. Among the goods brought to Kandalaksha, certainly, skins of seals, ringed seals, squirrels, martens, stoats had to draw attention of travelers passing by the Murmansk railway. «Especially beautiful are the skins of the ringed seals, when they are well manufactured, these skins go to the fur-coats, to the knap-sacks, shoes, hats, etc. Sometimes fox skins are found» [13, 1.11.1917].

The description of the journey to Lovozero refers to a trip from Yagelny Bor station in November 1916, which took several days and is not inferior to today's extreme tourism. To this «story in the story,» written in the travelogue genre and testifying to the unusual way of leisure by the participant in the railway construction, should be paid special attention. The journey conceived by him could take place only in winter «and moreover on deer» along the road «from Yagelny Bor to La-ozero about 60 versts long» (more than 120 km), although «no one measured the exact distance» [13, 2.11.1917].

According to the observations of M.V. Ivanova and O.V. Shabalina, who studied the ethno-economic factors of the Arctic haulage in the 19th Century, this developed type of economic activity of the Saami was a service for transporting goods and people across the territory of the Kola Peninsula. With the beginning of the Murmansk railway construction the demand for such a service from ministers of church, officials, entrepreneurs, industrialists, research scientists was supplemented by the needs of interested amateur travelers from among, albeit very few, railway builders. Their interest in the oldest indigenous population of the region was not limited exclusively to the practical benefits of railway construction. This type of activity of the Saami was becoming increasingly profitable. Following an eyewitness, «this expedition requires serious preparations and is very expensive», travelers «order the Lopars to deliver deer in advance, which require at least six». «One tried deer runs in front, two drag a sleigh with passengers, one - sledges with a tent and two run behind to change tired». Everyone needs a rest after 8 hours of race [8, p.44- 45].

The supply of provisions and the packed «Samoyed yurt» (nomad tent) were attached to light sleds. At 8 o'clock in the morning the expedition set out. The deer leader ran far forward, hiding completely out of sight, then returned back and ran away again. «This deer repeatedly ran from Yagelny Bor to La-ozero and knew the way well; we followed at a speed of 10 versts in its tracks» between almost sheer rocks «along the frozen channel of some river». With the onset of twilight they stopped in some kind of ravine, «the Lopar released the deer from the harness and, tying the leader to the tree by the horns, let the others to have a rest». Three travelers put up a yurt, unleashed snow around with the help of a wooden shovel, chopped brushwood and, warming at the fire, began to boil water. Everyone could not fit in the tent at the same time, thus one had to be on duty by the fire [13, 2.11.1917].

This story confirms the evidence of travelers who used the Saami haulage in the 19th Century, that the «nomadic Lopar» did not need to «stock up and take deer food with

him, no matter what long journey was ahead», because the animal could always feed itself with moss found under the snow [8, p.46]. «In order to get on the moss, the deer, having lowered its head, first thoroughly sniffs the surrounding area, then, apparently hearing its smell, begins to tear the snow to the bare soil with its front legs». The narrator was struck by the fact that «sometimes moss lies at such a depth that the deer is completely not visible in the den it have dug.» Having eaten moss in one place, the deer «digs the trench further, and being sated it lies down on its side in the snow and sleeps in such a position until it is hungry» [13, 2.11.1917].

All the night, while the travelers were sleeping in a tent, wrapping themselves in deer skins, the guide sat at the fire and warmed, smoking a pipe, in a twenty-degree frost. Knowing the features of the area, he did not recommend continuing the journey until dawn, «although the sky was starry, and the polar lights illuminated the taiga». For the first day travelers were able to drive only 15 versts (about 30 km), by the afternoon of the second day twice more. With the onset of darkness, they had to stay in the forest again until the morning. The author of the notes conveyed the impressions of such spending the night very eloquently: «I woke up from a terrible cold, the right side on which I lay was completely numb, very noisy in my head.» In their calculations the travelers were mistaken «for as many as 12 versts» (about 25 km), and thus they arrived on the third day. Only by 11 o'clock «stacks of hay brought in by snow» appeared ahead and behind them «far, versts 3-4, the dome of a small church». Upon arrival in the village, which totaled about 60 homesteads, the travelers received assurances from local residents that «there are 85 versts to Yagelny Bor in a direct way» [13, 2.11.1917].

From the «Letters of the Tourist» the reader found out that the Izhemians, who «lived in La-ozero, were a transitional nation from the Lopars to the Samoedas». Regardless of the degree of compliance of ethnographic representations of the builder of the Murmansk railway with modern ethnological knowledge [17], one cannot but appreciate his sincere interest in the socio-cultural environment of the region where he was forced to find himself. «From ancient times the Izhemians traded with Kandalaksha and the Solovetsky monastery», they «are engaged in fishing, but mainly are trappers, and manufacture skins, sew carpets, pims, hats from deer skins and ringed seals». The level of well-being of the local non-agricultural population did not escape the attention of the traveler: the Izhemians «are extremely wealthy peasants, some their herds have 2 thousand deer». Like any tourist trip, the 1916 journey to Lovozero could not, however, do without «shopping». «Having bought up skins and other items of the Izhemians' manufacture, three days later we moved back», - in such a way the author of the notes «From Kem to Murmansk» completed his «story in the story» [13, 2.11.1917].

However the contacts of railway workers with the indigenous population of the North of Russia were not always so friendly. Under the influence of the wartime factor, their interactions were forced in nature and often led to an ag-

gravation of relations. From January 1916 in connection with the launch of the railway from Sorokskaya station to Petrozavodsk a horse-drawn transport of military cargo (mainly rifles, cartridges, hand grenades) accumulated in the ports on the Murmansk coast, along the route Kola - Kandalaksha - Soroka (modern Belomorsk). It was planned along with two other winter horse-drawn routes aimed at supplying cargo to the Finnish railway network: Kola - Kandalaksha - Oulu and Kola - Kandalaksha - Rovaniemi. From Kola to Kandalaksha transportation was carried out mainly by the Saami mobilized for this purpose with deer sledding. However deer herders from the Karelian volosts of the Kemsy district were also partially involved [4, p.107 - 108].

In November 1917 several issues of the newspaper «Murmansky Put'» published the «Essays on Murmansk Life» [12], which were journalistic in nature. Their author, who signed the initials of A. de L., was a railway employee of the 3rd section of the 3rd distance of the track (Engozero station). Thanks to such paragraphs one can learn about the daily life of construction workers and railway employees as well as about their perception of the cultural space of the North. Sources reflected the perception by construction workers and railway employees either of the «previous» time or of the features of the «revolutionary» one. The study of aspects of their daily life in wartime emergencies makes it possible to understand how people's resistance to the processes of mass destabilization of social identity during the war arose and intensified, especially in the era of radicalization of society and the emerging confrontation of fellow citizens.

During the Russian revolution of 1917 the transformation of the political system took place against the background of the population's fatigue from the state arbitrariness of wartime and raised hopes for the so-called «better times» [5, p.116]. Social transformation is most pronounced in transition periods. In the North of Russia the aspiration for public compromise, on the one hand, and the desire not only of the military, but also of the civilian population under their influence to assert their rightfulness through violence, on the other, became especially noticeable.

The historians of the Russian revolution 1917, the Civil War and military intervention in Soviet Russia traditionally focused on the institutions of power and the main participants in the struggle for power, the largest political parties and their main leaders [14]. Meanwhile the study of everyday survival practices in the Arctic zone, which, in particular, the builders of the Murmansk railway were forced to resort to in the extreme circumstances of military and revolutionary times, opens up prospects for investigating the history of daily life against the background of socio-cultural changes in Russian society. At the same time it is urgent to take into account the complexity and debating character of questions on the structure and content of the concept of «everyday life,» which involves an analytical approach to the history of a changing person in his ordinary concerns [11, p. 251]. According to the observations of the famous Moscow ethnologist N. L. Pushkareva, the setting

of such topics as the «everyday life of the military era» or the era of revolutionary experiments is quite justified [15, p. 35]. As a «history of everyday practices» day-to-day life should inevitably include «forms of behavior and strategies for survival» that people use «in specific socio-political conditions» including the most extreme ones, in the conditions of wars and revolutions [15, p. 41].

The content of the concept of «everyday life» includes the relationship of a person with the world of things surrounding (the external and internal appearance of the dwelling, clothes, shoes, the usual diet, etc.). It is worthy of the description of a similar autumn days string in 1916, merged into a monotonous picture of the life of office employees at Engozero station. According to the eyewitness, at this time of the year the entrances to the barracks were filled with rainwater, and the roads, «if only that can be called, were narrow strips of land free of stumps and other building material,» which «were a flowing dirty mass.» On such days, people left home only because of extreme necessity: «to the pantry for provisions, to the office, to the horse yard and the like administrative authorities of Murmanstroy» (Murmansk railway building) [12, 5.11.1917].

A year later the author of «Essays of Murmansk Life» did not ignore the daily routine of his colleagues, who worked on the 3rd section of the 3rd distance. He stressed, that noting have changed in the day-to-day repetition of events in the pre-revolutionary «ordinary time» unlike the «current» time. «Life proceeded in such a way»: they got up at 8 o'clock, drank tea with white bread and butter, and tea-drinking was not «with pleasure», «but with sugar, not what is now», at 9 o'clock went to the office, where «they sat down until 3, then went to lunch and until 6, that is, before the start of evening classes, went to bed.» The working day ended at 9 o'clock evenings, after dinner time was spent as following: «everyone in their own way»: «someone read lying in boots on a bed, the other played the guitar to the accompaniment of a broken, fake bass, someone moved to the club, i.e. a more spacious room where they played cards, somebody went hunting for hares, and someone swung on a swing with a miner Nastey. And in the morning, after a sleepless night, the same picture is: an office» [12, 5.11.1917].

If we attribute the mention of hunting to a brighter time of year, this narration of leisure time is credible, although the narrator is not devoid of a tendency to «artistic» fiction, which is related to his «Essays» with a newspaper feuilleton. Thus, describing the exorbitant requests of clerks who wanted to receive compensation for property allegedly lost during a fire in a residential hut and completely unrepresentable in these conditions, he concluded, that the burners still had to move «for lack of suitable apartments» to the office, where «after the end of evening classes they were on the tables». The author of the publication noted a number of «inconveniences» caused by this: «firstly, they had to get up earlier, and secondly, it was impossible to play cards in the evenings, because gambling was not allowed in the office» [12, 5.11.1917].

In the everyday discourse of his narrative one can also

find examples of the «alignment» of the unusual. In this case, the unusual circumstances of the families of builders living in conditions of severe restrictions and food shortages of wartime [15, p. 4]. The practices of survival in a crisis situation are associated with cases of trickery which family builders were forced to resort to, counting on gratitude and some kind of reward from employees and workers involved in the manufacture of «brag». This required a certain amount of sugar, which could not be purchased for money, sugar was issued at a rate of 4 pounds (about 1.6 kg.) per month per person.

«This question was resolved in this way: some employee, a father of a large family, let children out on hire, and another employee who stayed on a building without a family - a passport in which the children were listed, and with this passport and children went to the gendarme». He certified that «family and children arrived at the employee», after that they went to the bookkeeper with this document and «categorically demanded apartments for the newly arrived family». However, after much persuasion on both sides, «they put up with the fact that temporarily the family could fit somewhere», and «sugar was immediately discharged by the number of souls of new arrivals» as compensation. As the author of the publication recalled, «the brag was cooked somewhere in a tame place, for example, on an island in a shelter of branches or in an uninhabited hut, or elsewhere. Yeast was from the bakery, hops were brought from the village of Pongama, sugar, therefore, from the pantry, the gendarme was invited for good relations. So the builders spent days and nights...» [12, 7. 11. 1917].

1917 year made changes to a similar procedure for organizing leisure activities. Attempts to deceive the state, declared and now perceived as «state of the people», were suppressed by Committees of workers and employees. In June 1917 at the same Engozero station, the local executive committee, headed by Chairman Boytsov, adopted a resolution, which was telegraphed to the Chief Executive Committee of Murmanstroy in Petrograd, as well as «all line committees and all heads of the construction from Petrozavodsk to Murmansk». The elected authority ordered Maxim Ryabov, the railway master of Ambarny station, and Elena Feodoraynina «for the manufacture and sale of various surrogates» to recognize as «enemies of the people who poison it and undermine its health» and «immediately remove from Murmanstroy» [3, p. 123]. Railway workers asked all the addressees «not to give them the opportunity to build their criminal nest» at another point on the railway.

However, the construction managers at that time still had the opportunity to adjust the unnecessarily radical decisions of the committees. In August 1917 the head of the 9th section D. D. Kozhevnikov got the information about the intention of the committee of the 3rd distance to release products to the priest of the burnt church in Pulozero at nomenclature (market) prices, but not at contract ones. He ordered the cancellation of this decree, citing the fact that the priest «never refused to fulfill demands, christening, funeral». Kozhevnikov appealed to the district committee

with a proposal to build a new church to replace the burnt one, especially since the priest already had cash donations «collected by local Lopars» (Saami-people). He insisted on the need to «collect more money for this by subscription and call carpenters who wished to work outside time for a fee or piecemeal» [3, p. 123].

Thus, the materials of the periodical press, relating to the time of the railway construction show that in 1916-1917 the builders could not but notice and feel the multiculturalism of the region in which they happened to be involved together with thousands of labor migrants and prisoners of war. Against the background of articles written by authors, who were not directly related to the construction of the railway, track notes and memories of its engineers and railway employees are distinguished.

Evidence preserved in sources of personal origin allows us to explore the features of the «emotional community» of internally displaced persons for the construction of the Murmansk railway in 1916-1917 and the mechanisms for their adaptation to life in unusual circumstances in the Arctic zone.

Исследование выполнено в рамках госзадания КарНЦ РАН (тема FMEN-2021-0009 «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII-XXI вв.: новые подходы и интерпретации»).

Библиографические ссылки

1. Адрес-календарь Архангельской губ. на 1903 г. со справочными сведениями по торговым и промышленным предприятиям и списком волостей Архангельской губ. Архангельск: губернская типография, 1903. - 200 с.
2. Голубев А.А. Мурманская железная дорога. История строительства (1894 – 1917 гг.). СПб: Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2011. - 205 с.
3. Дубровская Е.Ю. Пространство сооружения магистрали: строители Мурманской железной дороги и население прилегающих территорий в годы Первой мировой войны // Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов. М.: Наука. 2022. С. 76 – 133.
4. Дубровская Е.Ю., Кораблёв Н.А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914 -1918. СПб.: Нестор-История, 2017. - 432 с.
5. Зимица В.Д. Революция 1917 года в контексте трансформации политической системы России // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века. Сб. матер. Всерос. науч. конф. М.: ИГУМО, 2007. С. 116 – 121.
6. Змеева О. В. Стражники Мурманской железной дороги: регулирование отношений и формирование этносоциального порядка (1915 – 1916 гг.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып. 16. 2/2019 (10). С. 53 – 67.
7. Змеева О. В. Система взаимодействий в полиэтничном сообществе строителей Мурманской железной дороги // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып.22. 2/2022 (13). С. 62 – 75.
8. Иванова М. В., Шабалина О. В. Извоз и содержание почтовых станций как вид экономической деятельности коренного населения Кольского полуострова (саамов) в XIX в. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып.16. 2/ 2019 (10). С. 42-53.
9. Иванова М. В., Шабалина О. В. Особенности торговой

деятельности саамов на территории Кольского полуострова в XIX в. // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. Вып.17. 7/ 2019 (10). С. 53 – 68.

10. Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 гг.): военная необходимость и экономические соображения. СПб: Нестор-История, 2011. - 320 с.

11. Ольнева О.В., Федюк В.П. Общественные настроения российской провинции в 1917 году // Социальная история. Ежегодник. 2010. СПб.: Алтейя, 2011.С. 251- 283.

12. Очерки Мурманского быта // Мурманский путь. 1917. 5-8 ноября.

13. Построечник. От Кемидо Мурманска (письма туриста) // Мурманский путь. 1917. 27 октября – 3 ноября.

14. Петров Ю.А. Россия накануне Великой революции 1917 г.: современные историографические тенденции // Российская история. 2017. № 2. С. 3 - 16.

15. Пушкарёва Н.Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник 2007. М.: РОССПЭН, 2008. С. 9 - 54.

16. Трошина Т. И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск: ИД САФУ, 2014. - 347 с.

17. Чувьюров А.А. Кольские коми-ижемцы: импульсы и маркеры конструирования этнической идентичности // Северо-Запад: этноконфессиональная история и историко-культурный ландшафт. Седьмые Междунар. Шегреновские чтения. СПб.: Изд. дом «Инкери», 2018. С. 59 – 69. .

References

1. Adres-kalendar' Arhangel'skoj gub. na 1903 g. so spravochnymi svedenijami po trgovym i promyshlennym predpriyatijam i spis-kom volostej Arhangel'skoj gub. Arhangel'sk: Gubernskaja tipografija, 1903. - 200 s.

2. Golubev A. A. Murmanskaja zheleznaja doroga. Istorija stroitel'stva (1894 – 1917 gg.). SPb: Peterburgskij gos. un-t putej soobshhenija, 2011. - 205 s.

3. Dubrovskaja E.Ju. Prostranstvo sooruzhenija magistrali: stroiteli Murmanskoj zheleznoj dorogi i naselenie privilegijushhij territorij v gody Pervoj mirovoj vojny // Naselenie Kol'skogo poluostrova mezhdvu dvumja mirovymi vojnami: vzgljad istorikov i antropologov. M.: Nauka. 2022. S. 76 – 133.

4. Dubrovskaja E.Ju., Korablev N.A. Karelija v gody Pervoj mirovoj vojny: 1914 -1918. SPb.: Nestor-Istorija, 2017. - 432 s.

5. Zimina V.D. Revoljucija 1917 goda v kontekste transformacii politicheskoj sistemy Rossii // Oktjabr' 1917 goda: vzgljad iz XXI veka. Sb. mater. Vseros. nauch. konf. M.: IGUMO, 2007. S. 116 – 121.

6. Zmeeva O. V. Strazhniki Murmanskoj zheleznoj dorogi: regulirovanie odnoshenij i formirovanie jetnosocial'nogo porjadka (1915 – 1916 gg.) // Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovanija. Vyp. 16. 2/2019 (10). S. 53 – 67.

7. Zmeeva O. V. Sistema vzaimodejstvij v polijetnicheskom soobshhestve stroitelej Murmanskoj zheleznoj dorogi // Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovanija. Vyp.22. 2 / 2022 (13). S. 62 – 75.

8. Ivanova M. V., Shabalina O. V. Izvoz i sodержание pochtovyh stancij kak vid jekonomicheskoj dejatel'nosti korennoego nasele-nija Kol'skogo poluostrova (saamov) v XIX v. // Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovanija. Vyp.16. 2/ 2019 (10). S. 42-53.

9. Ivanova M. V., Shabalina O. V. Osobennosti trgovoj dejatel'nosti saamov na territorii Kol'skogo poluostrova v XIX v. // Trudy Kol'skogo nauchnogo centra RAN. Gumanitarnye issledovanija. Vyp.17. 7/ 2019 (10). S. 53 – 68.

10. Nahtigal' R. Murmanskaja zheleznaja doroga (1915–1919 gg.): voennaja neobhodimost' i jekonomicheskie soobrazhenija. SPb: Nestor-Istorija, 2011. - 320 s.

11. Ol'neva O.V., Fedjuk V.P. Obshestvennye nastroyenija rossijskoj provincii v 1917 godu // Social'naja istorija. Ezhegodnik. 2010. SPb.: Alteija, 2011.S. 251- 283.

12. Ocherki Murmanskogo byta // Murmanskij put'. 1917. 5-8 nojabrja.

13. Postroechnik. Ot Kemi do Murmanska (pis'ma turista) // Murmanskij put'. 1917. 27 oktjabrja – 3 nojabrja.

14. Petrov Ju.A. Rossija nakanune Velikoj revoljucii 1917 g.: sovremennye istoriograficheskie tendencii // Rossijskaja istorija. 2017. № 2. S. 3 - 16.

15. Pushkareva N.L. Istorija povsednevnosti: predmet i metody // Social'naja istorija. Ezhegodnik 2007. M.: ROSSPJeN, 2008. S. 9 - 54.

16. Troshina T. I. Velikaja vojna i Severnyj kraj: Evropejskij Sever Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny. Arhangel'sk: ID SAFU, 2014. - 347 s.

17. Chuv'jurov A.A. Kol'skie komi-izhemcy: impul'sy i markery konstruirovanija jetnicheskoj identichnosti // Severo-Zapad: jetnokonfessional'naja istorija i istoriko-kul'turnyj landshaft. Sed'mye Mezhdunar. Shegrenovskie chtenija. SPb.: Izd. dom «Inkeri», 2018. S. 59 – 69.

Русские диаспоры в Центральной Азии: поиск идентичности

Russian Diasporas in Central Asia: the Search for Identity

В статье рассматриваются актуальные проблемы русских в Центральной Азии. Такие, как проблемы языка, культуры, адаптации в регионе.

The article discusses the current problems of Russians in Central Asia. Such as problems of language, culture, adaptation in the region.

Ключевые слова и фразы: русские, адаптация, распад СССР.

Keywords and phrases: Russians, adaptation, collapse of the USSR.

Лариса НИКОЛАЕВА

Larisa Nikolaeva

Калининградский государственный технический университет, Россия

Kaliningrad State Technical University, Russia

После распада СССР в бывших советских республиках возник так называемый «русский вопрос», который затронул десятки миллионов людей, стал исторической трагедией русского народа. Проблема русских во вновь возникших государствах после распада СССР была впервые обозначена, как «русский вопрос» [4]. Актуализация «русского вопроса» происходит в настоящее время в связи с специальной военной операцией на Украине. В глобальной постановке вопроса он звучит так «Каково место и роль русской нации в современной цивилизации?» Термин «Русские» в Центральной Азии имеет смысл не как принадлежность личности к русской нации, а как человек носитель русской культуры. Традиция установилась со времен Туркестанского генерал-губернатора фон Кауфмана. Русские в новых государствах не могут сформулировать до настоящего времени парадигму: каково их место и роль в современной истории? Иначе говоря, становится очевидным, что по прошествию 30 лет после распада СССР проблема самоидентификации русских не разрешена. В СМИ Центральной Азии русских называют поэтично «народом, унесённым ветром». В политической плоскости проблема заключается в определении места и роли национальных меньшинств в центрально-азиатских государствах, к которым теперь относятся русские в новых государствах. Проблема преднамеренно «сужается» политическими элитами центрально-азиатских государств, в связи с национальной политикой, проводимой в них. Как отмечает политолог Кадыржанов Р. К. «Эти новые государства, добившиеся независимости на волне этнической мобилизации, проводят политику, которая создает преимущества в политической, социальной, культурной и иных сферах титульной нации в ущерб

русским и другим этническим группам» [5]. Как известно, распад СССР привел к ситуации, когда более 25 млн. русских оказались в новых государствах, не участвуя в миграции они стали гражданами иностранных государств. Количество русских и так называемых русскоязычных весьма условно ограничивать цифрой в 25 млн. человек, так как не в переписи населения, не в каких статистических отчетах не фиксируется та часть населения республик Центральной Азии, которые родились в смешанных браках, а также часть азиатских этносов, которые за многие десятилетия жизни в едином государстве стали носителями русской культуры и культурно-цивилизационно принадлежат к русским. Процесс миграции русских в ЦА (Центральной Азии) начался с момента присоединения новых территорий. Само продвижение славянского населения на новые территории Российской империи вытекало из сущности Российского государства. Расширялась территория Российской империи – и её население двигалось из центральных районов к окраинам империи. С XIX века процесс миграции славянского населения распространился и на все территории Средней Азии. Процесс миграции славянского населения в Российской империи стимулировался на государственном уровне. Заселение новых территорий империи происходило постепенно. Раньше всего были созданы русские поселения в Северном Казахстане и Северной Кыргызии, позднее только в советское время в Восточной Бухаре. Процесс переселения на территорию ЦА ускорился в результате столыпинских реформ. Русские, а затем и украинцы, в меньшей степени белорусы постепенно распространились по всей территории Центральной Азии [2].

Гейер Л. Ф. отмечал в своей работе цивилизационный аспект присутствия русских в Туркестане. С момента присоединения азиатских территорий к империи были построены железные дороги, заработал телеграф, были созданы промышленные предприятия, введены в сельскохозяйственный оборот новые неизвестные ранее культуры. Это был естественный объективный процесс, вызванный хозяйственно-экономической деятельностью населения, а также военными,

геополитическими интересами Российской империи. В политику Российской империи не входило насильственное обращение местного населения в православие, изменение традиционного уклада их жизни, культуры местного населения. В советский период истории движение населения из центральных районов СССР к окраинам государства приняло громадные размеры. Главная цель массовой миграции населения была заключалась в форсированном освоении окраин страны, формирование в Центральной Азии нового хозяйственного уклада, переход новых республик от феодализма к социализму. Для выполнения этой амбициозной задачи было необходимо проведение ударными темпами индустриализации, создание колхозов, строительство новых современных городов, создание новой системы образования и здравоохранения. Русским была предоставлена роль проводника и средства реализации государственных интересов СССР. К ним следует отнести создание индустрии и её развитие на основе современных технологий в исключительно аграрных республиках, проведение геологических изыскательных работ, создание современных гидроэлектростанций, автомобильных дорог, которые полностью отсутствовали в азиатском регионе. Месторождения полиметаллов, минералов, нефти, газа, которые активно эксплуатируют компании из США и ЕС результат труда советских геологов. В этом отношении выделялся Казахстан. На просторах казахских степей полиэтническая структура сложилась уже в 19 веке. Вхождение в состав России обусловило переселение в казахские степи казаков для защиты рубежей империи, затем крестьян из центральных районов России и государственных служащих. Массовое переселение русских в Казахстан и Центральную Азию началось в 20-е – 30-е годы XX века. Пик этого процесса пришелся на 50- 60-е годы. В эти годы шло освоение целинных и залежных земель, строились промышленные гиганты Казахстана. В это время быстрыми темпами стали расти города в Центральной Азии. Не слишком ли быстрым был рост городов в ЦА? Подобные вопросы, затрагивающие отношения «центра» и «Окраин», поднимались не раз за последние годы политическими элитами центрально азиатских государств. Негативная оценка происходивших в Центральной Азии процессов обусловлена политической конъюнктурой. В годы Великой Отечественной войны в среднеазиатские республики эвакуировались заводы и фабрики из Украины, Белоруссии, центра России, которые частично остались в Центральной Азии после окончания войны. Был дан импульс к развитию индустрии и культуры в целом в ЦА. Не преднамеренная руссификация Центральной Азии, а решение государственных народно-хозяйственных задач единой страны определяло миграцию русского населения в азиатский регион. К 60-м годам прошлого века доля русского населения в Казахстане составляло более 50 процентов, что вызывало в казахской политической элите недовольство. В Киргизии, Таджикистане, Турк-

мени, Узбекистане оно варьировалось от 10% до 17%. Однако русские занимали ключевые посты в экономике азиатских республик, в науке, здравоохранении, образовании. Оценивая проведенную в Средней Азии индустриализацию, западные учёные давали ей негативную оценку. Известный в Центральной Азии Баймирза Хаит акцентирует внимание на следующем моменте из истории среднеазиатских народов: «насильственное проведение индустриализации, которая шла в разрез с психологией местных национальностей, оказало им плохую услугу. Доказано, что местным национальностям свойственно исключительно гуманитарное мышление.» Баймирза Хаит Туркестан в Евразии [11]. Другую оценку процессам преобразования в Центральной Азии в советский период дает профессор Гарвардского университета Т. Раковска-Хармстоун. В монографии «Россия и национализм в Средней Азии. На примере Таджикистана.» Она ссылается на собственные полевые исследования и приходит к выводу о насильственной руссификации местного населения. Все проведенные в республике преобразования рассматриваются через призму проникновения в республику русской культуры, насильственное внедрение русских стандартов. С этих позиций рассматривается процесс индустриализации, коллективизации как приезд русских в Таджикистан и создание культурной среды чуждой таджикам. Более того автор, проведя исследование в Таджикистане утверждает, что культура таджиков не совместима с технической мыслью. Рассмотрев культурные ценности таджиков, автор приходит к выводу, что таджики романтики, поэты, но лишены рациональной мысли. Согласно, выводов, сделанных автором следует, что в Таджикистане существовал социальный компромисс, навязанный центром, таджики продолжают жить в селах, вести древний допотопный образ жизни, сохранять традиции предков, а наука, высокотехнологичные производства обслуживают русские. Рекомендации данные английским профессором сводились к следующему. Во-первых, необходимо освободиться от русских в Средней Азии. Во-вторых, избавиться от промышленного производства, превратив ЦА в экологически чистый регион, привлекательный для туристов [9]. Остается предположить, что идеи английского профессора были положены в основу программы Демократической партии Таджикистана. Она выступила в 90-е годы за принудительный отъезд русских из Центральной Азии. В новых независимых государствах русские потеряли статус ведущего этноса, которым его наделило государство-СССР. Перед русскими в центрально азиатских государствах встала проблема поиска новой идентичности, сформулировать своё отношение к вновь возникшим государствам и к России как своей исторической родине. В обыденной жизни процесс осознания означал оставаться жить на прежнем месте, приспосабливаться к новым обстоятельствам и вырабатывать новую идентичность, либо уезжать в Россию вырабатывать новую идентичность, приспосабливать-

ся к настоящей российской действительности.

С момента распада СССР второй вариант социального действия выбрало значительное количество русских. По данным ФМС России, внешняя миграция из стран СНГ и Балтии превысила только за 1991- 1996 г. число в два миллиона человек [7]. Основной объем миграции приходился на страны ЦА, в которых инерция защиты титульного населения от «колониальных последствий тоталитарного строя», набравшая силу в 1991- 1992 годах, и прошедшая апогей в 1994 году продолжает проявлять себя в политике «деруссификации» в XXI веке. Кадровая политика в русле строительства этнического государства стала характерной чертой всех государств постсоветского периода. Для центрально азиатских государств в настоящее время назначение на должности идёт исключительно по этническому принципу. В связи с этим в современной реальности миграционный поток русских из государств ЦА в Россию не сокращается. Осуществление политики этнонационализма привело к «вымыванию» русских кадров из основных сфер жизнедеятельности центрально азиатских государств. Приоритетным при приёме на государственную службу считается знание государственного языка. Однако это лишь одно из условий трудовой карьеры иноэтнического человека. В Центральной Азии всегда играли большую роль неформальные отношения: родственные, клановые, местнические связи. Русские, как правило, не владели системой подобных связей, поэтому оказались не востребованы в жизнедеятельности современных центрально азиатских государств. По этим же причинам они оказались не допущены до процесса приватизации в центрально азиатских государствах. Следовательно, не могли принять участие в создании рыночной экономики в данных государствах. Социальная структура в центрально азиатских республиках традиционно строилась по принципу социальной пирамиды. Каждый этнос занимает в ней определенную нишу и не выходит за её границы. Изменить данную социальную структуру советское руководство стремилось все годы советской власти. Однако социальная пирамида продолжает существовать и в настоящее время. В Центральной Азии во времена СССР русские были геологами инженерами, энергетиками, врачами, учителями, государственными служащими. За таджиками и узбеками была закреплена сфера торговли, за казахами и киргизами скотоводство, уйгурами сфера общественного питания, дунгане и корейцы поставляли овощную продукцию. Зависимость местных этносов от государства была меньше, чем у русских и они быстро адаптировались к изменившимся социальным условиям рынка.

Большое значение для современного положения русских имеет количественный состав русского населения в центрально азиатских республиках. Очевидно сокращение русской диаспоры в центрально азиатских государствах за последние 30 лет и эта тенденция сохраняется. В настоящее время количество русских

составляет от 2% до 25%. Русские в государствах ЦА никогда не были консолидированы, не проживали в обособленных кварталах, не имели своих национальных культурных центров. А тем более не организовывали партий или каких-либо национальных объединений. Следует признать очевидный факт массовый отток русского населения из стран Центральной Азии как итог, во-первых, распада союзного государства, во-вторых, как результат политики центрально азиатских государств, в-третьих, следствие недостаточно твердой целенаправленной политики России в отношении русских, оставшихся за пределами исторической родины.

Русские в государствах ЦА жили и трудились в иной культурной среде, которая содержала многие элементы исламской культуры. Как справедливо отмечает Погорелая Е. «длительное пребывания среди нерусских в зависимости от плотности этнической среды, частоты межэтнических контактов, особенностей семейно-бытовой жизни и производственной деятельности вело к определенной модификации их русской этничности и формированию таких этнопсихологических черт, которые позволяли им превращаться в «русских эстонцев, русских молдаван, русских киргизов» [6].

Можно лишь отчасти согласиться данным суждением о русских в Центральной Азии. Во-первых, длительность пребывания русских в среде азиатских народов исчисляется максимально 3-4 поколениями, что отличало их от русских в Украине, Белоруссии, культура которых имеет немало общих черт с русской культурой, во-вторых, в значительных сферах жизнедеятельности местное население до 1991 года видело в русских проводников современной цивилизации. Неслучайно, просветитель Ахмад Дониш в 19 веке написал «О мой бедный народ, ты прозябаешь в нищете и безграмотности, а лучезарный свет просвещения придет к тебе с Востока, из Великой России» [8], в-третьих, русские в ЦА воспринимали культуру Востока как иную культуру, но относились к ней уважительно, как и к самим носителям этой культуры. Русские проводили политику государства, идентифицировали себя прежде всего как советские. Поэтому распад государства стал для них личной трагедией, исчезло государство, которому они служили, а это повлекло к разрыву культурных, родственных, личностных связей. На наш взгляд, необходимо акцентировать внимание на некоторые существенные моменты жизнедеятельности русских в Центральной Азии. Переезд русских в центрально азиатские республики предполагал адаптацию к экстремальным климатическим условиям, что вело к аскетизму в повседневной жизни, умению довольствоваться малым в быту, формировало волевые качества личности. Русский язык в обыденной жизни сохраняет литературную форму, не несёт элементы диалектов различных областей России. Вместе с тем, он включает отдельные слова характерные для местной культуры. Для русских всех центрально азиатских государств

характерна толерантность. Все годы существования азиатских социалистических республик шел процесс размывания этнической идентичности, точнее её минимизация, процесс создания единой государственной идентичности. На этот процесс были направлены совместная производственная деятельность, государственные праздники, совместный быт и пропаганда. В конечном итоге все перечисленные элементы жизнедеятельности формировали толерантность русских. К особым социально-психологическим чертам русских ЦА следует отнести эмоциональную открытость, обостренное чувство патриотизма. Этот патриотизм вызвал у русских Центральной Азии в современных условиях острые эмоциональные переживания в связи с распадом страны. Романтика патриотизма пришла в противоречие с социальной действительностью и привела к глубокому разочарованию в силу и мощь российского государства, алармизму.

Предметом политической дискуссии остается вопрос о сущности государственной политики Российской Федерации в отношении русских за рубежом. Ряд исследователей, среди них С. Градировский, А. Тупицын полагают, что помощь русскому населению увязывается с некоей государственной политикой, проводниками которой якобы могут и должны быть русские диаспоры в Центральной Азии [1]. С нашей точки зрения такая постановка вопроса недопустима. Защищать интересы людей, оказавшихся за пределами родины, является задачей и долгом любого государства вне зависимости от того, есть ли у них некая «миссия» по отношению к своему государству. Существует крайняя точка зрения. «Нынешние русские диаспоры самим фактом своего существования отстаивают рубежи России, сдерживая, с одной стороны, ислам, с другой НАТО» [10]. На основе этой концепции была разработана теоретическая конструкция о роли русских в государствах ЦА как посредников в осуществление государственной политики России в новых государствах. Предполагалось создавать специальные производства, учебные заведения, частные больницы по этническому принципу с государственной поддержкой России. Таким образом решалась двудеятельная задача закрепления специалистов в Центральной Азии, их социальная адаптация и расширение сферы российского влияния. Однако данная концепция оказалась не выполнимой, во-первых, у российского государства не было материальных средств на её воплощение, во-вторых, местные политические элиты восприняли такой шаг России как создание «пятой колонны». Представленные точки зрения присутствуют в современной российской политике и науке. Русские являются теперь гражданами не России, а других государств, все их проблемы должны решаться в новых государствах. Данная позиция российского правительства в отношении русских в ЦА сохранялась до настоящего времени. Как отмечала Графова Л., позиция политической элиты России строилась на рекомендациях Джеффри Сакса и Стивена Коэна

советниках, консультировавших реформаторов РФ. Они считали русских из Азии людьми слишком советскими, которые могут помешать осуществлению реформ в России. При компактном расселении на территории России создать Русскую партию оппозиционной власти [3]. За десятилетия четкой выверенной политики в отношении русских в государствах ЦА не выработано МИДом РФ. Российское руководство было ориентировано исключительно на Запад и государства Центральной Азии его не интересовали, так же как русское население, оставшееся в центрально-азиатских республиках после развала СССР. Институт двойного гражданства не дает русским никаких преференций, материально затратно. Заявления о защите русского языка, русского мира на постсоветском пространстве декларируются на самом высоком уровне, но реальных шагов Россия не предпринимает. Такая ситуация привела к расцвету в государствах Центральной Азии, бытового национализма. Часть местного населения Центральной Азии стремится к самоутверждению путём унижения русского населения. Бытовой национализм имеет разные формы: порицание ношения европейской одежды, русских праздников, употребление нецензурной лексики в адрес всего русского, унижение чувства собственного достоинства по национальному признаку. Главной причиной бытового национализма законодательная база государств ЦА, которая декларирует формальное равенство этносов перед законом, но реально создает преимущества для коренного этноса, а также совокупность трудно отслеживаемых связей в азиатских этносах, которые позволяют формировать атмосферу неприязни. Кроме того, в отношениях этносов большое значение имеет отношение к трудовым мигрантам из ЦА на территории России. Информация о притеснениях мигрантов в России, приводит к очередным проявлениям бытового национализма в государствах ЦА. Следует предположить, что для защиты русского населения государств ЦА надо не только строить школы, создавать высшие учебные заведения, направлять учебную и научную литературу, а самое главное осуществить комплексную программу по усилению присутствия России в регионе. Безусловно, речь идет не только о присутствии военных Российской Федерации в Центральной Азии. Во-первых, необходимо более весомое присутствие российского бизнеса в регионе, который должен потеснить бизнес западных стран и Китая, во-вторых, организация и проведение совместных научных программ учеными Центральной Азии и России, в-третьих, активное участие российского правительства в разрешении региональных проблем. В-четвертых, связывать реализацию тех или иных экономических программ, военное сотрудничество России и стран ЦА с положением русского населения в регионе. В-пятых, необходима четкая национальная политика в самой России. В России принята и бессрочно действует государственная программа «По содействию добровольному переселению российских соотечес-

твенников на территорию Российской Федерации». Программа безусловно явилась прогрессивным шагом по пути возвращению русских на историческую родину. Вместе с тем она содержит ряд существенных недостатков, не позволяет реализовать права граждан России русским мигрантам в полном объеме. Сам процесс переезда сопряжен с многими бюрократическими барьерами как на территории страны исхода, так и в России. Кроме того, он является затратным для мигрантов: представление множества копий документов, сертификация дипломов, непредвиденные расходы при переезде, в виде поборов у отъезжающих в странах исхода. Необходимо особо обратить внимание на факт, что ряд Федеральных законов РФ «работает» против русских мигрантов, ущемляет их права, ставит в неравные условия с коренным населением России. Кроме того, ни одна общественная организация, а тем более государственные структуры России не просчитывали с какими материальными и моральными потерями сталкиваются репатрианты. Во-первых, все результаты трудовой деятельности мигрантов остаются в стране исхода, во-вторых, часть личной собственности остается тоже в стране прошлого проживания. Отдельно следует рассматривать потери репутационные и моральные. По этим причинам количество русских из ЦА участвующих в программе незначительно. С одной стороны, в центрально-азиатских республиках работают представительства «Росзарубежсотрудничества». Представительства осуществляют плановую деятельность по поддержке русского языка и российской культуры в Центральной Азии. Круг охвата населения незначительный. Существует не мало трудностей в этой работе. Например, запрет в Таджикистане на празднование Дней славянской письменности в городском масштабе, ограничения по празднованию Нового года. Кроме того, в Таджикистане и Кыргызстане функционируют Славянские университеты. Данные учебные заведения находятся в административном подчинении Министерства высшего образования РФ и Министерства образования РТ и КР. Их деятельность вызывает массу вопросов: значительная часть учебного материала преподаётся на таджикском и киргизском языках. Согласно уставу вуза, славянский университет должен был дать работу русским, но учитывая более высокий уровень зарплат, которые выплачиваются из бюджета России, в университеты «перетекли» представители титульной нации. В стенах университета звучит больше таджикская, киргизская речь. В связи с тем, что на протяжении всех лет независимости в новых государствах идёт планомерная работа государственных структур по минимизации использования русского языка. В то же время русская языковая среда исчезает в Центральной Азии. Преподаватели Российско-таджикского (славянского) университета (РТСУ) обратились с письмом к Председателю Совета Федерации РФ Матвиенко В. И. и министру высшего образования РФ, в котором они изложили недостатки в работе вуза. В письме, в

частности, указывается, что преподавание ведётся на таджикском языке, а в вуз зачисляются студенты, не владеющие русским языком. Преподаватели Славянского университета в Таджикистане: мы находимся в бедственном положении (kolokolrussia.ru).

Слабое владение русским языком ставит под сомнение эффективность деятельности филиалов российских вузов, работающих в Центральной Азии. Так, в 2009 году в РТ был открыт филиал МГУ, в 2011 году филиал Национального исследовательского технологического университета, в 2013 году филиал Московского энергетического института. Отчётливо прослеживается «слабость» политической позиции России при организации российских вузов и школ в регионе. Педагогические кадры формируются на этнической основе, а не по уровню компетенций. Основой консолидации современных русских диаспор в государствах ЦА на институциональном уровне могла бы стать православная церковь. На территории этих государств существуют епархии Московского патриархата. На этом пути существуют объективные препятствия. Во-первых, большинство русских воспитано в духе атеизма. Надо отметить, что в последние годы число верующих в ЦА возросло. Во-вторых, существует ряд административных барьеров, ограничивающих религиозную и просветительскую деятельность православной церкви. После распада СССР в республиках ЦА стали появляться российские общественные организации. Основными направлениями деятельности они ставили пропаганду русской культуры, русского языка. Главной целью русские объединения считают защиту интересов русских, смягчение последствий националистической эйфории, оказание помощи в адаптации русского населения в новых условиях. Процесс консолидации русских в национальные объединения идёт крайне сложно. Во-первых, осуществить взаимодействие со страной проживания, создать продуктивные отношения далеко не всегда удается, так же как выстроить эффективные отношения с Россией. Во-вторых, социальная психология русских Центральной Азии препятствует объединению в эффективную общественную организацию, содействовать духовному возрождению русского и других славянских народов, развитию их национального самосознания. Поддержка со стороны России пророссийских общественных организаций служит необходимой предпосылкой присутствия России в регионе, расширению Русского мира.

Библиографические ссылки

1. Градиловский С., Тупицын А. Диаспоры в меняющемся мире. - Независимая газета, - 1998. - № 7, июль.
2. Гейер Л. Ф. Весь русский Туркестан. — Ташкент. - 1908. - 495 с.
3. Графова Л. Компас переселенца. М. - С. 43.
4. Зайончковская Ж. Русский вопрос. Миграция. — 1996. - № 1. — С. 10-11.
5. Кадыржанов Р. К. Русский вопрос» в контексте в истории казахстанско — российских отношений. Полития. — М.:

2006. – № 3. – С. 124.

6. Погорелая Е. Русские как фактор культуры формирования нового пространства толерантных межэтнических отношений. Проблемы межрегиональных связей. - вып. № 12. - Санкт- Петербург- Калининград – Клайпеда. -2017. - С. 62.
7. Полоскова Т. Современные диаспоры. М.: 1999. - С. 129.
8. Раджабов З. Ш. Ахмад Дониш – просветитель из Бухары. - Душанбе. - 1961. - С.49.
9. Раковска–Хармстоун Т. Россия и национализм в Средней Азии. На примере Таджикистана. - Гарвард. – 1973 (русский перевод. Рукопись. Спец. фонд. Библиотека АН Республики Таджикистан).
10. Стратегия развития диаспоры. - Новая газета- Содружество. – 1998. - № 6.
11. Hayit b. Turkestan in Eurjasijas/- Koln/1980-S/240-241.

References

1. Gradirovskij S., Tupicyn A. Diaspory` v menyayushhemsya mire. -Nezavisimaya gazeta, - 1998. - № 7, iyul`.
2. Gejer L. F. Vés` russkij Turkestan. – Tashkent. - 1908. - 495 s.
3. Grafova L. Kompas pereselencza. M. - S. 43.
4. Zajonchkovskaya Zh. Russkij vopros. Migraciya . – 1996. - № 1. – S. 10-11.
5. Kady`rzhanov R. K. Russkij vopros» v kontekste v istorii kazaxstansko – rossijskix otnoshenij. Politiya. – M.: 2006. – № 3. – S. 124.
6. Pogorelaya E. Russkie kak faktor kul`tury` formirovaniya novogo prostranstva tolerantny`x mezhe`tnicheskix otnoshenij. Problemy` mezhregional`ny`x svyazej. - vy`p. № 12. - Sankt-Peterburg- Kaliningrad – Klajpeda. -2017. - S. 62.
7. Poloskova T. Sovremenny`e diaspory`. M.: 1999. - S. 129.
8. Radzhabov Z. Sh. Axmad Donish – prosvetitel` iz Buxary`. - Dushanbe. - 1961. - S.49.
9. Rakovska–Хармстoun Т. Rossiya i nacionalizm v Srednej Azii. Na primere Tadzhiqistana. - Garvard. – 1973 (russkij perevod. Rukopis`. Specz. fond. Biblioteka AN Respubliki Tadzhiqistan).
10. Strategiya razvitiya diaspory`. - Novaya gazeta- Sodruzhestvo. – 1998. - № 6.
11. Hayit b. Turkestan in Eurjasijas/- Koln/1980-S/240-241

